

18+

Евгений Петропавловский

ЧИНГИС*ХАН

БОЖИЙ ПЁС

Евгений Петропавловский

Чингис-хан, божий пёс

«Издательские решения»

Петропавловский Е.

Чингис-хан, божий пёс / Е. Петропавловский — «Издательские решения»,

Это роман о жизненном пути Чингис-хана, о его сподвижниках и недругах, о жёнах и наложницах, о любви и ненависти — масштабная сага о неординарной личности. Яркие картины минувших дней погружают читателя в неуёмный и бесповоротный век восходившей над миром Монгольской империи. Вымышленных событий и фактов здесь нет, ибо подлинная история куда богаче и увлекательнее любого — самого изощрённого — вымысла.

© Петропавловский Е.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Тэмуджин из Волчьего рода	6
Глава первая. Нет у нас друзей, кроме собственных теней	6
Глава вторая. Волчьи законы степи	22
Глава третья. Стая наносит удар	39
Глава четвёртая. Сила тянется к силе	51
Глава пятая. На крыльях мести	63
Глава шестая. Заклятые друзья	74
Глава седьмая. На земле должен быть один правитель	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Чингис-хан, божий пёс

Евгений Петропавловский

В земле Йека-Монгал был некто, который назывался Чингис; он начал быть сильным ловцом перед Господом, ибо он научил людей воровать и грабить добычу. Далее он ходил в другие земли и не оставлял пленять и присоединять к себе кого только мог, людей же своего народа он преклонил к себе, и они следовали за ним, как за возжём, на все злодеяния.

Иоанн де Плано Карпини

Чингис был Богом Созвездия Планет, монархом Земли и Времени, и все монгольские роды и племена стали его рабами и слугами.

Рашид-ад-Дин

© Евгений Петропавловский, 2026

ISBN 978-5-0070-5857-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Тэмуджин из Волчьего рода

Глава первая. Нет у нас друзей, кроме собственных теней

*Рваной тканью
Не прикроешь тела,
Сыт не станешь
Горькою травой.
Цао Чжи
Лучше — если не было и появилось, чем было да исчезло.
Монгольская поговорка*

Он был самым несчастным человеком на свете.

Сначала родичи и соплеменники бросили на дно жизни всю его семью, оставив их в степи на верную смерть. А когда они умудрились перезимовать, не умерев от голода, и действительность стала мало-помалу налаживаться, за ним вернулись. Мальчику надели на шею тяжёлую берёзовую кангу¹ и увели в рабство... Был ли под Вечным Синим Небом хоть один человек несчастнее Тэмуджина?

А ведь всё начиналось очень хорошо. Жизнь казалась безоблачной и так много обещала ему!

Его отцом был Есугей, грозный багатур², железной рукой управлявший монгольским племенем тайджиутов, которые считали своими предками бурого волка Бурте-Чино и каурю лань Гоа-Марал. Оправдывая своё волчье происхождение, Есугей-багатур наводил страх на соседние племена. Особенно сильно враждовал с татарами — неоднократно предавал разору их курени³, отбирал имущество и угонял в неволю вереницы рабов. Даже имя своему первенцу Есугей дал в честь убитого им татарского багатура Тэмуджина-Уге: степняки верили, что вместе с именем поверженного врага к ребенку переходит его сила.

Когда сыну исполнилось девять лет, Есугей решил его женить. Он привёз Тэмуджина в племя хонкиратов и помолвил с десятилетней Бортэ.

— Оставляй своего сынка, — предложил отец невесты Дэй-сечен⁴. — Пусть поживёт у меня в зятях-женихах.

— Что ж, пускай остаётся, — согласился Есугей.

Уезжая, он оставил в дар Дэй-сечену своего заводного коня. Напоследок предупредил:

— Только ты, сват, побереги моего мальчика от собак. Он их очень боится.

Есугей-багатур отправился в обратный путь, а Тэмуджин остался в юрте у Дэй-сечена.

В первый же день Бортэ, не утерпев, полюбопытствовала:

— Почему ты боишься собак?

— С чего ты взяла? — нахмурился мальчик.

— Слышала, как Есугей-багатур говорил это моему отцу.

— А разве волки боятся собак?

— Нет.

¹ Канга — невольничья колодка.

² Багатур — богатырь.

³ Курень — буквально означает круг, кольцо. Монголы ставили свои юрты, телеги и походные кибитки кольцом, в центре которого устанавливалась юрта вождя. Такое расположение было удобным для обороны от внезапных нападений и обеспечивалась максимальная безопасность вождя.

⁴ Сечен — мудрый.

— Вот видишь, не боятся. Но всё равно ведь близко к себе не подпускают, потому что не любят их.

— Но ты же не волк. Ты — Тэмуджин.

— Я тайджиут. А мы, тайджиуты, все произошли от волка.

— Айя! — восторженно воскликнула девочка. — Значит, мой муж будет волк, а я — волчица!

И они оба рассмеялись.

Бортэ ему очень понравилась: широкоскулая, быстроглазая, чернобровая, она была непоседой и хохотушкой. Девочку же поразили серо-зелёные глаза Тэмуджина; таких не сыскать ни у кого во всей округе.

Малолетние жених и невеста целыми днями бегали вокруг куреня, играли с другими хонкиратскими ребятишками в альчики, талцах, хурудах⁵. Как-то раз мальчишки затеяли бороться, и тут выяснилось, что никто из сверстников Тэмуджина не может его одолеть. Это преисполнило гордости маленькую Бортэ.

— Когда станем взрослыми, ты будешь самым прославленным багатуром среди тайджиутов, — сказала она, напустив на себя по-детски важный вид.

— Почему только среди тайджиутов? — Тэмуджин взглянул на неё с усмешкой. — Я и ваших, хонкиратских, сегодня одолел. Ты же видела.

— Верно, — согласилась девочка, — среди хонкиратов ты будешь тоже самым большим багатуром.

Он, наклонившись, сорвал травинку. И принялся жевать её, задумчиво глядя в багровеющую даль — туда, где огромное красное солнце, докатившись до края неба, одним боком коснулось степи и замерло, набираясь решимости перед спуском в холодную тьму нижнего мира.

— Нет, Бортэ, — сказал мальчик после продолжительного молчания. — Я хочу стать самым большим багатуром не только среди тайджиутов и хонкиратов. Прославиться среди всех народов, до самого края степи — вот это дело!

— Как ханы Хабул⁶ и Амбагай⁷?

— Как Хабул и Амбагай. И как мой отец Есугей-багатур.

— Вон какой ты, — в голосе Бортэ прозвучало удивление, смешанное с восхищением. — Я всегда знала, что у меня будет самый лучший муж на свете.

И, взяв Тэмуджина за руку, увлекла его в курень, к новым играм. Там к ним присоединились Алчи, младший брат Бортэ, и другие мальчишки и девчонки.

...Увы, беззаботная пора очень скоро закончилась, и её сменила длинная череда несчастий.

Первый удар судьба нанесла, когда Есугей возвращался домой от хонкиратов. Он ехал один по степи и в сгущавшихся сумерках разглядел впереди костёр. Приблизившись, увидел группу татар, пировавших после удачной охоты. Прошло совсем немного времени с тех пор как Есугей-багатур воевал с этим племенем, но теперь между тайджиутами и татарами установился хоть и шаткий, но всё же мир.

— Спокойно ли вы живёте? — произнёс Есугей обычное в степи приветствие. И после утвердительного ответа добавил — тоже традиционное:

⁵ Альчики — игра, похожая на русские бабки. Талцах — игра, состоящая в отгадывании количества предметов, которые спрятаны в руках соперников. Хурудах — игра с выбрасыванием пальцев.

⁶ Хабул — дед Есугея, монгольский хан; правил в 30-х — 40-х годах XII века. С 1135 по 1147 г. победоносно воевал с чжурчжэньской империей Цзинь (Северный Китай). В 1147 г. между Цзинь и монголами был заключён мир. Цзиньские власти уступили монголам 17 укреплений к северу от реки Сининхэ, которая стала пограничной. После смерти Хабул-хана (1149 г.) племенной союз монголов распался.

⁷ Амбагай — племянник Хабула, провозглашённый после его смерти ханом. Его заманили к себе татары и выдали чжурчжэням (империя Цзинь). По приказу цзиньского императора Улу Амбагай был прибит гвоздями к деревянному ослу.

— Пусть ваша еда будет вам во благо.

Татары его узнали, отозвались в несколько голосов:

— Да сбудутся твои пожелания, Есугей-багатур.

— Да будут благословенны духи твоих предков, здоровы все родичи и обильны стада.

— Пусть оберегут тебя Вечное Синее Небо, отец-Тэнгри и мать-земля Этуген.

— Присаживайся к огню, отдохни с дороги и подели с нами трапезу. Счастлив тот, у кого часто бывают гости.

Как же хотелось ему продолжить свой путь, не задерживаясь в кругу давних недругов! Но отказаться от приглашения он не мог: подобное считалось у степняков страшным оскорблением. Делать нечего: Есугей, спешившись, приспустил пояс с мечом, как полагалось по монгольскому этикету для демонстрации добрых намерений, и присоединился к пиршеству.

...Вскоре после того как багатур снова тронулся в путь, он почувствовал недомогание. Лёгкий утренний туман стелился над остывшей за ночь степью, постепенно рассеиваясь; а в глазах у Есугея тоже клубился туман, который, напротив, делался всё гуще, всё крошечнее. У него кружилась голова, а в горле разрастался тошнотворный ком. По его лицу градом катился пот; руки и ноги отяжелели так, словно были закованы в железные цепи.

Вернувшись в родной курень, Есугей-багатур буквально свалился с коня. Сутки провёл в беспомощности и бреде. А потом ненадолго пришёл в себя и сказал собравшимся вокруг него встревоженным домочадцам:

— Дурно мне. Извели меня татары, отравили. Пошлите кого-нибудь за Тэмуджином, хочу повидать его.

...К Дэй-сечену на взмыленном коне прискакал Мунлик, родич и нукер⁸ Есугея:

— Беда с нашим багатуром, отравили его татары! Шаману не удаётся изгнать духов болезни из Есугея. А он томится и тоскует по Тэмуджину...

— Ты приехал взять мальчика? — прервал Дэй-сечен многословного Мунлика.

— Да, меня прислали за ним.

— Раз сват так хочет видеть своего сынка, забирай его, — согласился Дэй-сечен. — А когда Есугею полегчает — пусть возвращается сюда.

Мунлик и Тэмуджин, покинув пределы куреня, выехали к берегу Керулена. Здесь на обширной речной луговине паслись полсотни овец и десятка полтора коз, а чуть в стороне, отмахиваясь хвостами от слепней, жевали траву коровы. За ними присматривали хонкиратские девушки, распевая песни — протяжные, как осенний ветер в степи; а женщины постарше бродили поодаль, в местах выпаса прошлых дней, и собирали в ивовые и берестяные корзинки аргал⁹, чтобы кормить им огонь в своих очагах.

По реке плавали дикие утки. Так близко, что подстрелить их смог бы и ребёнок. Но сейчас двум всадникам было не до охоты, потому их стрелы остались в колчанах, а луки — в саадаках. Потоптав коней, Мунлик и Тэмуджин ехали вдоль речного берега. Миновали луговину, затем — заросли ивняка, за ней — новую луговину; и свернули в степное густотравье.

Степь перекликалась звонкими птичьими голосами и пряно пахла полынью.

— Почему шаману не удаётся изгнать из отца духов болезни? — спросил мальчик.

— Он говорит: слишком много прошло времени, пока Есугей добирался домой после татарского угощения, — печально ответил Мунлик. — Духи успели укорениться глубоко в его теле и теперь хозяйничают в нём, как в собственной юрте.

— Зачем же отец принимал из рук этих злых людей еду и питьё?

⁸ Нукер — (букв. — «друг, товарищ»): воин, дружинник.

⁹ Аргал — сухой помёт скота, употребляемый в качестве топлива.

— Разве мог он показать, что боится разделить с татарами трапезу? Нет, не таков Есугей-багатур. К тому же все знают: законы степного гостеприимства священны, до сих пор никто их не нарушал.

— Я верю, что отец одолеет болезнь! — со слезами на глазах воскликнул Тэмуджин. — Он сильный, он убил много врагов, и её обязательно должен одолеть!

— Я тоже очень на это надеюсь, — со вздохом проговорил Мунлик. — Однако мне ничего не ведомо про духов болезни, с которыми сейчас борется шаман. На всё воля Вечного Неба.

Солнце скрылось за одиноким облаком, но небо наполнилось мягким сиянием, наделяя им весь срединный мир. Лишь в душах двух всадников было сумрачно от тревожных чувств.

...Как ни гнали коней Мунлик и Тэмуджин, они всё же опоздали. Незадолго до их приезда Есугей умер.

Так осиротела семья Борджигинов.

Много дней миновало с тех пор как малолетний жених Бортэ уехал к больному отцу, и девочка тосковала по Тэмуджину. Часто она выходила далеко за пределы куреня — шла к реке или в степь, садилась в высокую траву и пела грустные песни.

Ни на валуны, ни на деревья
Лебедь не садится, не садится.
С парнем из далёкого кочевья
Нам бы пожениться, пожениться.
Ветер, пролетающий над степью,
Забери с собою песню эту —
И неси к далёкому кочевью,
Чтоб услышал тот, кого здесь нету.
Грустно мне, что люди не летают.
Мне бы белой птицей обернуться.
Где мой милый бродит, я не знаю.
Суждено ль ему ко мне вернуться?
Жду его, печалюсь дни и ночи.
Пусть плохого с ним не приключится.
Парень этот нравится мне очень,
Нам бы пожениться, пожениться.

Покрытая жёлтыми и белыми цветами степь колыхалась под ласковым гребнем ветра, уносившим песни Бортэ в прозрачную небесную синь. Но достигнуть далёкого кочевья песни девочки, конечно же, не могли. А если б даже каким-то чудесным образом Тэмуджин услышал, о чём она поёт, всё равно это ничего не изменило бы... Постепенно Бортэ поняла: раз Тэмуджин с родичами не приезжает к ней, значит, с ним случилось неладное. И всё же она не хотела в это верить, гнала от себя дурные мысли.

Однако мальчику не было суждено в скором времени вернуться к Бортэ, ибо его постигло несчастье, горше которого трудно и придумать. После гибели Есугея власть в племени перешла к знатному нойону¹⁰ Таргутаю Кирилтуху. Тот провозгласил себя новым ханом и — желая избавиться от будущего соперника в лице подраставшего Тэмуджина — увёл тайджиутов на новые кочевья. А семью Есугея отказался брать с собой, изгнал из племени, бросил на произвол судьбы. В одинокой юрте посреди степи остались две вдовы багатура, Оэлун и Сочихэл, а с ними — старая рабыня Хоахчин и целый выводок ребятишек. Пятеро детей было у Оэлун:

¹⁰ Нойон — господин.

сыновья Тэмуджин, Хасар, Хачиун, Тэмуге и дочь Тэмулун. А Сочихэл имела двоих сыновей: Бектэра и Бельгутея.

Уходя, тайджиуты вдобавок ко всему ограбили несчастных вдов, угнав у них весь скот.

Известно, перед людьми слабый всегда виноват. А осиротевшую семью Борджигинов теперь было некому защитить.

Чем было жить несчастным изгоям?

— Скорей бы мне уснуть в последний раз, чтобы никогда уже не просыпаться в этом мире, — сокрушалась Сочихэл. — Нам некуда идти, не у кого просить помощи!

— Бывает только неправильный путь, но не существует безвыходных положений, — утешала её Оэлун. — Что нам остаётся? Надо крепиться, покуда есть силы. Мы должны жить ради наших детей, мы не имеем права оставить их на погибель.

— О, теперь их тоже ждёт безрадостная доля!

— Ничего не поделаешь, Сочихэл. Так уж устроен мир: в достатке живут только семьи ханов и нойонов, а участь простых людей в тайджиутском улусе¹¹ немногим лучше, чем у нас с тобой.

— Но мы-то с тобой не простые люди.

— Да что уж теперь вспоминать об этом. Вся наша знатность осталась в прошлом, из разбитого кувшина не напьёшься.

— То-то и оно, что сегодня не найти кого-нибудь, чьё положение хуже нашего. Даже самым ленивым и немощным живётся голодно лишь перед весенними травами, когда в семьях подходят к концу припасы. А у нас ничего нет, мы сейчас никто: нищие вдовы, всеми обобраные и покинутые.

— Пусть так, однако у нас есть дети, и мы не можем дать им погибнуть. Надо поднять их на ноги. Будем подобны траве, которая и на камнях пускает корни. Надеюсь, наши мальчики сумеют постоять за себя, когда подрастут, и тогда всё переменится к лучшему.

— Ох, Оэлун, только надежда у нас и осталась, да поможет нам Вечное Синее Небо.

Нет, они не утонули в пучине отчаяния, не покорились безнадежности, хоть и часто кляли злую долю. Для того чтобы прокормиться, Оэлун и Сочихэл каждый день, крепко приладив вдовьи шапочки и подобрав поясами шерстяные халаты-дээлы, ходили собирать степную землянику и бруснику, грибы и орехи, дикие яблоки и вишни, плоды шиповника и черёмуху, выкапывали из земли заострёнными можжевельновыми палками черемшу и дикий лук мангир, коренья судуна, кичигина и сараны, из которых варили похлёбку. Мальчики стреляли из детских луков дроф, сурков-тарбаганов и сусликов. Они свили из конского волоса лесу, к которой привязали железные крючки и, сладив удочки, принялись ловить в Ононе¹² хариусов, ленков и плотву. Иногда на крючки, наживлённые мелкими рыбёшками, удавалось вытащить жирного тайменя. А когда мальчики сплели невод, рыбалка пошла бойчее. Нельзя сказать, что еды было в изобилии, однако призрак голода отступил.

По вечерам, когда темнота опускалась на степь, они собирались у костра после дневных трудов и забот — и, сидя под высоким шатром небес, гадали: что-то станет с ними завтра? А через несколько дней? А спустя травы¹³ или более того? Но грядущее было покрыто пеленой густого тумана, сквозь который ничего не удавалось разглядеть.

Надежда и упорство — вот всё, что у них имелось.

¹¹ Улус — до того как сформировалось Монгольское государство — родоплеменное объединение с определённой территорией.

¹² Онон — река в Монголии.

¹³ Травы — годы. Чжао Хун, посол Южной Сун к наместнику Чингис-хана в Северном Китае Мухали в 1220 — 1221 гг. писал в своём сочинении «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар»): «По их обычаю, [они] каждый раз отсчитывают один год, когда зеленеют травы. Когда у них люди спрашивают возраст, то [они] говорят: «Столько-то трав!»».

В суровых условиях, в беспрестанной борьбе за жизнь укреплялись характеры подрастающих Борджигинов. Они знали: что бы ни случилось, никто не придёт на помощь, не протянет руку дружбы. Они привыкли справляться с трудностями самостоятельно.

Когда человек к чему-то привыкает, это становится обыденностью.

Время текло, омывая события, подобно реке, в которой вода непрестанно меняется, уносясь вдаль, но берега остаются всё те же.

Так миновало несколько трав.

Всё бы ничего, но Тэмуджина и Хасара стал обижать более сильный и задиристый единокровный брат Бектэр, сын Сочихэл: то подстреленную птицу отбирал у них, то жирного тарбагана, а то и просто насмехался, щедро одаривая братьев тумакami. Несколько раз мальчики, не выдержав, жаловались матери на притеснения.

— Ах, что мне с вами делать? — сердилась Оэлун. — Отчего так неладно живёте со своими братьями? Не забывайте, что вам ещё предстоит отплатить за предательство тайджиутам и за убийство отца — татарам. Но разве удастся это сделать, если вы будете всё время ссориться между собой? Не смейте так поступать, между сыновьями Есугея не должно быть розни!

И горестно добавляла всякий раз:

— Нет у нас друзей, кроме собственных теней, нет плети, кроме бычьего хвоста.

Однажды Тэмуджин с Хасаром удили рыбу в Ононе, и на крючок Тэмуджина угодил большой таймень. Тут появился Бектэр с кожаным ведром и удочкой (он тоже занимался рыбной ловлей неподалёку) и отобрал у него добычу.

— Отдай! — воскликнул Тэмуджин, стараясь сдержать слёзы бессильной ярости. — Это моя рыба!

— А вот и неправда, — скорчил насмешливую мину Бектэр. — Когда возле реки нет людей, любая лягушка может сказать: «Рыба в реке моя!» А потом придёт человек и объявит: «Врёшь, мелюзга пучеглазая, прежде эта рыба была твоей, а теперь она — моя».

— Если ты сильнее, это ещё не значит, что я не смогу с тобой справиться. Попомнишь мои слова, да как бы не оказалось поздно!

— Ой-ой, мне угрожает грозный багатур! — продолжал кривляться Бектэр. — Как я испугался твоей угрозы, прямо чуть не умер со страху! Ха-ха-ха! Интересно, что же ты со мной сделаешь? Поколотишь? Или сразу разрежешь на кусочки, как барашка? Ха-ха-ха! Никогда тебе со мной не справиться, слабак, я всегда буду главным в семье, понял? Братья должны подчиняться старшему, делать то, что он велит, и отдавать ему всю добычу!

После этих слов он бросил тайменя в своё ведро, где уже плескалось в воде несколько серебристых рыбёшек, отвесил Тэмуджину звонкую затрепину — такую, что тот, не удержавшись на ногах, свалился в густые заросли прибрежного тальника — и посоветовал издевательским тоном:

— Рыбу у тебя ловить не очень-то хорошо получается. Лучше привяжи к поясу дохлую мышь и притворяйся охотником. Мышь-то я у тебя точно не отберу.

А затем удалился неторопливым шагом.

Тэмуджин и Хасар снова явились к матери и рассказали ей о нанесённой обиде. Однако Оэлун по обыкновению принялась уговаривать их помириться со старшим братом. Она и сама уже стала побаиваться распоясавшегося Бектэра.

Не найдя сочувствия у матери, мальчики ушли на реку.

Они сидели на берегу и уныло следили за игрой солнечных бликов на поверхности Онона, спокойно струившего вдаль свои прозрачные воды.

— Почему Бектэр такой злой? — недоуменно вздохнул простодушный Хасар. — За что он нас ненавидит?

— Наверное, за то что наша мать — старшая жена отца, а тощая Сочихэл — младшая, — после этих слов Тэмуджин, подобрав с земли плоский камешек, швырнул его в реку, и тот резво запрыгал по воде.

— А какая разница?

— Для тебя никакой. А для дурака Бектэра, выходит, есть разница, раз он так бесится.

— А может злые демоны вселились в него?

— Он сам хуже любого демона. Но мы не будем больше терпеть издевательства этого чотгора¹⁴, хватит!

— Да что же мы можем сделать, Тэмуджин? Он ведь сильнее. А мать не слушает нас, только ругается. Всё твердит, что мы должны жить с ним в согласии.

— Ну да, и сносить пинки да зуботычины. Вчера отнял у нас жаворонка, подстреленного моей стрелой, сегодня — рыбу. Он ведёт себя так, будто мы — его боголы¹⁵. Как же нам жить в согласии с ним, Хасар?

— Никак не получается.

— Вот и я говорю. Не брат он нам. Не нужен мне такой злой брат.

— И мне не нужен... А давай пойдём к Сочихэл: расскажем ей, как ведёт себя Бектэр — может, она накажет его, и он перестанет нас обижать?

— Нет уж, хватит плакать да жаловаться. Разве мы не мужчины?

— Мужчины!

— Так пусть теперь все это увидят! Больше мы не станем просить защиты у женщин — сами расправимся с ним.

— Как?

— Как это делают настоящие воины со своими врагами, — в голосе Тэмуджина прозвучали жёсткие нотки. — Голодная мышь готова и кошку съесть. Слышал такую поговорку? Бектэр слишком долго злил нас, вот теперь злость и даст нам силу.

— Если мы вдвоём поколотим его, то нам крепко нагорит от матери, — покачал головой Хасар. — Да и Бектэр потом будет бить нас поодиночке, он ведь сильнее.

— Мы убьём его.

Сказав это, Тэмуджин ударил ребром кулака по травянистому бугру, на котором сидел. И, немного помолчав, добавил:

— Потому что нет у нас друзей, кроме собственных теней...

В этот же день они взяли луки и подкрались к Бектэру, когда тот сидел на пригорке. Разделившись, приблизились к нему, скрытые пологом высокой травы: Тэмуджин — сзади, Хасар — спереди. А затем всё произошло быстро и легко, как на охоте: звонко тенькнули две тетивы — и две стрелы вонзились в тело брата. В прозрачном воздухе последний крик Бектэра разнёсся далеко над степью, и его тело рухнуло в густую траву.

Так не стало обидчика у Тэмуджина и Хасара.

О, как рыдала Сочихэл, узнав о гибели сына! Она каталась по земле и рвала на себе волосы. Она то проклинала братьев-убийц самыми страшными проклятиями, то вновь принималась кататься по земле, обезумев от горя. Она орала, как потерявшая детёныша верблюдица, и расцарапывала себе ногтями лоб и щёки, и трясла головой, размазывая по лицу кровь и слёзы. А когда обессилела и почти лишилась голоса — осталась лежать подле юрты; и, приподнявшись на локте, сверлила Тэмуджина и Хасара ненавидящим взглядом, и продолжала хрипеть, извлекая из тёмных глубин своего существа всё новые и новые проклятия, коим не

¹⁴ Чотгоры — злокозненные духи; по верованиям монголов, в них обращаются те из людей, которые совершили десять смертных грехов.

¹⁵ Боголы — рабы-мужчины.

было конца... Но что могла сделать слабая женщина? Ничего. Теперь уже она боялась мальчишек, стоявших перед ней, потупив головы, однако ни единым словом, ни единым жестом не выразивших раскаяния в содеянном.

Отчаянно ругала сыновей и Оэлун. Особенно Тэмуджина, которого справедливо считала зачинщиком убийства.

— Душегуб! — кричала она. — Недаром ты появился на свет из моей утробы, сжимая в руке комок запёкшейся крови!

Но и мать-облако¹⁶ ничего не могла поделать. Что случилось, то случилось, убитого к жизни не воротишь.

Бледный как полотно Тэмуджин кусал губы, слушая крики женщин, и молчал. Он поступил как следовало, иного выхода Бектэр ему не оставил — а значит, и сожалеть было не о чем. Оправдываться перед Сочихэл и Оэлун не имело смысла.

Зато теперь все поняли, что в семье появились настоящие мужчины, в этом Тэмуджин оказался прав. И все признали его негласное главенство, в том числе и Бельгутей, сын безутешной Сочихэл.

Впрочем, полоса несчастий на этом не кончилась.

Да, так уж водится в жизни, что несчастья подобны стаям перелётных птиц.

Новости быстро разносятся по степи. И когда до тайджиутов дошла весть об убийстве Бектэра, Таргутай Кирилтух сказал:

— Я считал их безобидными овечками, да овечки-то обליняли и обернулись зубастыми волчатами. Видать, все Борджигины рождаются в недобрый час: не хочет мать-земля Этуген носить их на своём теле. Но Тэмуджин оказался живуч: мне уже мнилось, что скоро его не станет на белом свете, а он — вон какие дела творит. Что ж, теперь я должен сурово наказать мальчишку за совершённое им злодеяние.

Он оседлал своего коня и в сопровождении сотни турхаутов¹⁷ отправился на поимку юного братоубийцы.

...Заслышав издали топот копыт, Оэлун поняла, что пришла новая беда.

— Это тайджиуты! — воскликнула она. — Бежим! Скорее!

Все выскочили из юрты и бросились к горе Тергуне: там, в густом лесу, покрывавшем горные склоны, можно было укрыться от недругов.

Преследователи уже почти настигли их, когда Тэмуджин, Хасар и Бельгутей, укрывшись за стволами деревьев, принялись стрелять в тайджиутов из луков — и те были вынуждены отступить. Никому не хотелось пасть пронзённым одной из стрел этих дерзких и безрассудных мальчишек.

— Выдайте Тэмуджина, никого другого нам не надо! — прокричал Таргутай Кирилтух, осадив свою рыжую лошадь на безопасном расстоянии от кромки леса. — Вы поступаете неблагоразумно, укрывая его! Закон должен покоиться на обычае, а обычай — на законе! Выдайте преступника, и мы не тронем всех остальных! Так будет правильно!

— Попробуй добраться до моего брата! — донёсся в ответ звонкий голос Хасара. — Прежде чем ты его получишь, мы сделаем вдовами многих тайджиутских жён!

В воздухе повисла тягостная тишина, изредка нарушаемая лишь конским ржанием да негромким позвякиванием сбруи. Все обратили взоры к нойону, ожидая его решения. Но Таргутай Кирилтух колебался. Губить своих турхаутов в противоборстве с непокорными недорослями не хотелось. Однако и отступить он не мог, это было бы позором.

¹⁶ Оэлун — в переводе означает «облако».

¹⁷ Турхауты — стража.

Долго, сощурившись, оглядывал Таргутай темневшую на фоне бездонной небесной синевы гору Тергуне. А потом долго расхаживал взад-вперёд, заложив руки за спину. После чего сокрушённо покачал головой и проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Эти мальчишки станут хорошими воинами. Бесстрашными и безжалостными.

И, помолчав ещё немного, добавил задумчивым тоном:

— Да-а-а, выросли волчата. Не зря у нас говорят, что сыновья волка не станут братьями человеку, хоть всех баранов им скорми, хоть собственную руку отдай... Надо вырвать у них клыки, пока они сами не вышли на охоту всей стаей. Ничего, я лишу их вожака, и тогда они станут для нас не опасны.

Он велел тайджиутам окружить гору и дожидаться, пока голод не вынудит беглецов выйти из леса. А сам расположился в походной юрте поблизости.

Тэмуджин догадался, что его решили взять измором. И тогда он обратился к своим домочадцам:

— Ни к чему всей семье расплачиваться за мой поступок. Отправляйтесь домой, они вас не тронут... Иди и ты, Хасар, — слышал ведь: им нужен я один.

— Как могу я тебя покинуть? — с жаром возразил младший брат. — Нет уж, я останусь здесь и помогу тебе отбиваться! Пока до нас доберутся — убью двоих-троих, это точно. Ты же знаешь, мои стрелы всегда метко попадают в цель.

— Иди, не стоит толочь воду кулаком, — настойчиво повторил Тэмуджин. — К чему тебе губить свою жизнь, если врага всё равно не одолеть? Нет, сейчас силой ничего не решишь.

— Что же ты собираешься делать, когда мы уйдём?

— Я укроюсь наверху: там, в чащобе, искать меня бесполезно.

— Но сколько ты сможешь просидеть в лесу без еды и питья? — воскликнул Хасар.

— Это известно одному Вечному Небу, а у меня выбора нет. Возможно, терпение Таргутая иссякнет раньше, чем моё.

После таких слов Тэмуджин, не дожидаясь возражений, развернулся и зашагал вверх по горному склону.

Из травы при каждом его шаге испуганными фонтанчиками выстреливали зелёные и рыжие кузнечики. Лёгкие порывы ветра приносили издали пряный запах полыни. А над головой мальчика беззаботно щебетали птицы, перепархивая с ветки на ветку. О, как в эти мгновения Тэмуджин завидовал вольным птицам, имеющим крылья для полёта!

Он продержался девять дней. А когда голод и жажда стали нестерпимыми, выбрался из своего укрытия.

Испытывая одновременно злость и бессилие, спустился Тэмуджин с горы Тергуне. И тотчас со всех сторон налетели тайджиуты — захлестнули шею мальчика крепким волосяным арканом, сбили с ног, протащили по земле, навалились и скрутили ему руки верёвками.

Множество сытых здоровенных мужчин. Отборные воины Таргутая. Они издавали торжествующие вопли и хохотали, отпуская Тэмуджину пинки и затрецины. А он, связанный, не мог ничем ответить обидчикам; лишь молча встряхивал головой да буравил куражившихся тайджиутов ненавидящим взглядом. Все его усилия в эти нескончаемые мгновения позора были сосредоточены на том, чтобы сдержать слёзы бессилия.

Размашистой рысью приблизился Таргутай Кирилтух. Осадил коня, однако не стал спешиваться: измерил Тэмуджина взглядом с ног до головы, несколько раз объехал вокруг него, и лишь после этого остановился возле своего малолетнего пленника.

— Наденьте ему кангу на шею, — распорядился, скривив губы в самодовольной усмешке. — И покрепче затяните, не жалейте злодея. Этот зверёк хоть и юн, да больно беспокоен и пролазист, как я погляжу. Хе-хе, добежался. Ишь как зыркает, так и ухватил бы меня зубами за

ногу! Можешь не зыркать, волчонок, кончилась твоя вольная жизнь. Очень скоро ты проклянешь тот день, когда на свет родился.

Пока на границе его улуса подрастал наследник Есугея, беспокойно чувствовал себя Таргутай. Но сегодня он торжествовал. Вечное Синее небо ниспослало ему удачу, и всё сланилось как нельзя лучше. Ведь теперь, когда Тэмуджин оказался в его руках, даже убивать мальчишку можно было не торопиться: уморить малолетнего невольника — дело времени.

Между тем подъезжали всё новые тайджиуты. Спешивались и подходили поближе, умножая толпу, которая окружала пленника. Это было сродни удачному завершению охоты, как тут не поглазеть на добычу, не покуражиться над обречённым. Воины качали головами, разглядывая Тэмуджина — одни с нескрываемым любопытством, другие с брезгливыми минами на лицах — и обменивались неторопливыми суждениями:

— Надо же дойти до такого злодеяния: убить единокровного брата.

— Не зря Таргутай изгнал его семью. По правде говоря, мне было жаль их, особенно малых детей, но теперь я понимаю, сколь правильно он поступил в своё время.

— Да уж. Рядом с таким зверёншем никто не чувствовал бы себя в безопасности. Если он способен пролить родную кровь, то что же тогда говорить обо всех прочих? Не хотел бы я, чтоб мои дети росли в одном курене с этим отродьем.

— Видно, весь род Борджигинов порченный. Есугей был хорошим багатуром, но, похоже, чем-то прогневал духов, раз он доверился татарам и позволил себя отравить.

— Это верно. Его ум настолько ослаб, что он утратил осмотрительность. Вечное Небо вовремя забрало его, и Таргутай занял место хана по праву. Если б Есугей не прогневал духов, его жизнь продлилась бы, и Тэмуджин, повзрослев, получил бы власть после него. Каких бед он мог натворить во главе улуса, если уже теперь его сердце столь жестоко.

— Страшно даже представить, на что он способен.

— А ты и не сумеешь представить. Разве только если сам способен на то же самое.

— Вот уж никак не способен. Я чту родную кровь и духов предков, пусть будет мне свидетелем Великий Тэнгри.

— И я не способен. Жаль, что не все люди нынче таковы.

— Человек от человека отличается, как земля от неба. Чего-чего, а братоубийства давно не случалось в наших краях.

— А ведь на вид он совсем ещё ребёнок.

— Не всегда нужно верить глазам своим. Такой-то ребёнок снисхождения не заслуживает. Говорят же: маленькую дырку не залатаешь — большая дыра запросит есть.

— А мой дед о таких, как он, говорил: ещё не успел разжечь костёр, а уже хочет спалить всю степь.

— Что ж, больше он ничего дурного совершить не сумеет.

В подобном духе судачили турхауты Таргутая Кирилтуха, коротая время, пока мальчику прилаживали берёзовую кангу на шею. А поодаль тревожно кричал чибис, точно провидя невзгоды, ожидавшие пленника в скором будущем.

Затем Тэмуджина на привязи, как злобного зверя, погнали в улус тайджиутов.

Так он превратился в раба-колодника. А это самое худшее, что могло случиться с человеком в степи. Даже рабы-боголы, вынужденные подневольно трудиться на хозяина, имевшего право продать их или убить за неповиновение — всё же не лишались некоторых личных свобод. Боголы могли безбоязненно находиться среди людей, о них заботились, как заботятся о скотине — кормили, поили и даже сводили в пары мужчин и женщин для получения потомства. А Тэмуджин стал изгоем. У него не было хозяина. Питался он объедками, которые побрезговали бы есть даже собаки. Его заставляли выполнять самую тяжёлую и грязную работу.

Нередко вокруг пленника собиралась жестокая тайджиутская детвора — мальчишки и девочки бросали в Тэмуджина комья грязи и обглоданные бараньи кости, соревнуясь в меткости; или принимались дразнить, со смехом тыча пальцами ему в лицо:

— Поглядите на багатура! Такой, наверное, способен одной стрелой убить двух соколов и настричь шерсти со спины черепахи!

— Или на молнии поджарить барашка!

— Небось тяжело носить кангу на шее, Тэмуджин?

— Нет, ему не тяжело, он же багатур, ха-ха-ха! Разве только немного неудобно!

— Уж куда неудобнее, чем чесать себе ноги через гутулы¹⁸, ха-ха-ха!

— Чего молчишь, Тэмуджин? Скажи что-нибудь, это только мёртвая собака не лает, а ты ведь ещё живой.

— Да он, наверное, нас боится!

— Это точно! В нём смелости меньше, чем крови в гусиной лапке. Никакой он не багатур, а обыкновенный трус, этот братоубийца!

— Ничего, скоро он околеет, и тогда ему станет некого бояться.

— Когда он околеет, Таргутай Кирилтух снимет с него кангу, а шаман натянет его шкуру на бубен. Будет потом вызывать дух Тэмуджина из нижнего мира, ха-ха-ха!

— Да кому нужна его грязная шкура! Разве что червям земляным, ха-ха-ха!

Тэмуджин безответно сносил издевательства и насмешки немилосердной детворы, глядя на всех исподлобья. Молчал, стиснув зубы; лишь желваки играли у него на скулах, свидетельствуя о той буре чувств, которая бушевала у него в душе. О, тайджиутские дети были намного хуже взрослых! Они не знали пощады и если уж принимались травить пленника, то не отставали, пока кто-нибудь из старших не отгонял их суровым окриком, а то и пинками.

Иногда находились сердобольные, пускавшие Тэмуджина переночевать в своей юрте. Правда, предоставлять ему приют две ночи кряду в одной и той же семье было строго-настрого запрещено. Но чаще всего мальчика оставляли коротать ночи под открытым небом. А чтобы он не пытался бежать, его шейную кангу скрепляли с сосновым колом, вбитым подле юрты Таргутая Кирилтуха. В этих случаях спать приходилось на вытопанной множеством ног земле, свернувшись калачиком и дрожа от холода.

Казалось, он был низвержен на самое дно жизни — в такую мрачную бездну, из которой выбраться не в силах никто, ни единый человек на свете.

Молодые женщины обходили его стороной. Лишь издали бросали на Тэмуджина жалостливо-боязливые взгляды.

Зато старухи-кумушки — тоже поодаль — кучковались в часы досуга и судачили, шамкая беззубыми ртами:

— Каждый под своей ношей сгибается. У одного канга на шее, у другого ещё что-нибудь: может, и не всегда распознаешь, а оно гнетёт.

— Старость — вот и весь твой гнёт. Старость да хворобы.

— В свои молодые травы я столько забот на себе тащила, а так, как нынче, меня к земле не пригибало.

— Да-а-а, время к человеку немилосердно.

— И не говори... Смолоду-то всё нипочём, а теперь каждую ночь ноги ломит и крутит — поутру хоть не вставай. Согнёшься тут.

— Смолоду — это да. У мальчишки, вон, только канга деревянная, и то он еле шевелится. А я-то, даже когда детей вынашивала, скакала, что коза.

— И я легко носила, мне было в радость.

¹⁸ Гутулы — монгольские кожаные сапоги с загнутым вверх носком.

— Да разве такое можно сравнивать? Ребёнок хоть и ноша, да своя.

— Не скажи. Мне первенец достался тяжело: тошно было до самых родов. Правда, следующих четверых полегче вынашивала, обычно, однако тоже от еды воротило.

— В любом положении обвычка нужна. Без неё каждая малость может согнуть в три погибели.

В общем, разную ерунду мололи старухи. Пялились и чесали языки обо всём подряд. Зато не бросали в Тэмуджина бараньи кости да комья грязи, и то хорошо.

Несметными табунами проносились в голове мальчика воспоминания о прежней воле. Пусть он существовал скудно, порой на грани голода, однако с ним были его мать и братья, и сестра, и простодушная Сочихэл, и старая заботливая Хоахчин... И никто не измывался над ним с каждодневной неумолимостью — изошрённо и торжествующе, неотступно и безнаказанно.

Ничего хуже, чем происходившее с ним теперь, он представить не мог.

Даже если бы по ночам кангу Тэмуджина не скрепляли с сосновым колом, вырваться на свободу он не имел возможности. Далеко ли уйдёшь по степи с тяжёлой берёзовой колодкой на шее? Впрочем, он, несмотря ни на что, обязательно попытался бы бежать — пусть навстречу верной смерти, лишь бы избавиться от унижений и насмешек. Но и этого он сделать не мог, поскольку его стерегли. По приказу Таргутая его турхауты, сменяя друг друга, от восхода до заката ходили следом за мальчишкой.

Время в страданиях тянется долго.

Порой животное безмыслие овладевало им, и он подолгу сидел на земле в тени какой-нибудь юрты, словно высеченное из камня изваяние, устремившее неподвижный взгляд в бесприютное пространство над степью. А когда выходил из этого состояния — думал: «Так вот как живут боголы! Мыкают горе до конца своей жизни, превращаются в скот! Нет, я не хочу, не буду! Мне надо бежать отсюда!». И принимался лихорадочно измышлять пути к спасению. Ни один из которых, впрочем, не казался ему надёжным — все сулили скорее гибель, нежели освобождение от рабской колодки.

Был ли на свете человек несчастливее Тэмуджина?

Если б и удалось отыскать такого среди вселенского многолюдья, то наверняка это оказалось бы очень непросто.

Он пал духом, но не отчаялся. Иначе не смог бы перенести тягот, которые выпали на его долю. Жалкий изгой, брошенный в пучину невзгод, всеми презираемый и униженный, Тэмуджин был упрям и поддерживал в себе, подобную слабому огоньку лучины, надежду на спасение. Он терпеливо сносил лишения и ждал счастливого случая, который помог бы ему оказаться на свободе.

И такой случай наконец представился.

Однажды он попросился на ночлег в юрту к старому Сорган-Шире, ремеслом которого было делать айраг¹⁹. Там к юному изгою отнеслись на удивление участливо. Сытно накормили горячей похлёбкой, уложили спать на тёплом войлоке. Когда он готовился ко сну, сыновья Сорган-Ширы — Чимбай и Чилаун — обратили внимание на то, как сильно сдавливает ему шею канга.

— Да смилостивится над тобой Вечное Небо! — с жалостью в голосе воскликнул Чимбай. — Я бы, наверное, ни за что не смог уснуть, если б на меня надели такую здоровенную штуковину.

¹⁹ Айраг — кисломолочный напиток из кобыльего молока (более известный под тюркским названием «кумыс»).

— Ничего, я привык, — горько усмехнулся Тэмуджин. — Говорят, на свете есть птицы, которые умеют спать в полёте.

— Птицы свободны, — покачал головой Чилаун, — они сами выбирают, куда им лететь да как спать. А кангу на шею человеку способен надеть только другой человек. Ни птицы, ни звери не держат своих собратьев в неволе.

— Это верно, — согласился Тэмуджин. — Недаром говорят, что в степи нет зверя страшнее человека.

— А ещё говорят: выйти и войти — нет ворот, прийти и уйти — нет пути, — сказал Чилаун. — Ты наследник благородного отца и достоин лучшей участи, но судьба обошлась с тобой жестоко. Не хотел бы я оказаться в твоём положении, Тэмуджин, но что тут поделаешь, остаётся только смириться.

— Да, смириться и уповать на Вечное Синее Небо, — подал голос Сорган-Шира. — В неволе тоже ведь можно как-нибудь жить. Я знавал многих боголов, которые приноровились к своей доле и дожили до старости. Иным из них добрые хозяева даже позволяют завести жён, и те производят на свет детишек. Хотя детишки-то у них тоже рождаются богами, но тут уж ничего не поделаешь.

— Как-нибудь жить я не хочу! — выпалил Тэмуджин. Он мотнул головой, чтобы откинуть с лица длинные, давно не мытые волосы, и это движение выглядело как дополнительный знак отрицания. — И с невольничьей долей никогда не смирюсь, уж лучше совсем сгинуть!

— Ну-ну... Хотя, может, ты прав. Однако сгинуть — дело простое, это всегда успеется. Так что не торопись: кто знает, как дальше обернётся твоя судьба. Время идёт, многое может измениться. Если повезёт, родичи сумеют тебя выкупить.

— Не сумеют. Даже если б они не были столь бедны, что порой вынуждены ложиться спать натошак, Таргутай Кирилтух всё равно ни за какие сокровища не согласился бы отпустить меня на волю. Он боится, что я отомщу ему, когда вырасту, потому намерен меня уморить.

— Эх-хе-хе... — Сорган-Шира опечаленно покачал головой. — Вообще-то, судя по тому, как он с тобой обращается, это очень похоже на правду.

Где-то поодаль протяжно завывала собака. Чимбай и Чилаун, переглянувшись, суеверно поёжились: это был дурной знак, так завывать могли духи предков, недовольные поведением своих живых родичей. А в чём заключалась причина этого недовольства — поди угадай.

— Давай-ка мы ослабим этот берёзовый ошейник, чтобы он не так сильно сдавливал ему шею, — предложил Чимбай брату.

— И то правда, — хлопнул себя по лбу Чилаун. — Как я сам до этого не додумался!

Они принесли инструменты и за короткое время расшатали и раздвинули две половинки канги настолько сильно, что теперь мальчик и сам при желании смог бы её снять.

— Только смотри, на людях не подавай вида, что давление этой деревяшки уже не то, что прежде, — предостерег мальчика Сорган-Шира. — Ведь если доложат Таргутаю — несдобровать тебе. Узнаешь, как чешется спина, когда подсыхают струпья на рубцах от плётки.

— Да уж знаю, приходилось пробовать. Таргутай на этот счёт никогда не скупится.

— Таким он всегда был. Скорпион жалит не из злобы, а по природе, но человек-то намного хуже любой ядовитой твари...

В эту ночь — впервые за много прошедших ночей — Тэмуджин уснул с улыбкой на губах; и его измученное тело получило более-менее сносный отдых, которого ему так долго не хватало.

А ещё через два дня, шестнадцатого числа первого летнего месяца, в курене Таргутая Кирилтуха отмечали праздник полнолуния. Были большие народные гулянья, скачки, состязания борцов и стрелков из лука. На закате началось весёлое и шумное пиршество на берегу Онона; тайджиуты ели и пили, и горланили весёлые песни, а до Тэмуджина никому не было

дела. Его в этот вечер охранял молодой парень, который напился архи²⁰ сверх всякой меры и сильно захмелел. Данный факт не остался без внимания его подопечного. Дождавшись, пока пировавшие разошлись по своим юртам, Тэмуджин разъединил кангу и ударил своего стража по голове одной из её половинок. Молодой тайджиут со стоном рухнул наземь, а Тэмуджин бросился бежать.

Однако удар оказался недостаточно силён: охранник хоть и свалился с ног, но сознания не потерял. Прошло совсем немного времени — и за спиной беглеца раздался крик:

— Люди, упустил я колодника! Седлайте коней, ловите его! Он меня чуть не убил, вот и не справился я с мальчишкой: видать, злые духи вселились в окаянного!

Курень загудел, как растревоженный улей. Мужчины выскакивали из своих юрт, коротко перекрикиваясь, садились на коней и группами по несколько человек мчались в степь на поиски беглеца.

От верховой погони ему было не уйти. Оставалась одна надежда — на реку. И Тэмуджин бросился к Онону.

Степь вокруг раскинулась буйно, широко, враждебно.

Тэмуджин бежал изо всех сил, продираясь сквозь высокие травы. Добравшись до берега Онона, он, задыхаясь, с готовым выскочить из груди сердцем, упал в реку. Не покидая мелко-водья, перебирая руками и ногами по песчаному дну, добрался до пучка чахлых камышей — ненадёжное укрытие, однако другого не было. И, перевернувшись на спину, замер в воде — так, что только голова осталась над поверхностью воды.

Стояла духота: парило, как перед дождём, оттого телу в реке было отрадно. А дождь обманул, так и не собравшись.

Поначалу над водой летали быстрые стрижи, но затем они пропали: разлетелись на ночёвку по своим гнездовьям.

Темнота сгущалась, но её оказалось недостаточно для того чтобы скрыть всё сущее под небом, а заодно и затаившегося в реке беглеца. Оттого быстро сгущалась и тревога мальчика.

Множество всадников рыскали в окрестностях куреня. Один из них приблизился к реке. Спешился и, ведя на поводу рыжую кобылу, подошёл к самому урезу воды.

Тут луна выглянула из-за облака — в её предательском свете Тэмуджин хорошо разглядел тайджиута и узнал его. Это был старый Сорган-Шира.

Мальчик затаил дыхание.

Старик постоял немного, повздыхал, уставившись на колеблемые течением тростины камыша (их было слишком мало, и Тэмуджин с ужасом понял, что Сорган-Шира обнаружил его). Затем присел на корточки, зачерпнул горстью из реки, плеснул себе в лицо. И обратился беглецу с печальным укором:

— Зачем играешь своей жизнью? На что надеешься? Может, у тебя ум зашёл за разум? Теперь если тебя поймают — убьют, скорее всего, не пожалеют. Или как пить дать изувечат.

— Не выдавай меня, — попросил мальчик, чувствуя, как вновь бешено заколотилось в груди сердце. — Я ведь не сделал тебе ничего плохого.

— Это верно, ты не сделал мне ничего плохого, — задумчиво похлопывая себя по колену рукоятью плётки, повторил Сорган-Шира. — Все вокруг точат на тебя зубы, мальчик, но я твоей гибели не желаю.

Несколько мгновений на лице старика отражалось мучительное сомнение. А затем он махнул рукой:

— Ладно, не бойся, лежи здесь тихо. Пусть этот поступок прибавит мне седых волос, но я умею держать язык на привязи и не выдам тебя. Дождёшься, пока все угомонятся, а потом

²⁰ Архи — молочный самогон.

убирайся восвояси. Правда, хоть убей, не ведаю, как тебе удастся выжить одному в степи. Ну да поможет тебе Великий Тэнгри!

После этих слов Сорган-Шира взобрался на лошадь и неторопливо потрусил дальше вдоль изгибавшейся дугой береговой кромки. Старик то и дело поглядывал на отливавшую лунным серебром речную поверхность, точно боялся, что его могут утащить на дно водяные духи, и бормотал себе под нос обережные заклинания.

Но на Тэмуджина он так ни разу и не оглянулся. Как будто беглого колодника не существовало на свете.

Мальчик видел, как к Сорган-Шире приблизились двое всадников и стали его о чём-то спрашивать, указывая на реку. Старик покачал головой.

— Никого здесь нет, — донёсся до Тэмуджина его ответ. — И то сказать: где уж нам отыскать его в потёмках. А всё же мальчишка далеко убежать не спроворится. Завтра поутру снова сойдёмся на поиски — обнаружится пропажа, никуда не денется.

У тайджиутов не было причин усомниться в резонах Сорган-Шире. Они развернули лошадей и — теперь уже втроём — неспешно поехали прочь, изредка оглядываясь по сторонам в поисках беглеца, заставившего их трястись в сёдлах, вместо того чтобы лежать в тёплых постелях и смотреть спокойные хмельные сны.

Медленно, чрезвычайно медленно и томительно тянулось время, пока ночь пожирала мир, а Тэмуджин лежал в реке под бескрайним небом. Казалось, природа затаилась в ожидании развязки. Все звуки тонули в воде, а их тени дрожали на поверхности и непредсказуемо дрейфовали в разные стороны, то сопротивляясь течению, то поддаваясь ему. Гибель кружила окрест, но не торопилась заключить мальчика в свои объятия. Никогда прежде ему не было так страшно, как в эту долгую, показавшуюся бесконечной ночь.

Не счесть сколько раз Тэмуджину на лицо садились комары, больно вонзали ему в кожу острые хоботки и беспрепятственно пиршествовали. Мальчик не решался поднять руку над водой, чтобы отогнать их или прихлопнуть — мало ли: вдруг кто-нибудь из тайджиутов услышит всплеск. Приходилось терпеть, дожидаясь, пока кровопийцы насытятся и улетят.

«Если смерть не настигнет меня сегодня — клянусь, Таргутай Кирилтух и его родичи поплатятся за то зло, которое они совершили, — мысленно твердил он себе. — Их лихоедействие не останется безнаказанным, пусть даже мне придётся посвятить этому всю свою жизнь до последних дней. Я ничего не забуду, и когда-нибудь обязательно придёт время посчитаться за каждый день моих унижений. Я погашу огонь в тайджиутских очагах, изведу под корень все их роды, истреблю саму память о них. Нигде, даже в самых дальних краях не найдут они спасения от моей жестокой мести. Уже ради одного этого я должен выжить. О, я могу лежать в воде долго, сколько угодно, пока не превращусь в рыбу! Главное, чтобы никто не отыскал меня здесь...»

Он понимал, что в случае поимки может поплатиться за побег жизнью. Старухи Орбэй и Сохатай, вдовы Амбагая, всегда хотели, чтобы ханом тайджиутов стал Таргутай Кирилтух, поскольку тот приходился внуком Орбэй. Они ненавидели Есугея-багатура, а после его смерти возненавидели Тэмуджина — и, конечно же, воспользуются возможностью присоветовать Таргутаю избавиться от подрастающего соперника.

От судьбы нельзя ускользнуть. Бежишь от неё или остаёшься на месте — она всегда настигнет, дабы закончить то, что было начато, и свершилось предначертанное.

Но разве кто-нибудь знает свою судьбу наперёд? Нет, её не дано прозреть простым смертным; грядущее даже шаманам открывается лишь изредка, да и то не всегда правдиво.

Тэмуджину оставалось только ждать. И надеяться на лучшее.

Беда клубилась и густела, ходила вокруг да около, но миновала стороной. Не сумев обнаружить беглеца, тайджиуты, усталые и хмельные после вечернего пиршества, разошлись по своим юртам. А Тэмуджин ещё долго не решался выбраться на твёрдую почву, напряжённо вслушиваясь в пластавшуюся над окрестностями тишину и страшась уловить приближающийся конский топот. Однако ничто не тревожило безмятежного покоя окружающего мира, всё глубже погружавшегося в сон и неподвижность.

Наконец мальчик медленно, стараясь не производить громких всплесков, выполз на берег и повалился в густую траву. Перевернулся на спину и, глядя на блёстки рассыпанных по небу звёзд, стал думать о том, что ему делать дальше.

Завтра утром тайджиуты непременно возобновят свои поиски. С младенчества приученные к беспрекословному повиновению ханам, они не станут задаваться вопросом, зачем нужен Таргутаю Кирилтуху Тэмуджин, и в чём он провинился перед Вечным Синим Небом. Во всех направлениях помчатся бодрые, отдохнувшие всадники, и в голой степи укрыться от них несчастному беглецу будет нигде. А у него нет ни копья, ни лука, ни даже кинжала, чтобы защититься от преследователей. Его заарканят, как глупого кулана²¹, и приволокут на расправу к жестокосердому и мстительному правителю тайджиутов.

Оставалось одно: спрятаться где-нибудь поблизости. В таком месте, где никому не придёт в голову искать его.

Но где?

И тут мальчика осенило: Сорган-Шира! Ведь старик сжалился, не выдал его преследователям. Узнай Таргутай Кирилтух о таком проступке — крепко не поздоровилось бы Сорган-Шире за его мягкосердие... И семья у старика добрая: это ведь его сыновья ослабили кангу на шее Тэмуджина.

Приняв решение, он осторожно — пригибаясь, а то и падая в траву при каждом подозрительном шорохе — стал пробираться к куреню тайджиутов.

Вскоре вдалеке показались многочисленные юрты, торчавшие из плоского тела степи, точно тёмные нарывы.

²¹ Кулан — дикий осёл.

Глава вторая. Волчьи законы степи

*Одинокий скиталец, найду ли
Я приют в этом в мире большом?
Су Дуно (Су Ши)
В котле с кипящей водой нет холодного места.
Чаньское изречение*

Не зря говорят в народе: ночь — щит беглеца и покров для спасения. Никем не замеченный, мальчик достиг куреня.

Собаки после праздника обожрались костей и теперь если поднимали лай, то лишь в бестолковых распрях между собой, устраивая драки за припрятанные остатки вчерашнего пиршества. Впрочем, к Тэмуджину они давно привыкли, потому не стоило беспокоиться, что четвероногая охрана устроит переполох из-за него.

Люди спали, однако следовало сохранять осторожность: мало ли, вдруг кому-нибудь понадобится выйти из юрты по нужде — увидит беглеца, поднимет крик, тут-то и конец всем его мечтам о свободе.

Чутко прислушиваясь к ночным звукам, он преодолевал участки открытого пространства короткими перебежками: от повозки — к коновязи, от коновязи — к новой повозке. Одна собака, деловито трусившая мимо, вдруг заинтересовалась пришельцем: то ли не узнала Тэмуджина, то ли сочла его поведение странным. Она, остановившись, некоторое время смотрела на мальчика. Потом подошла к нему.

— Тихо, не поднимай шума, я свой, — едва слышно прошептал он, стараясь не показать своего страха. — Ты же меня знаешь. На вот, понюхай.

Он медленно протянул руку, и собака её обнюхала. После чего позволила себя погладить. И, удостоверившись в том, что человек не представляет опасности, затрусила прочь. А Тэмуджин продолжил своё движение: от повозки — к коновязи, от коновязи — к новой повозке...

В зыбком предрассветном сумраке, когда на небе уже потускнело всевидящее лунное око и поредели звёздные россыпи, но солнце ещё не вынырнуло из-за горизонта, беглец неслышной тенью скользнул под полог знакомой юрты.

Старый Сорган-Шира проснулся затемно. Немного поворочался на войлочной постели, пытаясь снова погрузиться в призрачный мир сновидений, но тщетно. Тогда он решил: раз уж ему не спится, надо заняться каким-нибудь полезным делом. Встал, оделся, взял кожаное ведро и отправился доить кобыл. Покончив с этим, вернулся в юрту. Растопил очаг, потом сообразил, что завтрак готовить рановато, дочь проснётся — пусть она, как обычно, приготовит, а затем уж и сыновей можно разбудить. Однако огонь в очаге не стал тушить: с ним веселее домашним духам, да и ему самому. Огляделся по сторонам: чем бы ещё заполнить бессонное время? Разве что заняться пахтанием, не сидеть же бездельно, как суслик в степи. Человек тем и отличается от бездумного зверья, что умеет всё употребить себе на пользу, даже бессонницу, которая приходит с возрастом.

С этой мыслью Сорган-Шира перелил в деревянную маслобойку скисшее кобылье молоко из двух больших глиняных кувшинов (позже надо не забыть наполнить их свежим молоком из ведра), вооружился увесистой берёзовой мутовкой и, усевшись поудобнее на войлок, приступил к привычному делу.

Молоко кружилось под мутовкой, образуя воронку, в которую утекало время. Следом бежали думы, коих не перечесть. Они бежали под мерный деревянный перестук и утекали, утекали, утекали в никуда... Однако в это утро старику не было суждено достигнуть момента,

когда молоко разделится на масло и айраг. Потому что вдруг откинулся входной полог, и в юрте появился человек. Свет очага упал на его лицо, и Сорган-Шира узнал незваного гостя. Вечное Небо, это был Тэмуджин!

От неожиданности старик чуть не выронил из рук мутовку.

— Зачем ты пришёл? — зашипел он на мальчика, побагровев от ударившей в лицо крови. — Погубить меня хочешь? Разве я не велел тебе убираться восвояси?

— Мне некуда деваться, — виновато склонив голову, развёл руками Тэмуджин. — Я хотел попросить у тебя убежища — на день или, может быть, на два. Спрячь меня, чтобы переждать время, пока идут поиски. А потом я уйду.

— Но где же я тебя спрячу? В юрту каждый день кто-нибудь заходит — не могу же я не впускать сюда людей. Нет, здесь тебе не место. Я не желаю тебе зла, но пойми, Таргутай не только меня, но и всю семью может покарать. Неужели хочешь отплатить этим за моё доброе отношение к тебе?

От звука их голосов проснулись дети Сорган-Шир: сначала его дочь Хадаган, а за ней и сыновья — Чимбай и Чилаун.

— Отец, не гони его, прошу тебя, — вмешался в разговор Чимбай. — Ты же видишь: у него только на нас и осталась надежда. Если не спрячем мальчишку — погибнет ведь, и его смерть останется на нашей совести.

— Мы должны помочь несчастному, — протирая кулаками глаза, поддержал брата Чилаун. — Как птичка-подранок ищет спасения от хищника в непролазной чаще, так и Тэмуджин явился сюда от отчаяния.

— Да не в моих силах ему помочь, — не унимался Сорган-Шира. — И о себе подумайте. Этот колодник навлечёт на нас беду. Если его здесь обнаружат, нам ох как не поздоровится!

— Посмотри, отец, бедняга весь промок, — подала голос Хадаган. — Разве можно сейчас выгонять его? Да он, наверное, ещё и голоден. Надо накормить Тэмуджина.

— А потом найдём, где его спрятать, — добавил Чилаун. — Мы с братом и сестрой находили много укромных мест, когда малышами играли в прятки, и сейчас найдём.

Старик устыдился собственного малодушия: даже дочь оказалась смелее него, не хочет гнать бедолагу из юрты на верную гибель. И сыновья выказали сострадание. Правда, молодёжь обычно проявляет меньше благоразумия перед лицом опасности, чем люди умудрённые опытом. А он отвечает за всю семью и не имеет права навлечь беду на своих детей...

Сорган-Шира немного помолчал, сердито насупившись. Было видно, что в нём происходит мучительная борьба. Кряхтя, он склонился над мешком с сухим аргалом и, выбрав несколько затвердевших коровьих лепёшек, подбросил их в огонь очага. Поглядел на оживлённо заплескавшие языки пламени, беззвучно шевеля губами, подобно шаману, разговаривающему с духами предков. А затем неохотно пробурчал:

— Ладно, пусть остаётся. Духи воды оказались милостивы к нему: оберегли, не выдали. Так неужто мы выдадим? Солнце небось скоро покажется над степью: кое-кто в курене наверняка проснулся, поэтому сейчас мальчишке уже не уйти отсюда. А днём тем более следует затаиться. Спрячем колодника где-нибудь до ночи, а потом дадим ему коня, и пусть убирается.

Тэмуджину насыпали в большую глиняную плошку грут²², залив его кипятком, и дали поесть. Пока он жадно насыщался, старик подбрасывал кусочки жира в огонь очага, подкармливая домашних духов, дабы те умиловились и отвели беду от семьи. Затем беглеца — обсохшего, до отвала набившего живот сытным грутом и слегка осоловевшего — спрятали в повозке с высокими бортами, доверху нагруженной овечьей шерстью.

Однако Сорган-Шира ошибся, предположив, что следующей ночью Тэмуджину удастся выбраться на волю. Дозоры, выставленные Таргутаем Кирилтухом, так охраняли курень, что

²² Грут — творог, высушенный мелкими комочками (размачивают в кипяченой воде и едят вместе с ней).

и мышь не проскользнула бы незамеченной. Пришлось мальчику трое суток пролежать в повозке, скрючившись под грудой шерсти. Изнывая от жары, он задыхался и истекал потом, но боялся даже шелохнуться. Всё казалось ему: вот-вот кто-нибудь обратит внимание на повозку, заглянет в неё — и примется выбрасывать наружу шерсть. Если обнаружат его — что тогда делать? Только готовиться к смерти.

Тэмуджин лежал в повозке ни жив ни мёртв, окутанный теменью и духотой. Порой его сознание отключалось, и он погружался в полуобморочное состояние. А затем возвращался в реальность, уже почти не помышляя о спасении.

...На третий день поисков, когда беглого колодника не удалось обнаружить в степи, Таргутай Кирилтух пришёл в иступление.

— Тэмуджин не птица, чтобы улететь по воздуху! — кричал он, то воздевая руки к небу, то принимаясь топтать ногами. — И провалиться сквозь землю он тоже не мог! Тогда скажите мне, куда подевался поганец! Или вас постигла слепота одновременно с глухотой? Или передо мной стадо глупых баранов, которые видят только то, что находится у них перед глазами, но не способны смотреть по сторонам? Вы должны отыскать следы мальчишки и опередить его действия! Никто из вас не будет знать покоя и отдыха, пока я снова не надену кангу на шею волчонку!

— Может, он спрятался где-нибудь поблизости, потому мы и не отыскивали его следов в степи? — подал голос один из нукеров.

— Разве вы не обшарили здесь каждую ложбину и каждый куст — всё, что поднимается над землёй хотя бы на ладонь вокруг нашего куреня?

Сказав это, Таргутай Кирилтух внезапно осёкся. И обвёл взглядом растерянно переминавшихся перед ним тайджиутов:

— Вокруг куреня — да. А в курене-то мы и не искали. Как же я об этом сразу не подумал? И вы, ослиные головы, почему не искали в курене? В стаде потерял — в стаде и ищи, так ещё мой дед говорил... Ну, если какой-нибудь доброхот прячет мальчишку в своей юрте — несдобровать этому предателю!

По его приказу нукеры принялись обыскивать становище, перетряхивая юрту за юртой. Обшарили они и жилище Сорган-Ширы. Когда один из них начал было вытягивать пучки шерсти из повозки, в которой укрывался Тэмуджин, старик велел жене вынести для гостей кувшин с айрагом, а сам, посмеиваясь, сказал:

— Хотел бы я посмотреть, сколько ты сам-то выдержишь, лёжа под ворохом шерсти в такую жару.

Нукеры рассмеялись следом за ним и принялись балагурить:

— Если б Тэмуджин ещё и был нарезан кусками, то сейчас мы вынули бы из повозки уже готовый борц²³!

— Нет, борц любит жаркое солнце, а под такой кучей шерсти — пфуй! — вместо того чтобы высохнуть, сопреет бы наш колодник и превратился в тухлятину. Мы б его тогда легко нашли по запаху!

— Ха-ха-ха! И верно, под шерстью он быстро протух бы! Вонь стояла бы на всю округу! Ну-ка, принохайтесь: не несёт ли из повозки тухлым волчонком?

— Да вроде не воняет.

— Значит, нет его здесь.

²³ Борц — сушёное мясо. Мясо режут на полосы шириной 2—3 см, вешают на верёвку и сушат несколько дней. Летний борц сушится на солнце, он темнее, жёстче, ценится меньше зимнего, который сохнет на ветру. Борц делается из любого мяса, даже птичьего.

— Ну конечно. В повозке этот голодранец мог спрятаться только если б ему жизнь была не дорога.

— Да он уже далеко отсюда. Таргутай Кирилтух думал приручить его как пойманного зверёныша, а он избавился от канги и был таков. Видать, ловкий парень — из тех, кто на скаку отъест ногу у ещё не родившегося кулана, ха-ха-ха!

— В сказанном тобой много правды. Только сейчас этого ловкого парня где-то в степи, верно, уже расклёвывают стервятники, ха-ха-ха!

— И чего Таргутай беспокоится? Орал на нас так, что целой стае шакалов перекрычать не под силу. Не всё ли равно, здесь или в степи мальчишка найдёт свою погибель? Это ведь как с оброненным горшком: расколется ли, разобьётся ли — всё равно горшку конец, ха-ха-ха!

Так, перебрасываясь шутками, они напились айрага и, не став обыскивать повозку, удалились неспешными шагами.

Этот случай явился последней каплей, переполнившей чашу терпения Сорган-Ширы. Едва дождавшись ночи, он велел дочери привести Тэмуджина. И сказал, встревоженно сдвинув к переносице жидкие седые брови:

— Чуть не развеял ты мой очаг по ветру. Всё, довольно прятаться, подобно тарбагану, забившемуся в зимнюю нору. Я дам тебе яловую кобылу, запас еды и питья — и отправляйся к своим родным. Убирайся подобру-поздорову, пока не случилось неладного со всем моим семейством!

Всей семьёй снаряжали беглеца в дорогу. Снабдили его луком и двумя стрелами, отрезали большой кусок мяса от сваренного накануне двухгодовалого барана, вручили также несколько полос сушёного мяса и бурдюк с водой. Затем Сорган-Шира велел Чилауну привести беломордую рыжую кобылу. Правда, седла мальчику он не дал:

— На седле моя метка, — объяснил старик. — Если попадёшься, по ней сразу поймут, кто тебе помогал. Не хочу, чтобы мне из-за этого завтра свернули шею.

— Я не попадусь, — заверил Тэмуджин.

— Э-э-э, кабы в жизни всё оборачивалось таким образом, как мы надеемся, мир стал бы совсем другим. Не говори, что попал в цель, мальчик, пока стрела ещё в полёте.

— Но, Сорган-Шира, если ты боишься, что меня поймают, то почему тогда отдаёшь свою кобылу? Её ведь тоже легко узнать по клейму.

— Так ведь беломордую ты мог взять и без моего ведома, — хитро сощурился старик. — Когда в юрте покойно и тепло, мы тут все о-о-очень крепко спим, вот ты и угнал кобылку, хе-хе-хе.

Тэмуджин подивился изворотливости Сорган-Ширы. Хотя если подумать, нечему тут особенно удивляться: за спиной у старика столько прожитых трав — на своём веку чего только ни повидал он и чего только ни испытал. Опыт многое даёт человеку.

— Если бы не ты, ни за что не ушёл бы я от Таргутая, — сказал мальчик дрогнувшим голосом. — Спасибо, что не выдал. Настанет время — стану ханом и обязательно отблагодарю тебя.

— Не о том сейчас тебе надо думать.

— А о чём же?

— О том, как добраться до своих родичей. Но степь большая, а ночь для беглеца — ох как коротка.

— Да, мой отец говорил: степь — хозяйка, человек в ней — гость. Это хорошо, что она большая: укроет гостя. А если всё-таки попадусь на глаза нукерам Таргутая — уж я им в руки живым не дамся. Но сначала постараюсь, чтобы обе стрелы не пропали даром.

— Постарайся всё же не попасться им на глаза. А мою беломордую рыжуху не слишком понукай, но и не останавливайся как можно дольше: эта кобылка хорошо держит умеренный темп... Хотел бы я надеяться на твоё везение.

— Хуже, чем сейчас, всё равно не будет. Лучше один день быть свободным человеком, чем всю жизнь оставаться дрожащей тенью в невольничьей колодке... Ничего, я ловкий — доберусь.

— Главное, чтобы в тебе не пошатнулась вера в свои силы. Уходит от погони не тот, кто бежит, а тот, кому суждено. Да хранят тебя духи предков и Вечное Небо.

...Задолго до рассвета сборы были закончены. Тэмуджин вскочил на лошадь и тронулся в путь. Вскоре он благополучно миновал значительно поредевшие к тому времени дозоры и затерялся в тёмном океане трав.

Мальчик ехал по прокалённой солнцем степи четверо суток, с редкими остановками для кратковременного отдыха. Всё смешалось у него в сознании, множество тягостных воспоминаний и противоречивых чувств боролись друг с другом. Но долго копившиеся злоба и жажда мести никуда не делись, они лишь упрочивались день ото дня — и лишь немного потеснились на время, стушевавшись в тот миг, когда усталому беглецу наконец удалось отыскать свою семью... Не было предела радости его родных.

— А я-то гадала: жив ли мой сынок, не замучил ли его проклятый Таргутай, — плакала Оэлун, обнимая Тэмуджина, прижимая к груди его запylённое лицо. — Но Великий Тэнгри хранит тебя, не зря я приносила ему жертвы!

— Молодой хозяин, наверное, голодный, — сказала старуха Хоахчин. — Сейчас я разведу огонь и сварю шол²⁴.

— Да-да, — подхватила Оэлун. — А ещё у нас есть корни сараны, ты потом запеки их на углях. Готовь побольше, ничего не жалея, ведь у нас сегодня праздник. Будем пировать!

— Нет, — возразил Тэмуджин, — сейчас не время для пиршеств. Собирайтесь, нам надо как можно скорее уходить отсюда.

— Правильно, — поддержал его Хасар. — Таргутай Кирилтух не успокоится, скоро его нукеры явятся сюда искать брата. Обозлённая собака три дня на людей бросается, а злой человек и того дольше держит камень на сердце.

Не теряя времени, они принялись собирать свой нехитрый скарб в возок. Хорошо ещё, в него было кого запрячь: двух лошадей не смог отобрать Таргутай, поскольку те паслись на дальнем выгоне во время налёта тайджиутов.

Очень скоро семья Борджигинов свернула юрту и, покинув обжитое становище, двинулась вслед за клонившимся к закату солнцем.

— Ну вот, едем на новое место, — шептала Оэлун, сидя в тряском возке. — Где-то теперь остановимся и как там обживёмся? Хотя на старом месте много несчастливых дней выпало на нашу долю...

— Много, о-о-ох как мно-о-ого! — эхом подхватила Хоахчин, будто собиралась с этих слов затянуть печальную песню; но голос её тотчас пресёкся старческим кашлем — и она склонила голову к плечу Оэлун, и, постукивая себя сухоньким кулачком по груди, умолкла.

— Травы за травами уходили в прошлое, а мы не видели ничего хорошего, и горести точили моё сердце, будто черви, — взгляд Оэлун невидяще скользил по уплывавшим назад высоким ковылям, и она украдкой утирала рукавом выступавшую на глазах влагу. — Человеческий век короток, а его печалей хватит на целую тысячу жизней. Хотелось бы мне верить, что сегодня закончатся наши беды и больше никогда не вернутся.

²⁴ Шол — похлёбка, варится 10 — 15 минут из мелко накрошенного сушёного мяса с добавлением небольшого количества крупы, лука и соли.

— Не вернутся, — уверил её приободрившийся Тэмуджин.

— Брат сумел сбежать от Таргута, и теперь всё будет хорошо, раз он снова с нами, — весело поддакнул Хасар.

— Мне-то уже ничего не надо, — продолжала своё Оэлун с печальным лицом. — Если б только вы, мои мальчики, смогли вырваться из нищеты и преуспели в жизни. Но ума не приложу, как этого добиться. Чует моё сердце, на нашем пути ещё столько опасностей, что недолго и головы сложить...

— Ничего, мы всего добьёмся, — твёрдо сказал Тэмуджин.

— А если что — лучше сложим головы, чем станем пугаться каждого шороха и шараться от врагов, как робкие дзерены! — выпалил Хасар. Но тотчас умолк и сконфуженно отвёл взгляд в сторону, вспомнив, что сейчас-то они как раз и бегут, стараясь скрыться от недругов.

— Нет уж, сложить головы — дело недолгое, — поправил младшего брата Тэмуджин. — Мы подождём, пока придёт наше время. Тогда всё у нас будет, и мы сведём счёты с Таргутаем.

Так уж устроен человек: ему легче жить, когда он верит в лучшее. Однако сердце не обмануло Оэлун: семье Борджигинов предстояло ещё немало испытаний и невзгод.

После благополучного исхода недавних своих злоключений Тэмуджин воспрял духом. Не зря говорят: никто не возвращается из плена таким, каким он был раньше, а промокший под дождём росы не боится. Впрочем, надежда на лучшую долю всегда жила в нём; даже в самые трудные времена она не давала окончательно упасть духом, опустить руки и сдаться. Ведь только тот побеждает неблагоприятные обстоятельства и ополчившихся против него жестоких недругов, кто умеет бороться. Пусть впереди ждала неизвестность. «Хуже, чем было, уже не будет. Даже если Таргутаи снова настигнут меня, я не дамся ему в руки живым», — так решил Тэмуджин.

О, теперь настало иное время! Неволя, унижения и страдания канули в пучину прошлого. Тэмуджин наслаждался быстрым течением дней. Он испытывал радость от ощущения упругости своего тела, от неповторимости каждого движения, от полноты каждого вдоха. Всё у него было впереди; воображение юной души питали яркие краски свободы, а дорога жизни тянулась вдаль — и, теряясь за линией степного окоёма, казалась бесконечной.

Вместе со своей семьёй Тэмуджин нашёл пристанище близ реки Сангур, на южном склоне горы Бурхан-Халдун. Место тихое, пустое и достаточно удалённое от чужих многочисленных улусов. Здесь Тэмуджину и его родичам ничто не угрожало, и они продолжительное время жили спокойно. Поначалу довольствовались тем, что, как и прежде, выкапывали корни, ловили рыбу, охотились на дроф, тарбаганов и горную крысу-кучугур.

Но повзрослевшим мальчикам хотелось большего, чем каждодневные заботы о пропитании. Они были полны молодых сил и желали применить их, проявить свою удаль, дабы утвердиться в этом мире. Тэмуджин, Хасар, Бельгутей, Хачиун и Тэмуге стали промышлять грабежами и угоном скота, совершая всё более далёкие вылазки в степь, всё более дерзкие налёты на чужие табуны и становища. От куреня к куреню быстро разнеслась молва об отряде неуловимого и бесстрашного Тэмуджина, сына Есугея-багатура. Того самого Тэмуджина, с которым не смог справиться Таргутаи Кирилтух, и который посмеялся над всем улусом предавших его тайджиутов.

Молва ширилась и разрасталась. Её было уже не остановить — подобно тому, как не удержать руками течение речной воды или полёт птичьих стай. Одни говорили о сыне Есугея-багатура со страхом, другие — с нескрываемым восхищением, третьи слушали тех и других, качали головами, понятиливо похмыкивая, да и тоже делились мнениями:

— Настоящий разбойник! Подумать только: совсем недавно едва доставал до верха тележного колеса. А теперь даже на купеческие караваны нападает. И как он не боится прогневить Вечное Небо своими грабежами?

— А ведь говорят, в его отряде одни мальчишки.

— В том-то и дело, что больно резвые они для мальчишек. Просто удивительно.

— Не вижу в этом ничего удивительного. Новорождённый телёнок даже тигров не боится. Таково уж свойство юности: она страха не ведает.

— Хороши телята! Сущие головорезы!

— Со всей степи самые отъявленные лиходеи сбились в стаю. Хоть и сказывают, что не поможешь росткам, вытягивая их из земли, но тут, верно, являет силу волчье семя Борджигинов: вон какими всходами проросло.

— Да уж, сын волка вряд ли сумеет сделаться телёнком. От судьбы на дне кувшина не спрячешься.

— Разбойное семя всегда носит по ветру: где-нибудь оно да упадёт в землю, чтобы прорасти, как же без этого.

— Другие на их месте давно сложили бы головы не в одном, так в другом набеге, а эти волчата словно заговорённые. Не иначе, им помогает сам Великий Тэнгри.

— Ну, если так, тогда мы ещё увидим, как Тэмуджин сумеет вернуть себе улус Есугея-багатура.

— Нет, это вряд ли. Не по зубам ему Таргутаи Кирилтух. Маленьким топором большого дерева не срубишь.

— А вот посмотрим. Топор-то небось вырастет. Ведь Таргутаи тоже не сумел извести Тэмуджина: не согнул зелёный прут — потом уж не согнёшь, когда из него вырастет дерево. Если у мальчишки достанет ума и ловкости не сгинуть до срока, то скоро всем тайджиутским родам придётся крепко пожалеть, что не сумели сжить его со света в детстве.

— Тайджиутов много. А мальчишек у Тэмуджина — горстка. Если решатся вступить в противоборство с улусом Таргутаи, последствия для юных разбойников выйдут печальные.

— Кто думает о последствиях, тот ни за что не станет храбрецом...

Рассказывали о Тэмуджине и его братьях немало правдивого, но ещё больше невероятного, тысячекратно преувеличенного. Так уж водится повсеместно в любые времена: досужим языкам только дай приукрасить чужие похождения.

А потом наступило время, когда к нему потянулись люди из чужих кочевий. Это были и беглые рабы-боголы, и такие же, как он, изгои, коим наскучило полуголодное нищенское прозябание, и просто юные удалыцы без роду и племени. К нему шли молодые и горячие, те, кому невмоготу повседневное однообразие немудрёного степного быта — они жаждали подвигов и приключений, скорого обогащения и бранной славы. Это было как живительный дождь, который долго копился в небе, и вот наконец тучи прорвало — и сокрытая травами неприметная лужица вдруг стала превращаться в большое озеро, по которому ветер вот-вот погонит высокие волны.

Мир устроен жестоко, и его не переделать, потому не остаётся иного, кроме как собрать достаточно сил, чтобы не дать себя погубить. Одно несчастье учит лучше тысячи наставлений, а Тэмуджин за свою — пока ещё недолгую — жизнь успел преодолеть достаточно напастей и бездожья; мало сыскалось бы в степи людей, кому по плечу вынести такое. И теперь волчонок быстро превращался в грозного степного волка.

Порой вспоминались ему слова Сорган-Ширы, сказанные на прощанье в ночь побега:

— Не теряй напрасно времени в молодости, в старости его останется очень мало.

Нет, он старался не терять времени даром.

Постепенно собрался у Тэмуджина пусть небольшой, но уже свой собственный улус. Несколько сотен отборных молодых нукеров — лихих рубак и метких стрелков — были готовы пойти за ним в огонь и в воду.

— Когда мы были малы и слабы, любой мог обидеть нас, — сказал однажды Хасар братьям. — А сейчас уже никто не посмеет тронуть нашу семью. Не пора ли явиться к тайджиутам и убить подлого Таргутая?

— Но у него намного больше людей, — возразил осторожный Хачиун.

— Зато каждый наш воин стоит нескольких тайджиутских, — вступил в разговор Бельгутей. — Они не побоятся померяться силами с нукерами Таргутая Кирилтуха. Доберёмся до этого облезлого осла — вспорем его жирное брюхо, а внутренности бросим собакам.

— Вот именно, — с запальчивостью поддержал его Хасар. — Сколько лет мы мечтали о мести! Говорят же: не бойся медлить, бойся остановиться. Веди нас, Тэмуджин, и мы отплатим за все прошлые обиды!

— Ещё не пришёл срок, — медленно ответил тот. — Таргутай был другом нашего отца, а потом предал нас. Нет, убить его — слишком слабая месть. Я поступлю иначе: отберу у него власть, а потом...

Он сделал паузу, раздумывая, как поступить с ненавистным нойоном — и Тэмуге, самый младший из братьев, не утерпев, спросил:

— Убьёшь?

— Нет, — прозвучало в ответ. — Я же сказал: это слишком слабая месть, мне её недостаточно.

— Повесишь ему на шею кангу? — предположил, в свою очередь, Хачиун.

— Любая канга должна показаться ему легче птичьего пуха, летящего по ветру, — сказал Тэмуджин, выдавив из себя кривую улыбку. Затем его лицо посуровело:

— Пока не знаю, как с ним поступлю. Может быть, дождусь, пока все тайджиуты откочуют от его куреня к нашему, после чего заставлю Таргутая служить мне, и он станет изо дня в день — стараясь не подавать вида, что лопаётся от злобы — выполнять мою волю, сражаться с моими врагами, прославлять меня. А может, ослеплю его и отпущу скитаться по степи, без жён и имущества, без лошади и оружия, чтобы клял свою судьбу и вспоминал о свершённых злодеяниях... Нет, любое наказание мне кажется недостаточным, я пока не придумал, как с ним обойтись. Ничего, у меня ещё есть время поразмыслить об этом. Одно знаю точно: участь Таргутая будет страшнее всего, что он может себе представить.

Шли годы. Беды отошли в прошлое и канули в туман. Жизнь налаживалась. Но всё это время Тэмуджин не забывал о своей наречённой. Думает ли Бортэ о нём хоть иногда? Ждёт ли его? Эта широкоскулая чернобровая девочка, которую он помнил десятилетней, занозой сидела у него в сердце.

Долго не решался Тэмуджин ехать за невестой, обещанной ему много лет назад: а вдруг Дэй-сечен откажется выдать за него Бортэ? Ведь за его спиной не было теперь многолюдного тайджиутского улуса. Не было и могучего Есугея-багатура, перед которым дрожали враги, и породниться с которым почёл бы за честь любой знатный нойон. Кто теперь Тэмуджин? Разбойник, гроза чужих табунов, предводитель шайки молодых головорезов. Пожелает ли Дэй-сечен иметь такого зятя?

Первой о его женитьбе заговорила мать. Улучив момент, когда они остались в юрте наедине, Оэлун сказала:

— Помнишь ли ещё ту хонкиратскую девочку, с которой обручил тебя отец?

— Очень часто думаю о ней, — признался Тэмуджин. — Если б знал, что Бортэ выдадут за меня — сегодня же помчался бы к хонкиратам!

— Что ж, тогда поезжай к ней, — сказала мать. — Сегодня-то уже поздно, ведь путь неблизкий, а завтра утром отправляйся. Прошло много времени с того дня, когда тебе была обещана Бортэ, девочка успела вырасти. Она, наверное, устала ждать тебя, сынок.

— Но что, если Дэй-сечен не отдаст её?

— Вряд ли, — покачала головой Оэлун. — Не отдать жениху обещанную невесту — большой позор.

Тэмуджин и сам знал это.

Но ещё один вопрос беспокоил его — и он наконец решился высказать таившуюся в душе тревогу:

— А вдруг я уже не нужен Бортэ? Сама говоришь: прошло много времени. Мы ведь были совсем детьми, когда виделись с ней. А теперь она другая, и я другой. Наверное, Бортэ меня и не узнает, когда мы встретимся. Что, если не понравлюсь ей?

Мать внимательно посмотрела на него. Потом улыбнулась, и в её глазах зажглись тёплые огоньки:

— Не беспокойся, сынок. Твоя правда: ты сильно изменился. Настоящим красавцем стал, прямо вылитый отец. Думаю, любая девушка будет счастлива пойти за тебя. Мужчина, не имеющий жены, подобен заброшенному полю. Поезжай и привези сюда Бортэ, пришёл срок.

За прошедшие годы Тэмуджин и впрямь неузнаваемо преобразился. Из маленького голодного оборванца, всеми гонимого и презираемого, он превратился в высокого статного юношу с необычным для монголов длинным румяным лицом, рыжими усами и небольшой курчавой бородкой, тоже золотисто-рыжего цвета («Никак солнышко тебя погладило», — говорила ему Оэлун в детстве; а Есугей, вторя жене, с улыбкой подхватывал: «Огонь-молодец вырастет — пожалуй, превзойдёт отца в силе!»). По выпуклому лбу и пронизательному взгляду серо-голубых глаз Тэмуджина можно было судить о его уме, властности и способности настойчиво стремиться к достижению поставленной цели. А широкие плечи выказывали недюжинную физическую силу этого молодого нойона, встреча с которым в открытом бою не сулила ничего хорошего его недругам.

К слову, такими же внешними особенностями — высоким ростом, удлинёнными светло-кожими лицами, голубыми глазами и рыжими, а подчас и русыми волосами — отличались все в его роду. По легенде, их прародительница Алан-гоа после того, как овдовела, родила несколько детей — светловолосых и голубоглазых. На вопросы соплеменников, как такое возможно, она отвечала, что иногда по ночам к ней в юрту сквозь дымовое отверстие проникает луч света, от которого она и зачала всех своих детей. Один из её сыновей, Бодончар, дал начало роду Борджигинов...

Думая об этом, Оэлун любовалась своим сыном. Он только вступил в пору возмужания, а уже каков багатур! Кто может сравниться с таким? Правда, младший брат Хасар обогнал его ростом, да и в плечах пошире. Но Тэмуджин упорнее и решительнее, он прирождённый вожак. Такой горы своротит, а добьётся своего.

Затем Оэлун, спохватившись, погладила сына по заплетённым в косички волосам цвета ярко начищенной меди и ласково повторила:

— Не беспокойся, сынок, Бортэ с радостью выйдет за тебя. Жизнь не только раздаёт тумаки, она бывает и милостива к тем, кто терпелив и настойчив. Мы много претерпели в прошлом, а теперь, видно, пришла пора после долгой ночи взойти солнышку над нашей юртой. Не зря говорят, что и в мешке нищего может оказаться то, чего нет в ханской казне... А сейчас отправляйся спать. Завтра тебе предстоит ранняя дорога.

На следующее утро с первыми лучами солнца Тэмуджин отправился к хонкиратам. Его сопровождал Бельгутей. Оэлун настаивала, чтобы сын взял с собой для охраны хотя бы нескольких нукеров, но он категорически отказался: Есугей-багатур не боялся путешествовать по степи в одиночку, так пусть же все видят, что Тэмуджин — достойный сын своего отца!

Братья ехали по буйным ковылям, среди которых то тут, то там виднелись рыжие пятнышки: это суслики выбрались из нор встречать восход солнца. Лёгкий ветерок разносил их тонкий посвист далеко над степью, дышавшей свежестью и покоем.

Кони шли размеренной рысцой; Тэмуджин попробовал было ускориться, но Бельгутей остудил его порыв:

— Не спеши брат, не то придётся прежде времени устраивать привал. Знаешь ведь: кто едет не торопясь, тот скорее доберётся куда ему надо.

Они коротали путь, беседуя о том о сём, оттого время летело незаметно. А в лазурном просторе над их головами, подобные нескончаемому стаду диковинных зверей, переползали небо из края в край косматые серобокие облака. Они не были похожи на дождевые, эти облака. Впрочем, даже если б небеса обрушили на головы братьев потоки воды, это не заставило бы их повернуть обратно.

День миновал настолько неуволимо, что Тэмуджин и Бельгутей даже удивились, когда сумерки накрыли степь тёплым покрывалом.

Заночевали среди душистых трав, стреножив коней и перекусив лепёшками.

Полный ожиданий и мучительных сомнений, Тэмуджин уснул не сразу. Некоторое время он лежал на спине, глядя в разверзшуюся над ним звёздную бездну и пытаясь представить, какой выйдет его встреча с наречённой после долгой разлуки. Внезапно с невидимых крепей в вышине сорвалась одна звезда: нарисовала на чёрном ночном полотне стремительный огненный росчерк и сгорела, не долетев до земли. «Говорят, каждая человеческая жизнь отражается на небе, — подумалось Тэмуджину. — Значит, моя тоже светится крохотным огоньком среди звёзд. Когда-нибудь и она погаснет, как эта, упавшая сегодня. Хорошо, если б ей удалось продержаться на своём месте подольше, ведь мне ещё так много надо успеть!»

И его воображение снова обратилось к грядущему — близкому и далёкому, представлявшемуся смутно и немного пугающе, и вместе с тем казавшемуся необъятным, как звёздное небо над головой. Так — с мыслями о грядущем — он и уснул, словно неприметно для самого себя отправился в тихое отдохновенное плавание навстречу завтрашнему дню.

А наутро — едва заря обрызгала багрянцем край небосвода на востоке — Тэмуджин и Бельгутей снова тронулись в путь по тёмным от росы травам.

Добравшись до поросшего ивняком и берёзами берега Керулена, братья направились вдоль реки — вслед за водой, тихоструйно нёсшей свои воды навстречу солнцу...

Миновало ещё два дня, пока они достигли улуса хонкиратов.

Курень Дэй-сечена Тэмуджин и Бельгутей нашли недалеко от того самого места, где он располагался много лет назад — между урочищами Чекчер и Чихурху. Солнце клонилось к закату; над юртами курились сизые дымки, и по воздуху разливался аппетитный запах варёной баранины.

— Наконец-то ты приехал! — прерывистым от одышки голосом воскликнул погрубевший Дэй-сечен. — Я уж совсем было потерял надежду, что увижу тебя живым, дорогой зятьёк!

После этих слов он заключил Тэмуджина в объятия и приветственно потёрся щекой о его щёку.

До него, конечно же, дошли слухи о разбойных подвигах сына Есугея-багатура. Умудрённый жизнью старый лис понял: юноша далеко пойдёт. Посему не собирался препятствовать его женитьбе на своей дочери.

— Если верить молве, ты уже собрал собственный улус и ходишь в набеги, — Дэй-сечен пытливо заглянул в глаза гостю. — Угоняешь скот, грабишь купцов, и тебе всегда сопутствует удача.

— Удача приходит к дерзким и сильным, — подтвердил Тэмуджин. — Хотя у меня пока немного воинов, но все они молоды и отважны, и число их быстро прибывает. Бортэ со мной не будет ни в чём нуждаться.

— Я верю, ты станешь ей достойным мужем, — покивал старик. — Говорят, когда на сердце спокойно, то и в юрте бедняка уютно. Но всё же лучше, если вы будете жить в достатке.

— Скоро я соберу под свою руку намного больше народа, чем сейчас, и тогда моим достаткам позавидуют все улусы в степи.

— Это хорошо, что ты веришь в свои силы, Тэмуджин. Резвому скакуну плетью не нужна. Пусть произойдёт то, чему суждено, я тоже в тебя верю.

...А Бортэ за время разлуки превратилась в настоящую красавицу. Круглоликая, с чёрными, как смоль, волосами и обжигающим диковатым взглядом, она была такой тоненькой, что казалось, любой порыв ветра с лёгкостью переломит её. Девушка не скрывала, что она на седьмом небе от радости.

— Я так ждала! — воскликнула она, подавшись к Тэмуджину. Но тотчас замерла, одёрнув себя: она ведь только невеста, не жена — негоже на глазах родичей бросаться суженому на шею. И спросила — тихо, почти шёпотом:

— Почему долго не приезжал? Мне уж думалось: может, ты забыл меня.

— Как я мог тебя забыть, Бортэ, — тоже понизив голос, виновато проговорил он. — Давно хотел приехать, но не получалось.

— Отчего не получалось? Кочевал по белому свету, словно облако?

— И покочевать довелось, как же без этого. А вообще — жизнь была непростая. Много разного случилось за эти годы. Но я никогда не забывал о тебе.

— У нас говорили: тайджиуты хотели тебя извести.

— Не тайджиуты, а Таргутай Кирилтух — нойон, который прибрал к рукам улус моего отца. Но у него ничего не вышло. И не выйдет теперь уже никогда. А тайджиуты — они просто овцы: куда пастух погонит — туда и пойдут с покорностью.

Лицо Бортэ расцвело улыбкой, и на её щеках появились очаровательные ямочки.

— А я теперь тоже стану твоей овечкой, — сказала она и, поколебавшись мгновение, сделала ещё шаг вперёд, взяла Тэмуджина за руку. — Куда позовёшь — туда и пойду за тобой.

Он тоже улыбнулся:

— Ну, нам же не нужен для этого кнут.

— Кнут? — ожгла она его лучистым взглядом. — Нет, не нужен. Мне для этого нужен только ты.

В голосе девушки Тэмуджин услышал приглашение к новому, неведомому и радостному. В эти минуты во всей необъятной степи вряд ли можно было найти более счастливого человека, чем он. Все невзгоды минувшего забылись. Терпение порою горько, зато оно способно приносить сладкие плоды.

В день отъезда Тэмуджину и Бортэ переплели вместе косички, как исстари повелось у монголов. Символизируя скорое сближение двух влюблённых сердец, этот ритуал служил началом свадебной церемонии.

— Парень без жены всё равно что конь без узды, а девушка без мужа подобна юрте без входа, — приговаривал Дэй-сечен, улыбаясь. — Но теперь вы всегда будете вместе, как две половинки одного целого.

— Лошадь ловят ургой²⁵, а человека — семейной лаской и прочим благоприятием, — вторила мать Бортэ, добродушная толстуха Цотан.

По обычаю полагалось, чтобы жених делал вид, будто силой тащит невесту прочь от родительской юрты, а ей надлежало упираться и всячески показывать своё нежелание отправляться вместе с ним. И Тэмуджин с Бортэ старательно разыграли традиционное свадебное действо: он тянул её, а она «сопротивлялась». При этом хонкиратские женщины, собравшись вокруг, цеплялись за невесту, как бы не отпуская её — и задорно голосили:

— Куда забираешь нашу красавицу? Не отдадим!

²⁵ Урга — длинная палка с петлёй на конце для ловли животных.

— Пусть остаётся в нашем улусе! Глазами смотри, да руками не трогай!

— Не для того отец с матерью пташку растили, чтобы так скоро упорхнула от родного очага!

— Зачем отнимаешь у нас Бортэ, разбойник? Или в твоих кочевьях пригожих девушек недостаточно?!

— Конечно, недостаточно! Таковую, как она, у которой глаза ярче звёзд, хоть всю жизнь ищи — во всей степи не сыщешь!

— Вестимо, не сыщешь!

— Такая красавица нам самим пригодится!

— Держите её крепче! Держите, не отпускайте в чужие края! Пусть она здесь сияет, как солнышко ясное!

— Ах, беда какая! Ай, забирают наше сокровище ненаглядное!

А Тэмуджин — войдя в роль похитителя — свирепо выпучив глаза, орал в ответ:

— А ну, расступитесь! Я её забираю, потому что моё хозяйство без женщины — всё равно что скот без присмотра! Теперь Бортэ принадлежит мне! Пропустите, пока я никого не зашиб!

Когда же ему наконец удалось — поначалу волоком, а затем подхватив на руки — дотащить девушку до осёдланного коня, её со смехом и благопожеланиями усадили верхом и покрыли полотном красного цвета.

Тэмуджин тоже вскочил в седло и вместе с Бортэ трижды объехал вокруг юрты Дэйсечена. После этого, получив родительское благословение, они покинули родной курень невесты и тронулись в путь.

Хонкиратские мужчины выехали провожать Тэмуджина и Бортэ. Длинная кавалькада растянулась среди колыхавшихся волнами буйных ковылей. По дороге наездники показывали свою удаль, устраивая игры, скачки, разные шуточные состязания; а из-под копыт коней то тут, то там вспархивали испуганные куропатки да прыскали в разные стороны тушканчики и пищухи.

Вослед молодым летели напутствия:

— Храните своё счастье, и пусть из вашей юрты поскорее раздадутся весёлые детские голоса!

— Уважайте старших, помогайте младшим и не позволяйте себе усомниться друг в друге!

— Муж и жена должны сделаться подобны руке и глазам: когда руке больно — глаза плачут, а когда глаза плачут — рука вытирает слёзы! Но пусть ваша жизнь никогда не омрачится ни болью, ни слезами!

— И пусть всё, что вы скажете друг другу, будет взвешенным, а во всём, вами сделанном, пусть никто не сумеет найти погрешностей!

— Живите в радости, без обид и сожалений!

— Пребывайте в здравии и благополучии! Будьте друг другу надёжной опорой, и да поможет вам в этом Великий Тэнгри!

— А Бортэ да ниспошлёт Вечное Небо послушание! Чтобы она села, когда скажут: «Садись»! Чтобы встала, когда скажут: «Вставай»! Чтобы вошла, когда скажут: «Входи» — и вышла, когда скажут: «Выходи»! И пусть не узнает она нужды ни в ласке, ни в еде, ни в одежде, ни в мужниной защите!

— Да пребудет ваш род многочисленным, богатым и славным, до тех пор пока солнце ходит по небу и луна светит над степью!

— Пусть ваша семья всегда остаётся крепкой, как вековой горный утёс! Да будет вам вместе тепло и отрадно до самой старости!

...Лишь когда всевидящее солнечное око склонилось на полтора копыта к горизонту, хонкираты, распрощавшись с молодожёнами, отправились восвояси.

Тэмуджин ехал по степи рядом с Бортэ, стремя в стремя, и не мог оторвать взгляд от своей суженой. Его душа парила в облаках легкокрылой беззаботной птицей, и воображение рисовало юноше картины благополучной и безмятежной будущности. А Бортэ смеялась звонким голосом и, в свою очередь, ласкала суженого взглядом, который был — само обещание. В сердцах у обоих было тесно от восторга жизни.

О, сколь блаженны юноши и девушки, переживающие подобные мгновения! И столь же недальновидны, ибо счастье преходяще; его ждут слишком многие для того, чтоб оно сопровождало кому-нибудь достаточно продолжительный срок.

Впрочем, всё, что затаилось в грядущем — это случится потом. А в описываемую пору радость Бортэ и Тэмуджина была сильна и неудержима, как весенняя река, готовая вот-вот выйти из берегов и затопить всё окрест.

В родной курень Тэмуджин и Бельгутей привезли не только Бортэ, но и её мать Цотан, пожелавшую присутствовать на свадьбе дочери. От неё Оэлун получила в подарок роскошную доху из чёрного соболя.

Следующие несколько дней Тэмуджина и Бортэ были сотканы из неповторимо ярких моментов мимолётного счастья, какие небо дарует не каждому и лишь раз в жизни: подобно живительным водам могучей реки, струились они сквозь молодожёнов, и невозможно было угадать, за каким окоёмом суждено закончиться их рассветам и закатам, и где оскудеет эта река, дабы, обернувшись тонким ручейком, влиться в тёмный поток вечности. Впрочем, Тэмуджин и Бортэ считали, что им обоим задумываться о подобных вещах преждевременно.

А затем — когда отгремело праздничное веселье, гости разъехались по родным куреням, и Цотан тоже отправилась домой — Оэлун отдала Тэмуджину дарёную доху из чёрного соболя:

— Поезжай к хану Тогорилю. С таким подношением не стыдно явиться к нему. Пора напомнить хану, что он был андой²⁶ твоего отца и многим ему обязан. А дохи мне не жалко. Не зря ведь говорят: вдвойне дашь — вдесятеро получишь. Зато если заручишься дружбой Тогорила, он поможет тебе собрать наш улус.

— Я и сам давно об этом думаю. Врагов у нас всё прибавляется. А друзей... Помнишь, ты говорила: нет у нас друзей, кроме собственных теней?

— Помню. Но теперь всё изменилось. Не зря говорят, что даже в мышиную нору иногда заглядывает солнце. И ты должен постараться сделать так, чтобы к нам больше никогда не вернулись трудные времена.

— Я сделаю это! — воскликнул он. — Лучше умру, чем кто-нибудь снова наденет мне на шею проклятую кангу!

И Тэмуджин, взяв в спутники Хасара и Бельгутея, отправился искать покровительства у кераитского хана Тогорила.

Это было богатое и многочисленное племя. Но долгое время кераиты не знали покоя из-за внутренних распрей. Впрочем, хватало бед и от внешних недругов. Так однажды, во время набега свирепых меркитов, семилетний Тогорил попал в плен — и его, ханского сына, угнали в рабство. Так же, как и малолетний Тэмуджин, познал он горечь незаслуженных лишений: насмешки, голод, побои, самая грязная и унижительная работа — всё это не миновало маленького пленника. К счастью, в скором времени хан-отец Хурчахус-Буирух сумел вызволить его: собрав воинов со всего своего улуса, он вторгся в земли меркитского племени и отбил у них сына... А когда мальчику исполнилось тринадцать лет, его вместе с матерью захватили в плен татары. И снова удивительное сходство с судьбой Тэмуджина: на этот раз юному Тогорилю удалось не только совершить побег и сбить со следа погоню, но и, проделав долгий путь по степи, добраться до родного куреня.

²⁶ Анда — побратим.

После того как умер Хурчахус-Буирух, и ханская власть перешла к Тогорилу, его несколько раз пытались отравить. Затем младшие братья и многие родичи восстали против него. Немало нашлось нойонов, которые пошли за мятежниками. К счастью, вскоре братья передрались между собой, и двоих из них — Тай-Темур-тайши и Буха-Темур — Тогорил, изловив, казнил. Однако и на этом беды не кончились: дядя Тогорила, сумев привлечь на свою сторону кераитскую знать, сверг законного хана. Тогорил едва успел спастись бегством: с сотней верных нукеров прискакал он к берегам Онона, в тайджиутский улус, и стал молить Есугея о помощи. Тот внял его мольбам: снарядил большой отряд — и, возглавив его, отправился к кераитам. Мятеж был подавлен, и дядя Тогорила бежал.

Тогда-то и побратались Тогорил и отец Тэмуджина.

На пиру, устроенном в честь победы, преисполненный благодарности Тогорил воскликнул:

— Анда Есугей! Никогда не забуду того, что ты для меня сделал! И да помогут мне Вечное Синее Небо, отец-Тэнгри и мать-земля Этуген отплатить благодеянием за твоё благодеяние, воздать сынам твоим и сынам сынов их!

Именно об этом случае Оэлуна напомнила сыну, посылая его к Тогорилу.

Без отваги и силы не обретёшь покоя, Тэмуджин понимал это. Отваги у него имелось в достатке. А вот силы ему в значительной мере должно было прибавить покровительство могущественного кераитского хана.

Им потребовалась два дня, чтобы достигнуть долины реки Туул, где близ Тёмного бора находился улус Тогорила²⁷. Когда подъезжали, над степью тяжело нависали тёмные облака: казалось, они вот-вот разразятся проливным дождём, однако стихия, томя ожиданием, не торопилась впадать в буйство, лишь редкие капли срывались с неба, приятно освежая лица утомлённых дорогой путников.

Тогорил не забыл того, чем был обязан Есугею-багатуру. Радушно встретив Тэмуджина и его братьев, он с любопытством ждал, о чём станет просить наследник его анды.

Однако никаких просьб не последовало.

— Все знают, что родитель мой побратался с тобой, хан Тогорил, — сказал Тэмуджин, почтительно поклонившись. — Но Есугей-багатур умер. Стало быть, ты мне теперь вместо отца. Так вот, женился я — и сразу же поспешил приехать к тебе, чтобы поделиться радостью. А в знак моей сыновней преданности прими этот скромный дар.

И он положил к ногам хана соболью доху.

Эта нехитрая дипломатия сработала превосходно.

— Вижу, достойный наследник вырос у моего анды и готов всей душой принять тебя как родного сына! — воскликнул растроганный Тогорил. — Мне известно о предательстве тайджиутов, но не печалься: я помогу тебе собрать разьединённый улус. И вообще, если потребуется помощь — только скажи, и ты всегда найдёшь её у меня!

Потом они сидели на войлоках за длинным столом на низких ножках, ели варёную баранину, и их пальцы блестели от жира. Запивали мясо горячим бараньим наваром и хмельным архи, а позже рабыни принесли сладкие тангутские вина.

Тут-то наконец небеса разверзлись, и на степь обрушился ливень. Водяные струи барабанили по стенам ханской юрты, а Тэмуджину, Хасару и Бельгутею внутри было уютно, сытно и хмельно. Тогорил рассказывал сыновьям покойного анды о старых временах, о походах в дальние края, о ратных подвигах Есугея и о своих собственных победах. Истории о противоборстве с враждебными племенами и многих иных свершениях минувших дней кераитский хан перемежал изъявлениями дружбы и обещаниями покровительства.

²⁷ Улус Тогорила — располагался там, где сейчас находится Улан-Батор, столица Монголии.

Тэмуджин даже представить не мог, сколь необходимы ему окажутся дружба и покровительство Тогорила в самом ближайшем будущем.

...Вскоре ход событий совершил резкий поворот. Миновало совсем немного времени с тех пор как Тэмуджин обрёл твёрдую почву под ногами, и жизнь его наладилась — но пришла новая беда, и ему понадобилась помощь хана кераитов.

Случилось это, когда на стан Тэмуджина напали меркиты.

Они налетели, как туча голодной саранчи, сметающей всё на своём пути.

Они сровняли с землёй его курень.

Разорили его очаг.

Угнали в рабство его молодую жену, его любимую Бортэ.

Много лет тому назад племя меркитов получило смертельное оскорбление от Есугея-багатура. Такое оскорбление, которое считалось возможным смыть только кровью.

Случилось это, когда багатур охотился на птиц у берегов Онона и повстречал меркитского воина по имени Чиледу: тот ехал со свадьбы, взяв себе в жёны девушку из олхонутского племени. Звали её Оэлун... Есугей подъехал к крытой кибитке и, отодвинув полог, заглянул внутрь. Увидев юную Оэлун, он поразился её красотой. После чего поспешно вернулся домой, позвал своих братьев Некун-тайджи и Даритай-отчигина, — и они втроём пустились в погоню за новобрачными. Завидев их приближение, Оэлун вскричала:

— Спасайся, Чиледу!

— Нет, я тебя не покину.

— Но пойми же: меня они не убьют, сейчас дело идёт о твоей жизни! Если будешь жив-здоров, жёны для тебя в каждой юрте найдутся! Придётся тебе именем Оэлун назвать другую девушку... Спасайся, поцелуй меня и езжай скорее прочь!

И Чиледу послушался: поцеловав молодую жену, хлестнул своего хурдун-хуба²⁸ — и помчался вдоль Онона, вскоре скрывшись за холмами. А Оэлун осталась в повозке, запряжённой двумя волами.

Повозку и волов Есугей отдал своим братьям, а Оэлун стала его женой. Она недолго горевала, и вскоре ей полюбилися бесшабашный багатур — рыжий и голубоглазый, как все мужчины из рода Борджигинов. Оэлун родила Есугею четырёх сыновей: Тэмуджина, Хасара, Хачиуна, Тэмуге и дочь по имени Тэмулун.

Как всё в жизни, с годами эта история постепенно забывалась и, размытая волнами времени, уже почти отошла в область преданий. Так было у тайджиутов. Но меркиты ничего не забыли. Их месть вызревала, как старое вино, со временем лишь набирая крепость.

И, дождавшись удобного момента — когда большинство нукеров Тэмуджина разъехались — кто на охоту, кто свататься, а кто просто проведать родичей — меркиты нагрянули с местью и грабежом.

На рассвете, когда в желтоватой полосе воздуха над горизонтом за клубилось пыльное марево, поднятое копытами меркитской конницы, в курене началась паника. Организовать отпор столь малыми силами, какие имелись в распоряжении Тэмуджина, не представлялось возможным. Но и для того чтобы попытаться спастись бегством, на всех не хватало коней. Обстоятельства вынуждали юного Борджигина к немедленному принятию решения, не оставляя времени на раздумья. Ценой ошибки могла стать не только его жизнь, но и судьбы близких ему людей.

— Скорее собирай мужчин, — Оэлун схватила Тэмуджина за рукав, — и скачите прочь отсюда!

²⁸ Хурдун-хуба — быстрый иноходец.

— Отдать всех наших женщин меркитам?! — возмущённо вскричал он. — Неужели ты хочешь, чтобы твоего сына называли трусом? Нет, мы примем бой! Пускай погибнем, но не навлечём на себя такого позора!

— Женщин они не убьют, — настаивала мать. — А тебе и братьям не миновать расправы.

— Но меркиты угонят всех вас в рабство!

— Сейчас речь идёт о твоей жизни, — повторила она слова, которые много лет назад говорила своему жениху Чиледу. — Да не только о твоей, сынок, но и о жизнях твоих братьев! К тому же, если вы погибнете сейчас, то некому будет вызволить нас из плена. Бегите, довольно сомнений!

И Тэмуджин послушался её, осознав наконец свою абсолютную и непоправимую уязвимость. Он, его братья, а также нукеры Боорчу, Джелме и ещё несколько юношей, вскочив на коней, усаkali прочь. В последний момент нашлась лошадь для Оэлун — и она отправилась вслед за ними, взяв на руки дочь Тэмулун.

Вскоре беглецы достигли горы Бурхан-Халдун и укрылись в покрывавшем её густом лесу. Туда меркиты сунуться не решились, опасаясь засады. Зато они успели настигнуть нескольких женщин, в числе которых была и Бортэ.

Разъезжая вокруг горы, меркиты издавали торжествующие возгласы. И выкрикивали оскорбления в надежде, что уязвлённый Тэмуджин выведет свой немногочисленный отряд на открытую местность и вступит в гибельную схватку.

— Выходите, защитите своих женщин! — призывали они, надрывая глотки. — Чего вы попрятались, как мыши в норе?

— Забились в чащобу, где сытому змею не проползти!

— Вам бы только коней отбивать от чужих табунов, на большее смелости не хватает!

— Трусы! Все Борджигины такие, весь ваш поганый род!

— Нет, Есугей отличался от этих щенков! Он хоть и был подлым и бесчестным грабителем, но не страшился встретиться лицом к лицу с врагом!

— Что, боитесь? Взяли-таки мы своё: отплатили за Оэлун, отняли ваших жён!

— Ладно, сидите на своей горе, несчастные! А ваши женщины теперь будут рожать детей меркитским багатурам!

— Всё равно никуда от нас не денетесь! Ещё встретимся! Как долго ни щадят овцу, а конец её — быть зарезанной!

Однако понапрасну старались пришлецы. Хотя не зря говорят, что каждое произнесённое слово становится чужим: Тэмуджин внимательно вслушивался в крики меркитов и запоминал. Он стискивал зубы и сжимал кулаки, внимая воинственным призывам своих гонителей: многие из них были знакомы молодому Борджигину. Всем предстояло поплатиться.

В кронах деревьев то тут, то там тревожно вскрикивали птицы. Белка, пробежав по ветке над его головой, перепрыгнула на другую ветку — и, удаляясь, замелькала рыжим огоньком хвоста из стороны в сторону; и через несколько мгновений скрылась в расплывчатой глубине лесной чащобы. Проводив её взглядом, Тэмуджин несколько раз набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул. А потом сел в траву, согнул ноги в коленях, обхватил их руками, ни единым словом не нарушая молчания. И стал ждать.

Ему больше ничего не оставалось. Только время. Только терпение. Больше ничего.

Солнечный лик невыносимо медленно клонился к скрытому за деревьями краю земли. Казалось, дневному светилу хотелось увидеть развязку событий, развернувшихся у подножия горы Бурхан-Халдун, оттого оно не торопилось гасить свои лучи.

И всё же этот день подошёл к концу.

С наступлением темноты враги убрались восвояси. Тогда Тэмуджин велел Бельгутею, Боорчу и Джелме трое суток следовать за ними по пятам, дабы убедиться, действительно ли они возвращаются домой или хотят выждать где-нибудь невдалеке, а затем вернуться и перебить всех потомков ненавистного им Есугея.

Весть о пленении Бортэ потрясла Тэмуджина. Хотя вступить в бой с меркитами было бы чистым самоубийством, но теперь он жалел о том, что не сделал этого.

— Зачем я послушался тебя? — сказал он матери. — Зачем бежал? Лучше бы погиб в бою! А теперь честь моя навсегда потеряна.

— Успокойся, сынок, — попыталась утешить его Оэлун. — Даже самые страшные раны заживают, если никто их не тревожит, одна лишь смерть непоправима. Человек способен справиться с любой утратой, уж мне ли не знать это после того как я похоронила твоего отца... Ты сохранил самое главное: свою жизнь. А жену найдёшь и другую.

От одной мысли об этом ему сделалось не по себе.

— Я не хочу другую! — вскричал он, рубанув рукой по воздуху. — Мне нужна Бортэ! Что теперь жизнь моя — прах ей цена!

Гул крови пульсировал у него в голове. Как будто его избили. Как будто мчался на резвом скакуне — и вдруг конь, провалившись копытом в суслицью нору, выбросил его из седла... Держал в руках счастье да не сумел удержать надолго, упустил, потерял, отдал врагам! О вероломная судьба!

Сердце отчаянно колотилось в груди, и Тэмуджин боялся, что оно вот-вот остановится, надсадившись, или разорвётся от унижения и бессильного гнева.

Глава третья. Стая наносит удар

*Нет на свете печали
Большей, чем расставанье...
Цой Юань
Ты подобна пыли над тропой,
Я же — илу в глубине речной.
Ты вверху, а я на дне потока, —
Суждено ль нам встретиться с тобой?
Цао Чэси*

Он направился к Бурхан-Халдуну.

Достигнув подножия горы, оглянулся, окинул степь продолжительным тоскливым взглядом, словно прощался с этим бескрайним простором с несущимися по нему жёлтыми шарами перекасти-поля. И принялся медленно подниматься по склону, шаг за шагом углубляясь в лесную чашу.

Дул слабый ветерок, путаясь в поредевших осенних кронах деревьев и вытряхивая из них лёгкие шелестящие звуки. А Тэмуджин, глядя себе под ноги, пробирался наверх одному ему ведомыми звериными тропами. До тех пор, пока не отыскал на взлобке горы небольшую поляну. Здесь стояла сложенная пирамидой груда серых камней — обо²⁹ Бурхан-Халдуна. Сколько раз он с братьями приходил к этим камням, чтобы испросить защиты и покровительства у духа горы! Вот и теперь ноги сами собой привели его сюда.

Несколько раз прошёлся Тэмуджин по кругу, расхлёстывая ступнями сухую траву. Затем снял с себя пояс, повесил его на шею и уселся посреди поляны — привалился спиной к холодным камням, скрестив ноги.

Дух горы не защитил его, не помог уберечь жену от меркитов. Но у кого было сейчас просить помощи? Вспомнились слова матери, которые много раз слышал от неё в детстве: «Нет у нас друзей, кроме собственных теней»...

Взгляд Тэмуджина скользил по траве, по деревьям, а затем устремился в небесную даль, смыкавшуюся с горизонтом.

Пронзительно-отчаянны были его мысли.

Если б он оказался предусмотрительнее — наверное, можно было бы предотвратить всё, что случилось. А теперь...

Теперь — где-то там, за горой, далеко за бескрайними степными далями — пропала, растаяла, бесследно затерялась его Бортэ. Кто владеет ею сейчас? Кто, смеясь, швыряет её на войлок и с жадной бесцеремонностью срывает с неё одежды, мнёт её упругие груди, входит в её горячее лоно? И за что Великий Тэнгри столь жестоко наказал его, Тэмуджина? Неужели за отца — за то, что Есугей-багатур отобрал Оэлун-эке у трусливого Чиледу? Тьма времени миновала с тех пор! Конечно, без ветра трава не колыхнется и без тучи дождя не бывает, но разве сыновья должны отвечать перед небесами за поступки отцов? А если это не так, то в чём же состоит его собственная вина? Он ведь никого не обидел, никого не обездолил!

Или на свете не существует справедливости, и даже малый камень способен увлечь за собой такую лавину, которая беспрепятственно погребает человека за грехи его предков? Разве это правильно? Нет, неправильно!

Впрочем, и сам он, Тэмуджин, ничем не лучше проклятого Чиледу: сбежал, как испуганный тушканчик, оставив меркитам свою любимую, свою нежную Бортэ... Да, без ветра трава

²⁹ Обо (или овоо) — святилище, пирамидальная груда камней или шалаш из веток; считается жилищем духа местности или рода. С годами обо увеличивается в размерах за счёт жертвенных камней.

не колышется, и Тэмуджин сам виноват в своей беде, как ни крути. Видно, он из тех людей, о ком говорят: есть ты — ничего не прибавилось, нет тебя — ничего не ubyло...

Так думал он и скрежетал зубами от клокотавшей в груди злобы и от презрения к самому себе; а по его щекам катились слёзы.

Всё, что случилось в этот день, казалось ему неправдоподобным. Однако время вспять не воротишь. Неужто мать права, и он будет вынужден принять неизбежное? Взять новую жену и забыть о Бортэ? Смириться с бесчестьем и продолжать жить как ни в чём не бывало?

Вопросы обжигали сознание Тэмуджина — так же, как швыряемые ветром свирепые льдинки обжигают лицо усталому всаднику, заплутавшему в степи во время бурана. Вопросы нескончаемой вереницей хороводились в его голове; и он не искал ответов — не мог, не имел сил; его всё глубже и глубже затягивал в себя этот ледяной вихрь.

А где-то совсем близко куковала кукушка — гулко и пронзительно, точно пророчила вечную разлуку. Противная птица. Старики рассказывали, что в давние времена люди и животные имели по одному праздничному дню в году, и в этот день всем строго-настрого возбранялось работать. Кукушка же нарушила запрет, принялась вить себе гнездо именно в такой день. Великий Тэнгри узрел с высоты небес нарушение установленного порядка и, неслыханно разгневавшись, разорил гнездо кукушки. При этом он заклил её навеки оставаться без гнезда.

И теперь неприкаянная птица будто злорадствовала и насмехалась над взбравшимся на гору человеком, и приглашала его в стаю проклятых — и пророчила, пророчила недоброе. Лишь изредка она ненадолго умолкала, а затем вновь принималась куковать, никак не хотела уняться, до самых сумерек... И даже после того как ночь вступила в свои права, злобный голос кукушки ещё долго звучал в памяти Тэмуджина.

Долго находился он на горе, потеряв счёт времени, подобный остывающей головешке, в которой ещё теплится крохотное зерно огня, но если не поторопиться раздуть его, то вскоре не останется надежды вернуть к жизни пламя былого жаркого костра. Пять раз луна успела взойти на небосвод, а затем скатиться в нижний мир, уступая место дневному светилу. И всё это время Тэмуджин сидел в уединении, уставившись вдаль невидящим взором — до тех пор, пока не объявились Бельгутей, Боорчу и Желме, посланные следить за врагами. Услышав их призывные крики, Тэмуджин наконец вышел из оцепенения. Он поднялся на ноги, вновь подпоясался и спустился с горы.

— Меркиты не вернутся, — сообщил Бельгутей. — Они уже на полпути к своему улусу.

— Бурхан-Халдун спасла всех нас, — с облегчением вздохнул Тэмуджин. — Отныне каждый год в этот день буду приносить жертву духу горы.

Затем осёкся, вспомнив о своей главной потере. И, помедлив несколько мгновений, спросил:

— Что с Бортэ? Может, вам удалось проведать, какова её участь?

— Удалось, — нахмурился Бельгутей.

И кивнул в сторону Желме:

— Вот он слышал.

Тэмуджин почувствовал лёгкий озноб — словно его коснулся порыв ледяного ветра — и устался на нукера. Тот переминался с ноги на ногу, собираясь с духом. Слова застревали у него в горле, и он всё никак не мог решиться сообщить неприятную весть.

— Ну? — нетерпеливо воскликнул Тэмуджин, и лицо его исказилось в муке ожидания, ибо он уже догадывался, что произошло. — Говори же скорее, своим молчанием ты уже ничего не изменишь!

— В последнюю ночь я подполз очень близко к меркитскому стану, — торопливо забормотал Желме, отведя взгляд в сторону. — Они не боялись погони, поэтому не особенно сторожились. Мимо проезжали двое дозорных, из разговора которых я понял, что Бортэ отдали

Чильгир-Боко, младшему брату того самого Чиледу, у которого Есугей-багатур отобрал твою матушку. Сам-то Чиледу недавно умер, иначе твоя жена досталась бы ему, — так говорили меркиты... Возьмёт ли Чильгир-Боко её в жёны или просто сделает своей индже³⁰ — этого никто не знает, он сам будет решать.

— Ничего он решать не будет! — вскричал Тэмуджин. — Я отниму у него Бортэ, чего бы это ни стоило!

— Мою мать они тоже забрали, — негромко проговорил Бельгутей. — И я скорее погибну, чем оставлю её в руках у меркитов.

— Я поеду к отцу, попрошу его отпустить в поход моего брата Субедэя, хорошо? — Джелме вопросительно взглянул на Тэмуджина.

— Поезжай, — кивнул тот. А затем распорядился:

— Разъезжайтесь все, собирайте наших воинов. Зовите и чужих, обещайте хорошую добычу у меркитов всем, кто пожелает присоединиться к нам. А я немедленно отправляюсь за помощью к хану Тогорилю.

К Тёмному бору на берегу реки Туул, где располагалась ставка кераитского хана, Тэмуджин выехал в сопровождении Хасара и Бельгутея. Следом за ними летели заунывные песни ветра: не смолкая на протяжении всего пути, они усугубляли душевные терзания Тэмуджина.

Дно тоски — море: упадёшь и утонешь; терпение — лодка: сядешь и переплывёшь. Он понимал это. И, поторапливая коня, скрежетал зубами от нетерпеливой ярости, от сжигавшей его жажды действия. Бортэ казалась ему сейчас недостижимой, как луна в тёмной пропасти небес. Но Тэмуджин не мог позволить себе отчаяться.

...Улус Тогорила был обширен и многолюден; все знали это, потому вряд ли кто-нибудь из соседей решился бы на него напасть. Ван-хана устраивал такой порядок вещей; в последние годы он ни с кем не враждовал и успел привыкнуть к спокойной жизни... Выслушав Тэмуджина, Тогорил помрачнел. Однако в своём решении не колебался ни мгновения:

— Забрав твою жену, меркиты мстят моему анде Есугею. А значит, это не только твоё, но и моё кровное дело. Я соберу два тумена³¹ воинов, и мы пойдём на них!

— Спасибо, хан-отец, — благодарно склонил голову Тэмуджин. — Я знал, что ты не откажешь мне в помощи.

— Но меркиты — большое племя, — задумчиво продолжал Тогорил. — Узнав о нашем приближении, они сумеют собрать немалое войско.

— Я уже подумал об этом, — сказал Тэмуджин. — Меркиты ничего не узнают: мы разошлём во все стороны дозоры, которые будут убивать любого встречного.

— Разумно, — согласился хан. — И всё же подумай: у Есугея-багатура было много родичей — так, может, среди них остался ещё кто-нибудь, кого ты мог бы позвать на помощь?

— В своё время родичи предали меня, уйдя с Таргутаем. Но сейчас я велел своим нукерам объявить всем: те, кто пойдут со мной на меркитов, будут прощены.

Помедлив немного, он добавил:

— А ещё когда мне было одиннадцать трав, я играл в альчики на льду Онона с Джамухой, сыном нойона племени джаджират, и тогда мы с ним побратались. Это была как бы игра; он подарил мне альчик от козули, а я ему — свинчатку, и мы поклялись друг другу в верности, как анды. Сейчас Джамуха стал ханом джаджиратов. Быть может, он не забыл наше детское побратимство? Как думаешь, хан-отец, могу ли я обратиться к нему за помощью?

— О да! Ведь побратимство выше кровного родства: анды — как одна душа. Так говорили наши пращуры, и горе тому, кто посмеет отступить от их заветов. К тому же недавно Джамуха

³⁰ Индже — рабыня.

³¹ Тумен — высшая организационно-тактическая единица у степняков численностью 10 тысяч воинов.

приезжал сюда, называл меня старшим братом и искал покровительства. Джаджираты — племя небольшое, но воинственное, его помощь сейчас будет очень кстати. В пору благоденствия дружбой пользуются, но проверяют её лишь в беде. Я пошлю своих людей к Джамухе: пусть скажут, что настало время на деле доказать его преданность старшему брату Тогорилю и анде Тэмуджину. Я уверен, он не сможет нам отказать.

Старый хан Тогорил оказался прав: Джамуха ответил его гонцам, что немедленно выступает в поход. К этому времени Тэмуджин уже тронулся в путь домой. Вернувшись в родной курень, он решил подстраховаться — и послал к молодому джаджиратскому хану Бельгутея и Хасара. Когда они прибыли к Джамухе, тот воскликнул:

— Передайте Тэмуджину, что сердце моё болит за него. В детстве мне и самому довелось побывать в плену у меркитов: если б отец не выкупил — прозябал бы сейчас среди несчастных боголов. Я уже окропил своё знамя и ударил в барабан, обтянутый кожей чёрного вола. Завтра на рассвете оседлаю вороного скакуна, надену хуус хуяг³² и выступлю на обидчиков моего анды. Мы освободим Бортэ и воздадим меркитам: всех мужчин изничтожим, а женщин и детей заберём в полон.

Неведомо, стал бы Джамуха помогать Тэмуджину, если б у того за спиной не стоял Тогорил. Но дружба с могущественным керайтским ханом дорогого стоила. Да и лёгкие на подъём джаджираты, воодушевлённые перспективой скорой поживы, рвались в бой.

Таким образом, участь меркитов была решена. Они об этом пока не подозревали, но тучи губительного ненастья уже собрались над ними, и теперь возмездие было лишь вопросом времени.

Бортэ, его родная душа, его любимая жена томила в руках неведомого, незнакомого и ненавистного Чильгир-Боко. Возможно ли представить такое?

Нет, никак не возможно!

Даже мысль об этом была невыносима.

Он обязательно освободит Бортэ, чего бы это ни стоило. Он будет упорным и терпеливым в достижении своей цели. А когда придёт время, станет жестоким и беспощадным. О, тогда-то он наконец даст волю чувствам — и горе меркитам, посмевающим отнять у него жену!

Днём и ночью взгляд Бортэ — тоскливый, зовущий, умоляющий — мерещился ему и не давал покоя, бередил душу и не отпускал.

Тэмуджин торопился. Ему удалось собрать гораздо больше воинов, чем он рассчитывал — целый тумен. Выступив в поход, он встретился на реке Кимурха с двумя туменами кераитов: один из них вёл Тогорил-хан, другой — его младший брат Чжаха-Гамбу. Объединёнными силами они направились к истокам Онона, где их ждал Джамуха: тот, как и обещал, собрал тумен джаджиратов.

Стояла поздняя осень, выпавший ночью первый снег придавил к земле сухие травы, и конные отряды торили свежие следы по его бескрайнему белому покрывалу.

Все уже знали, что нападение на ставку Тэмуджина совершили три меркитских рода: удууд-меркиты во главе с Тохтоа-беки, хаат-меркиты, ведомые багатуром Хаатай-Дармалой, и увас-меркиты нойона Даир-Усуна.

Перед последним решительным броском Тогорил, Тэмуджин, Джамуха и Чжаха-Гамбу собрались, чтобы обсудить предстоящие боевые действия.

— Тохтоа-беки, наверное, теперь находится в степи Буура-Кеере, — сказал Джамуха, — Хаатай-Дармала идёт с ним, торопясь укрыться в лесах, а Даир-Усун, должно быть, успел

³² Хуус хуяг — боевой панцирь из кожаных пластин.

добраться до слияния Орхона³³ и Селенги³⁴ и переправился на остров Талхун-арал, где находится его ставка.

Тогорил и Тэмуджин согласно закивали, ибо доклады лазутчиков — как кераитских, так и тайджиутских — подтверждали предположения джаджиратского хана.

— Отсюда до реки Килхо уже рукой подать, — продолжал Джамуха. — Вода сейчас в ней — бр-р-р какая холодная, но это ничего. Мы должны, не теряя времени, переправиться через реку и мчать во весь опор через степь Буура-Кеере, пока меркиты не ждут. Мы раздавим их с налёту. Надо действовать, пока не поздно.

— Нет, будет лучше, если мы дождёмся ночи, — возразил Тогорил. — Ты бесстрашен, Джамуха, и заслуживаешь за это всяческого восхваления. Однако нам следует думать о разных сторонах дела и заботиться о скрытных возможностях, дабы потерять в схватке как можно меньше людей. Когда враг спит, к нему проще вторгнуться через дымник юрты³⁵.

— Хан-отец верно говорит, — поддержал его Тэмуджин, подавив бушевавшую в сердце жажду действий. — Переправа — дело трудное и не особенно быстрое, а под покровом темноты нас будет труднее заметить. Если нападём ночью, то скорее застанем меркитов врасплох — так, чтобы они не успели даже вынуть луки из саадаков и стрелы из колчанов. Иначе нам может прийти туга, ведь мы ненамного превосходим их числом.

Все посмотрели на младшего брата хана Тогорила. Чжаха-Гамбу сдвинул брови и засопел в сомнении, но после короткого колебания махнул рукой:

— Ночью так ночью. Хуже не будет, если до сумерек наши кони смогут малость отдохнуть.

На том и порешили.

С наступлением сумерек на скорую руку связали плоты, надули бурдюки из цельноснятых бычьих шкур. Имущество и припасы для переправы сложили на плоты, привязанные к хвостам лошадей; а сами преодолели неширокую реку с помощью бурдюков, поскольку плавать почти никто из степняков не умел.

Затем последовал стремительный бросок по ночной степи — и наконец объединённое войско кераитов, джаджиратов и тайджиутов, подобно остро отточенному клинку, вонзилось в меркитский нутуг³⁶.

Желаемое сбылось: враг был застигнут врасплох.

Лишь немногие из меркитов попытались дать отпор нападавшим, позабыв о страхе. Все остальные ударились в бегство, побросав свой скарб и не оказывая никакого сопротивления неприятелю. Топот тысяч копыт сливался со свистом ветра в ушах наездников, с бряцаньем бранной снасти и с удалым гиканьем предвкушавших кровавую страду воинов — всё это росло и ширилось, быстро превращаясь в грозный гул, в единую музыку возмездия.

Беглецам удалось достигнуть леса, но и там гораздо более многочисленное войско преследователей не отставало. В спины обезумевшим от паники меркитам летели копья и стрелы. Вышибленных из сёдел добивали изогнутыми саблями-хэлмэ и мечами-мэсэ. Жаждавшие спасения люди мчались, петляя между кривыми стволами деревьев, продираясь сквозь густые переплетения кустов — и падали один за другим, кто молча, а кто с криками и стонами, проваливались в пучину кружившейся, оравшей и гремевшей тьмы, на дно этой губительной ночи, изрубленные, пронзённые, затоптанные копытами. Они падали и оставались лежать на земле, настигнутые смертью, которая рано или поздно приходит за каждым, не спрашивая согласия.

— Бортэ! — кричал Тэмуджин, скача впереди своих нукеров.

³³ Орхон — правый приток Селенги.

³⁴ Селенга — река, протекающая по территории Монголии и современной России, впадает в озеро Байкал.

³⁵ Вторгнуться через дымник юрты — нагрянуть внезапно; свалиться как снег на голову.

³⁶ Нутуг — кочевье, владение.

Его губы иссохли и потрескались от незримого пламени, которое неистовствовало и бесновалось у него в груди. Вместе с тем волны пьянящей силы захлёстывали, переполняли Тэмуджина и влекли вперёд. Никто не сможет встать у него на пути, никто не сможет, он знал это. Неукротимо и безостановочно, будто одержимый злыми духами, разил он врагов налево и направо. И, обгоняя бегущих меркитов, напряжённо озирался по сторонам.

— Бортэ! — уносились к кронам деревьев его отчаянные призывы. — Где ты?! Отзовись! Я пришёл за тобой!

Нетерпение, владевшее им, поднялось до наивысшего предела; казалось, оно вот-вот заслонит собою небосвод, заполнит весь мир до краёв и разорвёт его на части.

А Бортэ в это время вместе с рабыней Хоахчин тряслась в возке, которым правил их новый хозяин Чильгир-Боко. Продираясь между деревьями и кустами, возок подпрыгивал на кочках и раскачивался из стороны в сторону с таким угрожающим треском, что казалось: ещё мгновение — и он развалится на части.

Чильгир склонился вперёд и яростно нахлёстывал лошадей.

Бортэ и старая Хоахчин, обнявшись, тряслись в возке, обмирая от страха и надежды: что ждёт их в тёмном буреломе этой ночи — скорая смерть или освобождение?

И мысли Чильгир-Боко мчались примерно в том же направлении. Вжав голову в плечи, он ожидал гибели в любое мгновение, но было жаль награбленного добра, сваленного в возок, а ещё более было жаль ему собственной жизни, и он всё хлестал и хлестал плетью по лошадиным спинам. Морды лошадей покрылись клочьями пены, они мотали головами и перебирали копытами из последних сил, волоча за собой грозивший вот-вот развалиться возок с седоками.

Иногда Чильгир-Боко оборачивался, чтобы рассмотреть, не приближается ли погоня. И в такие мгновения женщины могли разглядеть застывшее на его лице выражение тоскливой обречённости.

— Дурак я, что согласился взять тебя, Бортэ! — приговаривал он в сердцах. — Зачем пожадничал? Зачем положил змею себе за пазуху? Разве другая женщина согревала бы моё ложе хуже тебя? Нет, любая согревала бы не хуже! А теперь, видать, придётся мне жестоко расплатиться за всё своей пустой головой!

— Это правда, очень скоро тебе придётся расплатиться, — с нескрываемо-злорадными нотками в голосе отзывалась из-за его спины Бортэ. — Что, боишься за свою жалкую жизнь? И правильно боишься! Тэмуджин обязательно тебя отыщет. Даже если ты попытаешься скрыться на краю света, он всё равно тебя настигнет и убьёт!

— Молчи, проклятая индже! Прежде чем он меня настигнет, я ещё успею отрезать твой поганый язык!

Чильгир-Боко яростно нахлёстывал лошадей, и те храпели в запале, и роняли пену, однако прибавить темп уже не могли. А по лесу разносился, приближаясь, крик:

— Бортэ! Где ты?!

Этот голос она узнала бы среди тысячи других. Какой сладкой музыкой он отзывался в её сердце!

А затем она увидела всадника в шлеме из буйволовой кожи, обшитом железными пластинами.

Всадника, звавшего её.

И, дёрнув за руку старую Хоахчин, она соскочила с возка. Рабыня грузно плюхнулась спиной в кучу разившей прелью сырой листвы; а Бортэ удержалась на ногах. Она подбежала к Тэмуджину.

— Жена моя! — вновь закричал он. — Отзовись, если ты жива!

Бортэ схватилась за повод его коня. И Тэмуджин уже занёс было меч для удара... Однако тотчас узнал её. Торопливо бросил меч в ножны и, склонившись, обнял:

— Бортэ, любимая! Наконец я тебя нашёл, хвала Вечному Небу!

Он жадно хватал ртом прохладный воздух ночи, и его грудь тяжело вздымалась.

— Тэмуджин, — прошептала она, крепко прижавшись щекой к его бедру. — Я знала, что ты не забудешь меня! Верила, что мы снова будем вместе!

Он спрыгнул с коня. Обнял Бортэ, приподнял её и закружил. А потом поставил наземь и, не выпуская из объятий, зашептал вновь обрётённой жене на ухо — горячо, прерывисто:

— Никто больше не сможет растоптать наше счастье! Никому тебя не отдам! Даже если придётся погибнуть! Пусть так, всё равно! Ничего подобного с нами больше не повторится! Каждый день я готов! Сражаться и умирать! За тебя! Никому не отдам!

Она, немного отстранившись, взяла его лицо в ладони:

— Не надо, не говори так. Если ты погибнешь, то и я с тобой, Тэмуджин. Мне без тебя белый свет не мил.

— Нет-нет, Бортэ, не бойся, этого не случится! Поверь, я уже не тот, что прежде! Теперь всё будет хорошо, милая, вот увидишь! Что бы ни произошло, я сумею тебя защитить!

По щекам обоих катились слёзы, и Тэмуджин думал о том, что отныне он должен будет крепко держать свою жизнь в узде. Крепко держать, железной рукою. Не только свою, но и жизнь Бортэ, и жизни своих родичей, и нукеров, и множества других людей. Только так, и никак иначе.

А сейчас Бортэ была рядом. Полная света и нерастроченных чувств, она вернулась к нему. И Тэмуджин увлёк её за собою — как можно скорее, нетерпеливо и неотвратно — подальше от людских глаз.

... Чильгир-Бoko был позабыт, словно его никогда не существовало на свете. Он ничего не значил в эти счастливые мгновения ни для Тэмуджина, ни для Бортэ.

Однако, вернувшись к стержню событий, мы увидели бы его мчавшимся на возке в растерянных чувствах и бешено изрыгающим ругательства. После чего Чильгир-Бoko, решившись наконец расстаться с награбленным имуществом, тоже спрыгнул наземь с возка — и пустился наутёк что было духу.

Звёзды равнодушно взирали на него сквозь оголённые кроны деревьев, а он, не поднимая головы, смотрел себе под ноги — боялся споткнуться. Боялся преследования. Боялся смерти. Верно говорят: жизни человека есть предел, а его страхам нет конца и края.

Его никто не преследовал, однако Чильгир-Бoko всё бежал и бежал, объятый тьмой и трепетом. Ночь стелилась ему под ноги, хлестала упругими ветвями по лицу, рассекала кожу — и кровь струилась по лбу, щекам и подбородку, смешиваясь с потом.

Звёзды постепенно тускнели, и луна близилась к завершению своего пути по небосводу, а он всё бежал, точно перепуганный заяц.

Плутая между стволами деревьев, с треском продираясь сквозь кусты и нагромождения валежника, Чильгир-Бoko мчался по лесу, не смея остановиться. От усталости он не чувствовал под собою ног; у него рябило в глазах и толчки пульса отдавались гулкими ударами в висках и затылке; но Чильгир-Бoko продолжал свой отчаянный бег до самого рассвета. А когда последние силы оставили его, он свалился на влажной от растаявшего снега травяной поляне — закрыл глаза и мгновенно уснул как убитый, ибо усталый сон не разбирает постели.

Жизнь беглеца была спасена.

Когда Чильгир-Бoko проснулся, звёзды давно попрятались в свои небесные норы, а солнце стояло в зените.

Он сел на сырой траве и кратковременно застыл в неподвижности — лишь беззвучно шевелил сухими губами, точно вышёптывая шаманское заклятие от пагубного морока. А затем встряхнул головой и поклялся себе никогда больше не вспоминать ни о Бортэ, холодной и злоязыкой, как ведьма-шулма и лиса-оборотень вместе взятые, ни о Тэмуджине, мстительном

и непобедимом, как чёрный мангус³⁷, которого не берут ни меч, ни пламя, и одолеть коего можно лишь прибегнув к волшебству.

Неподалёку журчал ручей. Чильгир-Бобо направился к нему: кряхтя, опустился на колени и долго омывал распухшее лицо студёной водой, черпая её сложенными «лодочкой» ладонями. Словно старался вместе с засохшей кровью смыть с себя весь ужас прошедшей ночи. Затем напился из ручья и, воздев очи горе, возблагодарил Вечное Синее Небо за дарованное ему спасение. Внезапно налетевший порыв ветра зашелестел в кронах деревьев, сбивая с них остатки жёлтой и багряной листвы, и в этом Чильгир усмотрел добрый знак: смертная тень не настигла его, миновала стороной, унеслась по ветру вместе с листвой чужих загубленных жизней, и более ничто ему не угрожало. Но всё же медлить в опасном месте не стоило. И Чильгир-Бобо пошёл на север, в страну Баргуджинскую³⁸. (Туда же, спустившись вниз вдоль течения Селенги, бежали Тохтоа-беки и Даир-Усун с небольшим числом соплеменников. Их долго гнали, рубили и забирали в плен. Немногим посчастливилось уцелеть после ночного побоища).

...А Хаатай-Дармале не повезло: его изловили и на аркане приволокли к Тэмуджину. Тот подъехал на коне к предводителю хаат-меркитов и плюнул ему в лицо. А потом распорядился:

— Наденьте кангу на шею этому псу и отведите его в наш нутуг. Пусть все увидят, какой позор ждёт любого, кто желает унижить меня.

Краток миг торжества, но столь сладок, что нельзя его сравнить более ни с чем в жизни воина!

Долго не возвращался Бельгудей, преследовавший врага во главе большого отряда тайджиутов. Он разыскивал свою мать, и чем дальше забирался в тайгу, тем большая злоба охватывала его. И эта злоба перерастала в отчаяние, ибо ему нигде не удавалось найти Сочихэл.

Наконец один из пленных меркитов указал Бельгудею аил³⁹, в котором находилась его мать. Там Сочихэл жила со своим новым мужем, которому она досталась после пленения. Бельгудей развернул свой отряд в указанном направлении и велел тайджиутам гнать во весь опор.

Времени на сборы у меркитов не было: побросав свои юрты и возы с добром, они бросились спасаться бегством.

— Ты можешь остаться, — обратился к Сочихэл её новый супруг, вскочив в седло. — Я ведь не знаю даже, удастся ли мне сохранить собственную голову на плечах.

— Нет, я не хочу оставаться, — решительно ответила она, тоже усаживаясь на коня. — Поеду с тобой, и будь что будет. Тэмуджин убил одного моего сына, а другой служит ему как преданный пёс. Теперь у меня нет никого, кроме тебя!

Они пустили коней вскачь — и едва успели скрыться в тайге, когда тайджиуты ворвались в аил.

Спешившись, Бельгудей обнажил меч. И — готовый зарубить любого, кто встанет у него на пути — заметался из юрты в юрту, разыскивая мать:

— Сочихэл-эке! — звал он. — Я пришёл за тобой!

Но ответом ему была тишина. Аил опустел. Нерешительно показались из юрт лишь несколько пожилых инджей и боголов, одетых а грязные обноски: спасая свои жизни, меркиты бросили их за ненадобностью... И — кто знает? — быть может, догнали в тайге мать-беглянку приглушённые расстоянием крики сына:

— Сочихэл-эке! Это я, Бельгудей! Если ты здесь, отзовись! Я всё равно отыщу тебя!

Но она не остановила коня, не повернула назад. Оставив за спиной прошлую жизнь, решительно отринув её, Сочихэл мчалась вслед за меркитами — в Баргуджинские края, в неве-

³⁷ Мангусы — мифические чудовища: огромные, змееподобные, многоголовые.

³⁸ Баргуджинская страна — район Саян и озера Байкал.

³⁹ Аил — кочевой двор.

домую даль. Чтобы больше никогда не видеть ни ненавистного Тэмуджина, ни его братьев, ни своего собственного сына, которого она считала предателем...

Не найдя Сочихэл, Бельгутей пришёл в бешенство. Некоторое время он ещё рыскал по тайге со своим отрядом, а затем оставил тщетные поиски. Вернулся к Тэмуджину и потребовал:

— Отдай мне пленных!

Тэмуджин пристально посмотрел ему в глаза:

— Где Сочихэл?

— Я не нашёл её! — выкрикнул Бельгутей. — Может, убили её, а может, забрали с собой!

Они должны за это поплатиться!

И Тэмуджин всё понял, кивнул:

— Меркиты твои. Делай с ними что хочешь.

Бельгутей велел казнить всех меркитских мужчин. И сам участвовал в затянувшейся надолго расправе, стреляя в пленных из лука.

Впрочем, человекоубийство не утешило его, и он ещё много дней после этого ходил мрачнее тучи...

Когда с расправой было покончено, Тэмуджин обвёл взглядом сотни окровавленных бездыханных тел и подумал о том, сколь странно устроен мир: ещё сегодня днём эти люди жили своими мелкими сиюмоментными заботами, своими разновеликими печальми и радостями, и вот — для каждого из них погасла последняя луна, и солнце уже никогда не взойдёт. Если б им было известно всё наперёд, то, возможно, они сражались бы намного отважнее, чтобы с честью уйти из жизни. Но меркиты поступили как трусы, они бежали, пытаясь спасти свои шкуры — однако что для них изменилось? Ничего. Встретили смерть, подобно стаду глупых баранов, уготованных для обильной праздничной трапезы.

А ведь не этого ожидал каждый. Не будет у них теперь ни умудрённой сединой продолжительной и благополучной старости с неторопливыми рассказами об удачных набегах на чужие улусы и прочих событиях минувших времён... ни уютных юрт, в которых так приятно греть старые кости, глядя в потрескивающее пламя очага и слушая, как завывает снаружи студёный зимний ветер... ни заботливых жён и наложниц, умеющих с полуслова угадывать любое желание властителя своей судьбы... ни многочисленных детей и внуков, в которых люди обычно находят отраду на исходе своих увядающих трав... Нет, ничего этого не будет у лежащих здесь меркитов.

Однако в душе Тэмуджина не теплилось ни единой искорки жалости к поверженным врагам. Ведь так ведётся исстари: одних вражда убивает, а других учит побеждать. И он испытывал чувство удовлетворения. Потому что долгожданная месть свершилась; но самое главное — ему удалось вернуть Бортэ. Любимая женщина, живая и невредимая, снова рядом с ним. Чего ещё он мог желать?

Впрочем, слишком многим меркитам удалось спастись бегством. Это неправильно... Ничего, когда-нибудь настанет их черёд — всех тех, кто сегодня выжил.

Воины Тэмуджина, Тогорила и Джамухи разбрелись далеко по округе — отлавливали меркитских лошадей, собирали оружие убитых, а если на павших в бою недругах были хорошие доспехи, то не гнушались ими.

Полонённых жён и детей вражьего племени Тэмуджин раздал своим багатурам.

— Сегодня я нашёл что искал, — сказал он. — Однако пусть не надеются меркиты, что родник их несчастий иссякнет. Впредь мы будем везде преследовать этот подлый народ, и наши уши останутся глухи к любым мольбам о пощаде. Их ждёт смерть, всех до единого.

— Возможно, в будущем так и произойдёт, однако сегодня-то нам за ними уже никак не угнаться, — благодушно посмеиваясь, покачал головой Тогорил. — Не думаю, чтобы они скоро опомнились от страха, который гонит их вперёд.

— Рано или поздно Рано или поздно Р они всё равно остановятся, — проговорил Тэмуджин упрямо, и в его глазах зажёгся холодный огонь беспощадной решимости. — Я не стану торопиться. Придёт время, когда меркитам надоест испуганно озираться по сторонам.

— Для этого должны миновать не одни травы.

— Ничего, пусть минуют. Я умею ждать.

— Это верно, — согласился Тогорил, вспомнив, что миновал довольно непродолжительный срок с той поры, когда его молодой союзник носил берёзовую кангу на шее и питался жалкими объедками в курене Таргутая Кирилтуха. — Ты уже успел доказать всем вокруг, сколь хорошо умеешь ждать подходящей возможности для мести. Вижу, характер моего анды передался его сыну: Есугей-багатур был так же отважен и безжалостен к своим врагам. Он говорил: «Нет никого опаснее, чем раненый зверь и недобитый противник. Если обнажил против кого-либо меч, надо идти до конца, обязательно разить насмерть. В противном случае сам неминуемо падёшь от руки того, кого пощадил»... Да, таковы были слова Есугея. Если б он дожил до этого дня, то его сердце — как сейчас моё — переполняла бы гордость за тебя, Тэмуджин.

...В обезлюдевшем меркитском кочевье осталось много брошенных детей: у одних родители погибли, другие же попросту потерялись в суматохе бегства. Среди них Тэмуджин приметил заплаканного мальчугана лет пяти — судя по всему, сына знатного нойона: тот был в шубке из белёных обрезков соболиных шкур, в сапожках из маральих лапок и в собольей шапочке... Едва он увидел малыша — тотчас вспомнил, как Оэлун-эке жаловалась на одиночество:

— Вы, детки мои, повыврастали, а мужа нет у меня, да и стара уже я, не могу родить себе ребёночка. А как бы хотелось маленького! Если б здесь топали детские ножки — не было бы так тоскливо сидеть в юрте со старухой Хоахчин, когда вы все уезжаете.

Вспомнив эту жалобу Оэлун, Тэмуджин подъехал к мальчугану:

— Как тебя зовут?

— Кучу, — ответил тот, утирая слёзы рукавом шубки.

— Где твои родители?

— Их убили.

— Видно, такая уж тебе выпала доля, ничего не поделаешь. Не зря говорят: за молнией следует гром, за громом — дождь. Ход вещей не изменишь. Хочешь, я заберу тебя с собой?

— Нет! — по лицу мальчика снова потекли слёзы. — Я хочу, чтобы мать и отец были живы! Чтобы всё стало как раньше! А если ты сделаешь меня своим боголом, то я вырасту и всё равно убегу!

— Не в моих силах вернуть тебе отца и мать. Но ты не будешь моим боголомом, обещаю. Я отвезу тебя в юрту к одной доброй старой женщине, и она станет заботиться о тебе, как о родном сыне.

Когда Тэмуджин привёз маленького Кучу домой и подарил его матери, радость Оэлун превзошла все его ожидания:

— Само Вечное Небо послало его тебе! — воскликнула она, прижав к груди ребёнка. — Разве может что-нибудь скрасить закат жизни бедной вдове лучше, чем такой вот малыш? Я буду заботиться о сиротке, как если бы он вышел из моего собственного лона.

— Что ж, значит, у меня будет ещё один брат, — улыбнулся Тэмуджин, довольный, что угодил матери. — А когда он вырастет — дам ему коня, лук и меч. Станет Кучу настоящим багатуром, будет водить в бой моих воинов.

Он склонился к мальчику:

— Хочешь стать багатуром?

Глазёнки у Кучу разгорелись:

— Хочу! Дай мне лук и меч!

Тэмуджин потрепал его по волосам:

— Хорошо, сегодня же получишь аланггир номун⁴⁰ и стрелы-годоли⁴¹. Ну, а меч я тебе дам позже.

— Когда?

— Когда немного подрастёшь. Ничего, не торопись, время пролетит быстро. Тебя впереди ждёт много славных дел.

Так появился ещё один член в семье Борджигинов. Оэлун стала для маленького Кучу настоящей матерью, не делая различия между ним и своими родными сыновьями. К слову, вскоре многие знатные соплеменницы Оэлун стали брать с неё пример, принимая в свои семьи детей, осиротевших в результате войн с соседями.

После разгрома меркитов хан Тогорил вернулся в свою ставку. А Тэмуджин и Джамуха, проехав осенней степью, покрытой ноздреватыми языками подтаивавшего снега, остановились у подножия горы Хулдахаркун. Здесь они решили подтвердить своё мальчишеское побратимство и устроили пир. Вновь, как в детстве, обменялись подарками. Джамуха подвёл Тэмуджину захваченного у врага коня по кличке Эбертуунгун⁴² и вручил ему золотой пояс. Тэмуджин также опоясал своего анду трофейным золотым поясом и подарил ему Эсхель-халиун⁴³, личную кобылу посрамлённого меркитского хана Тохтоа-беки.

Были пляски и состязания, воины веселились, заодно с побратимством своих предводителей отмечая и победу над меркитами. Тэмуджин пил много архи, и Джамуха от него не отставал. Оба изрядно захмелели и до глубокой ночи пели песни вместе со своими багатурами. А потом легли спать под одним одеялом.

— Давай отныне кочевать вместе, — предложил Джамуха.

— Давай, — согласился Тэмуджин.

— Не зря говорят, что разделившиеся братья спустя год становятся просто соседями, а объединившиеся соседи скоро превращаются в братьев.

— А мы с тобой не просто братья, мы — анды. Теперь наши народы всегда будут защищать друг друга.

С тех пор как Тэмуджин и Джамуха решили кочевать вместе, они разбили свои курени поблизости друг от друга.

Надвигалась зима. Тихо и неприметно сменялись протяжные дни, полные мира и согласия. И Тэмуджину уже стало казаться, что так будет всегда. Что суровые испытания и превратности судьбы, которые остались за спиной, уже никогда не вернуться, не потревожат, не ударят исподтишка. Что впереди ждут долгие годы благословенного спокойствия — без коварства и зла, без незаслуженных обид и унижений, без предательства соплеменников и вражьих посягательств. Что изжита вся пагуба, отпущенная на его долю, и ветер горестных невзгод больше не налетит из степи, дабы перевернуть вверх тормашками устоявшийся уклад и разметать по белому свету угли из очага Борджигинов.

⁴⁰ Аланггир номун — небольшой, сравнительно слабый лук.

⁴¹ Годоли — тупая костяная стрела или стрела-свистунок.

⁴² Эбертуунгун — рогатый жеребчик.

⁴³ Эсхель-халиун — выдра.

Бортэ была рядом с Тэмуджином, и ему больше ничего не требовалось. Поистине разлука для любви — как ветер для огня: малое чувство она способна погасить, а большое раздувает до небес. Так день за днём разгоралась и любовь Тэмуджина к Бортэ.

Но вскоре на него обрушилась новая беда. Грянула как гром среди ясного неба и пришибла к земле.

Однажды ночью, когда они с Бортэ остались вдвоём в своей юрте, и Тэмуджин принялся гладить её тугое и тёплое тело, ощущая нараставшее желание и предвкушая сладкий миг соединения, его жена вдруг залилась слезами и призналась, что ждёт ребёнка.

Её обрюхатил поганый Чильгир-Боко!

Возможно ли было услышать весть хуже этой? Даже когда меркиты отняли у него Бортэ, Тэмуджин мог действовать, бороться, у него оставалась надежда, что он сумеет вызволить её из неволи. Теперь же никакой надежды не было. Его жена возвращает в своём чреве вражье семя — и он не в силах воспрепятствовать этому. Не такого исхода ожидал Тэмуджин, когда вызволял её из меркитской неволи.

Окружающие предметы плыли перед ним, как в тумане. Стиснув челюсти, с лицом, похожим на застывшую маску, он торопливо оделся. Вышел из юрты и, оседлав коня, поскакал в степь. Всё быстрее и быстрее, куда глаза глядят. Холод пробирал его до костей; потоки встречного воздуха колюче били в лицо и шевелили волосы. Вскоре Тэмуджин уже мчался во весь опор, низко пригнувшись к конской гриве, точно старался оторваться от погони неумолимых дум. Однако это не приводило к утешительному результату.

Прежде многое в его жизни казалось непрочным, шатким, переменчивым; не каждый сумел бы приноровиться к подобному положению вещей, но Тэмуджин считал, что ему это удалось, ведь он не чета другим, он лучше, сильнее, упорнее обычных людей — как тех, кто вставал у него на пути, так и тех, кто ему сопутствовал. Да, так он считал до последнего момента, когда Бортэ призналась ему в своей беременности. А теперь мир рухнул.

Надо было принять какое-то решение, но в голове царил полный сумбур, не позволяя этого сделать.

Гулко отзываясь на удары копыт, охала стылая земля. Тэмуджин скакал навстречу ночи, до самого её края, за которым занимался неприветливый рассвет, и первые лучи пробуждавшегося в нижнем мире солнца постепенно разжижали стылую мглу... Под пламенеющими облаками всё не останавливался он, всё продолжал мчаться, словно тщился обогнать собственную тень. Багровая пелена ревности застилала ему глаза, и мир, погружённый в кровавый туман, пульсировал в такт учащённым ударам сердца; Тэмуджин словно скользил по гибельному лабиринту, не имея ни сил, ни возможности остановиться — он не чувствовал собственного веса и скользил, скользил, скользил, безвозвратно проваливаясь в клочущее чрево безумия.

Все его старания ускакать, спастись от мучительных душевных терзаний были напрасны. Спасения не существовало.

Глава четвёртая. Сила тянется к силе

*И ровное поле
Овеяло прихлылым ветром,
И крепкие всходы
уже набухают новью.
Тао Юань-Мин
Лишь тот, кто имеет силу, может давать её другим.
Лао-цзы*

По мере того как рос живот Бортэ, Тэмуджин делался всё мрачнее.

В его сердце поселились горечь и смятение, коих он был не в силах превозмочь. Ему чудилось, что повсюду он ловит на себе косые взгляды соплеменников. В каждом слове, обращённом к нему, Тэмуджин выискивал скрытую насмешку.

Почему с ним случилась эта беда? За что Великий Тэнгри послал ему такое испытание? Неужели мало страданий и унижений претерпел он в своей жизни?

Если б ему родиться в другие, более спокойные времена, в другом месте! И встретить не Бортэ, а другую женщину! Да, тогда у него всё могло бы сложиться иначе, и он не испытывал бы столь жестоких мук. Думать об этом было невыносимо. Но ведь без Бортэ он не представлял своего существования — ни до сего дня, ни теперь. И её любовь искрилась незамутнённой чистотой, как вода в роднике! Да, то, что было между ними в прошлом, не бросить наземь и не упрятать в котомку. Значит, придётся выпить до дна отравленную чашу меркитского поругания.

— Человек слаб, ему не одолеть судьбы, ниспосланной свыше, — тихо приговаривал Тэмуджин, глядя на располневшую жену. — Овца покорна своему пастуху, а не хозяину. Вот такие дела происходят на свете... Опоздал я, ох опоздал.

Всё больше времени проводил он в своей юрте, выходя из неё только по крайней необходимости. Всё чаще — отрывистыми фразами, будто распоряжался о наказании провинившегося нукеру — приказывал Бортэ принести кувшин с архи.

Нет, он ни разу не поднял на неё руку и никогда не оскорбил бранным словом бедную Бортэ. Разве она была повинна в том, что подневольно исполнила предназначение, заложенное в неё женской природой? Ведь это он, Тэмуджин, вместо того чтобы принять смерть от меркитского меча, защищая свой нутуг и своих женщин — жену и мать, — трусливо бежал на Бурхан-Халдун и спрятался за спасительной стеной непроходимой лесной чащи. Если на лошади, выкраденной из табуна, скачет чужой человек, винить в этом её хозяин должен самого себя, раз не сумел воспрепятствовать воровству. Только себя, но никак не лошадь.

Да, это он, малодушно сохраняя свою жизнь, отдал любимую Бортэ в лапы ненавистных меркитов!

Зато теперь ему бежать некуда. Ни одна — даже самая высокая — гора и никакая — даже самая густая — чащоба не смогут укрыть его от позора, не спасут от ненависти и презрения к самому себе. Верно говорят: упущенных возможностей не поймать самым длинным арканом. И ещё говорят: обиду злобой не успокоишь, огня маслом не погасишь.

Воин — в победоносном походе или в удачном набеге — волен подостлать под себя любую женщину из поверженного племени, это его неотъемное право и справедливая награда за удачу и отвагу; подобное повторялось всегда, из года в год, из поколения в поколение. Ещё недавно разве мог представить Тэмуджин, что его постигнет участь побеждённого и униженного? Нет, не мог! Так уж устроен род человеческий: каждый надеется, что беда минует его стороной.

О если б знать всё наперёд!

Тэмуджин понимал, что бесполезно терзаться запоздалым раскаянием. И что его ревность несправедлива. И тем более знал он, что свершившегося не изменить, не исправить, ибо никому ещё не удалось повернуть время вспять и выкорчевать корни грядущих несчастий.

Однако он не мог ничего с собой поделать. Во всём, что произошло с ним и Бортэ, ему чудился какой-то чудовищный обман. Словно кто-то напустил на него наваждение, от которого не избавиться, не спастись до конца жизни.

Иногда Тэмуджин пытался представить, как это было у неё с Чильгиром: прыгающие мужские ягодицы над широко распахнутыми из-под них белыми ногами Бортэ... её закушенная от наслаждения нижняя губа, так она часто делает, когда не в силах скрыть удовольствия... два жарких дыхания, которые, слившись воедино, всё учащаются, учащаются, учащаются... а затем — стоны... О-о-о-о-о, эти стоны страсти, выплёскивающиеся до самого неба! Как хорошо он знал их! Как явственно и непоправимо они сверлили его измученный слух!

До чего же ему было тягостно, мучительно, нестерпимо представлять всё это! Настолько тягостно и настолько нестерпимо, что липкий тошнотворный ком подкатывал к горлу и до судороги, до боли в зубах сводило скулы.

В подобные минуты Тэмуджину действительно хотелось ударить Бортэ. Но он одёргивал себя и, сжав кулаки, шептал — полуосмысленно и почти неслышно, с безумным блеском в глазах:

— Она ни в чём не виновата, ни в чём не виновата! Не я ли говорил ей, что мы подходим друг другу, как подходит крышка к кувшину, как стрела подходит к колчану и лук — к саадаку? Но это ведь я не сумел оградить её и себя от несчастья! Значит, во всём случившемся повинен только я и никто больше!

И, притянув Бортэ к себе, валил её на войлочную постель, принимался срывать с неё одежду.

— Глубокое озеро может замутить разве только целый табун, — выдыхал ей в лицо, — а от купания одного жалкого одра водоём не замутится, верно?

И с воинственной бесцеремонностью, точно желая наказать жену за невольную измену, входил в её горячее лоно. Перед глазами Тэмуджина плыла багровая пелена. А Бортэ испуганно смотрела на него во все глаза и стонала, закусив губу; иногда она вскрикивала от слишком резких толчков, но не смела противиться...

Потом же, утолив страсть, Тэмуджин шептал ей нечто горячее, невразумительное (самому себе страшно признаться в желании помочь ей избавиться от плода — и тогда, если всё разрешится само собой, он постарается забыть об этом проклятом ребёнке, и ни единым словом больше её ни в чём не упрекнёт). Да, он шептал и шептал ей какие-то слова — плохо отдавал себе отчёт в смысле того, что говорит, но всё-таки сочувствие шевелилось в нём, и он пытался утешить Бортэ; а по её щекам катились слёзы. До тех пор, пока она, обессиленная, не засыпала, прижавшись к мужу под овчинным покрывалом и продолжая иногда всхлипывать во сне.

А к нему сон не шёл.

В прежнее время ночь неизменно приносила ему тишину, покой и долгомерные караваны цветных сновидений. Теперь же не было ничего, кроме тишины. Покой и сновидения покинули Тэмуджина. Отныне ночи стали его проклятием. «Где теперь Чильгир-Бобо, что с ним случилось? — думалось ему — Погиб и остался на корм зверям там, на краю степи Буур-Кеере? Или сумел спастись, укрывшись в лесной чащобе? Если он жив, то я должен найти его и отомстить. Однако люди меня не поймут и не пойдут на меркитов, если я не открою им цели нового похода. А я ни за что не открою им всей правды! Это должно остаться тайной — что Бортэ носит под сердцем меркитского ублюдка! Тем более ведь судьба Чильгир-Бобо мне самому неизвестна...»

Тэмуджин ворочался с боку на бок, чувствуя себя униженным и опустошённым, и не мог избавиться от непокоя. Поистине трудно придумать пытку мучительнее, чем подобная борьба с самим собой, опутанным паутиной тягостных дум и мстительных помыслов!

Порой он поднимал взгляд к дымнику юрты, к этой незарастающей ране Вечного Неба, и шевелил губами в беззвучной мольбе: «Великий Тэнгри, дай мне знак, подскажи, что делать. Как я должен поступить с ребёнком Бортэ?»

Однако горный мир оставался глух к терзаниям Тэмуджина.

Бортэ так и не выкинула плод. День ото дня её живот продолжал расти.

Ребёнок появился на свет худеньким, краснолицым и крикливым. Это был мальчик с чёрными, слегка раскосыми глазами и редкими тёмными волосёнками — совсем не такой, как все Борджины.

Когда у Бортэ начались схватки, Тэмуджин не выдержал: собрал нукеров и уехал на охоту. Вернулся только на следующий день. У порога юрты его встречала Оэлун-эке.

— Мальчик родился, — робко, будто чувствуя себя в чём-то виноватой, сказала мать.

— Как Бортэ? — спросил он.

— Измучилась она. Сейчас спит.

— Вот и хорошо, пускай спит, — Тэмуджин развернулся и пошёл прочь от юрты.

Оэлун засемила следом, не отставая. Несколько томительных мгновений хранила молчание, шурясь навстречу солнцу. Потом, не утерпев, забежала немного вперёд, тронула сына за рукав и встревоженно заглянула ему в лицо:

— Что ты теперь будешь делать?

— Как что? — зло ответил он. — Праздновать буду!

И возвысил голос — так, чтобы слышали все вокруг:

— Бортэ-учжин попала в полон к меркитам, когда уже носила под сердцем моего сына. И вот, хвала Вечному Небу, у меня родился первенец! Собирайте пир!

— Пир — это хорошо, — тревога в голосе Оэлун сменилась радостью. — А как ты его назовёшь?

— Назову? — Тэмуджин, сбавив шаг, опустил взгляд. Затем криво усмехнулся:

— Много незваных пришельцев являлось ко мне, и вот — ещё один, новый гость, которого не ждал. Так пусть и будет у него имя — Джучи⁴⁴.

Он быстро взял себя в руки и более не выказывал признаков душевного смятения. Понимал, что в эти мгновения на него обращены взоры десятков близких и дальних родичей и множества нукеров.

Человек нежнее цветка и прочнее камня, он многое способен вынести. А если непрерывно расчёсывать язву, она со временем превратится в незаживающую рану... Разве имелся у него выбор?

Принять свою судьбу — ту, которая уготована Вечным Синим Небом. Ничего иного ему не оставалось. Он воспитает чужого сына как своего; с годами воспоминания о пребывании Бортэ в неволе отойдут в прошлое, и никто из соплеменников не посмеет связывать рождение Джучи с меркитским пленом его матери. А Тэмуджин позаботится о том, чтобы людям не помыслилось усомниться в его отцовстве. Известное дело, куда правит возница, туда и катятся колёса кибитки.

...Между тем досада ещё долго раздирала его нутро обжигающе-острыми когтями. Как ни старался Тэмуджин её задавить, отвлекаясь разными мелочами, нарочно придумывая себе каждый день множество пустяковых, подчас совершенно ненужных дел и хлопот, она всё скреблась изнутри, не находя выхода, всё зудела и не желала успокаиваться.

⁴⁴ Джучи — по-монгольски означает «новый гость».

С той поры прочно поселилась в нём эта досада. Тэмуджин свыкся с ней, задвинул её в дальнюю щель памяти, туда, где живут мертвецы и нерождённые дети; но даже спустя много трав она нет-нет и вырывалась наружу, и тогда у него начинало тоскливо ныть сердце... Наверное, каждому есть что скрывать в прошлом — такое, без чего было бы намного легче жить. Тэмуджин признавал: тайная рана будет напоминать о себе до самой его кончины, то зарубцовываясь, то вновь открываясь и кровоточа. И никто не был в силах ему помочь, ибо каждый сражается со своими демонами в одиночку.

Время неприметно, как вода сквозь пальцы, просачивалось сквозь будничные дела и заботы; а судьба — уже помимо воли Тэмуджина — вела его к новым свершениям. По степи быстро разнеслась весть о том, что он, сумев собрать в могучий кулак несколько племён, разгромил меркитов. Кому подобное по плечу, если не могучему и неустрашимому воину? Тэмуджин не просто заработал авторитет удачливого предводителя орды дерзких юнцов — теперь многие монголы поверили в его великое предназначение. И к наследнику славы доблестного Есугея из всех айлов потянулись самые лихие наездники и рубаки, предвкушая новые, ещё более громкие и победоносные походы.

Сила тянется к силе.

Сила подталкивает силу.

Всё больше людских судеб вплеталось в поводья, которые крепко удерживал в руках Тэмуджин. Стали уходить и джаджираты от Джамухи. Его лучшие багатуры! Джамуха гневался, однако не мог воспрепятствовать своим соплеменникам кочевать с кем угодно и куда угодно — ведь это не рабы и не скот, у них нет хозяина.

— Разве анды так поступают? — не раз возмущался Джамуха в кругу своих нойонов. — Быстро же переменилась погода в голове у Тэмуджина! Напрасно я поддержал его в усобице с меркитами. Напрасно не верил людям, говорившим, что он не гнушается подбирать чужое. Теперь вижу: так оно и есть. Бегут воины из чужих улусов — он их принимает. Принесла ему жена меркитское дитя — тоже взял как своего! Говорят, он советуется с Бортэ обо всех своих делах, хотя каждому известно, что женский ум короче лягушиного хвоста. Видно, околдовала она его, из-за этого поглупел Тэмуджин и стал совершать дурные поступки. Зачем мне такой анда?

Злые слова Джамухи верные нукеры передали Тэмуджину, и он, в свою очередь, страшно рассердился:

— Никто не смеет меня так оскорблять!

— Джамуха из тех людей, кому всё скоро приедается, — сказала Бортэ. — Видать, дружба с нами надоела твоему анде.

— Это я уже понял. Раньше, когда я бедствовал, многие тайджиуты откочевали к нему. А теперь не только тайджиуты возвращаются, но и некоторые из джаджиратов уходят ко мне, вот Джамуха и бесится.

— Раз так, не лучше ли откочевать прочь от его улуса, пока не дошло до кровопролития?

— Так и сделаем, — согласился Тэмуджин. — Джаджиратов под рукой анды много, нам пока с ним не справиться. Да и осудят меня люди, если я подниму оружие на побратима. Что слова Джамухи? Их в мешок не положишь — ветер унёс, и не осталось следа.

— У хулы длинный язык, но короткие ноги, — успокаивающим тоном заверила его Бортэ. — В степи она нас не догонит.

— И всё же я не забуду анде его хулы. Клянусь: Джамуха ещё пожалеет о том, что посмел попать узы дружбы и побратимства.

После этих слов он покинул юрту, чтобы отдать распоряжения своим людям относительно предстоявших сборов в дорогу.

Так шестнадцатого числа, в день полнолуния первого летнего месяца, прожив в мире и согласии с джаджиратами один год и половину другого, Тэмуджин отделился от Джамухи и увёл свой улус прочь.

Полдня и всю ночь ехали без сна и отдыха. К тайджиутским кочевьям приблизились в предрассветную пору, когда, подобные призракным всполохам, первые блуждающие пятна лазури стали проявляться на тёмной кошке далёкого небосвода. К этому времени нешуточно перепугавшийся Таргутаи Кирилтух успел кружным путём увести племя в сторону Джамухи — чтобы просить у него защиты.

В одном из покинутых тайджиутских аилов подобрали потерявшегося в спешке маленького мальчика по имени Кокочу:

— Я возьму его себе, — обрадовалась Оэлун. — Пусть растёт вместе с Кучу, вдвоём им будет веселее!

— Бери, — усмехнулся Тэмуджин. — Появится у меня ещё один братец.

Так стало в семье Борджигинов двое приёмных.

Нешуточная новость в считанные дни разлетелась по степи: отныне Тэмуджин и Джамуха — каждый сам по себе.

Чем больше выбор, тем шире возможности. По крайней мере, так обычно представляется ищущим выбора.

После разрыва с Джамухой словно плотину прорвало: день ото дня присоединялись к Тэмуджину всё новые и новые люди. Приходили и в одиночку, и семьями. Знатные нойоны являлись с большим количеством народа и разбивали собственные курени в стремительно разраставшемся улусе тэмуджиновом.

Привели своих людей потомки многих ханских родов: Алтан-отчигин, сын Хутула-хана, Хучар-беки, сын Некун-тайджи, Сача-беки и Тайчу, сыновья Соорхату-Чжурки, Хунан из Генигесского рода. Много тайджиутов привёл Даритай-отчигин, родной дядя Тэмуджина, некогда вместе с другими тайджиутами-отступниками бросивший его семью и ушедший к Таргутаю Кирилтуху. Тэмуджин, предав забвению старые обиды, принимал всех под свою руку. Он помнил народную мудрость, которая гласит: «сделай довольными тех, кто близко, и дальние придут к тебе». И его улус продолжал быстро набирать силу.

Мало кто из людей знает правильную меру, с которой следует подходить к себе, особенно в начале пути. Иногда Тэмуджин задумывался об этом; однако он уже не мог остановиться, как не имеет возможности хоть на мгновение задержаться в полёте стрела, выпущенная из лука и неукротимо стремящаяся к цели. Он двигался вперёд, к власти и ещё большей силе, чем прежде; он восходил навстречу судьбе и не помышлял об остановке. Ибо его притязания были велики.

И настал день, когда знатные родовичи съехались на курултай в урочище Хара-Чжуркену, подле реки Сангур, и единодушно избрали Тэмуджина своим ханом. На белом войлоке подняли его перед толпой собравшихся воинов. И все поклялись ему в верности.

С этого дня он получил новое имя — Чингис⁴⁵.

И стали его звать Чингис-ханом.

Говорят, что наделённый новым именем получает в руки новую судьбу. Надо только уметь ею правильно распорядиться.

⁴⁵ Чингис — вероятнее всего, слово произошло от древнемонгольского «тэнгис» (море) и, следовательно, означает нечто вроде «безграничный, как море». Впрочем, некоторые учёные выводят его из китайского «чжэнь» — верный, истинный, то есть «подлинный хан». Третьи видят в нем ойратское «чингис» — крепкий, сильный.

Ханский титул не только давал власть вкупе со всеми присущими ей благами, но и ко многому обязывал.

На первых порах после возвысившего его курултая Тэмуджин, ставший Чингисом, часто вспоминал одну сказку, которую ему в детстве рассказывала Оэлун-эке.

...В древние времена жил-поживал старый шаман-чудодей. Однажды жадный и жестокий хан призвал его к себе и говорит:

— Хочу посмотреть на твоё шаманское искусство. Покажи мне какое-нибудь чудо.

— Вот так, спроста, и сразу чудо тебе подавай, хан? Что же ты желаешь узреть?

— Ну не знаю... Сотвори нечто такое, что развеяло бы мою скуку и взяло за душу. Такое, что проняло бы меня как следует и заставило призадуматься. Можешь?

— Могу, почему же нет. Выйди из своей юрты — и узришь желаемое.

Хан откинул полог и, выйдя из юрты, увидел каурого красавца; конь понравился хану — он, не задумываясь, вскочил в седло и помчался вскачь, обгоняя ветер. Ехал-ехал и очутился в незнакомых местах. Вдруг каурый заржал, взвился на дыбы и, сбросив седока, умчался прочь, а хан остался один-одинёшенек в безлюдной степи. Нечего сделать, пришлось ему утолять жажду водицей из луж, есть кузнечиков да саранчу. Брёл хан по степи, шатаясь от голода и усталости, да всё высматривал, чем бы подкрепиться.

И вдруг ему повстречалась женщина, которая вела за руку маленького худого мальчика. Она рассказала, что всё имущество у неё отняли ханские нукеры, и теперь ребёнку нечего есть. Хан кое-как построил убогую юрту и стал жить вместе с этой женщиной и её ребёнком. Охотой и собирательством перебивались, и этого им казалось довольно. Но как-то раз мальчик застудился и умер. Хан успел привязаться к ребёнку, потому жалел его, как родного сына. Похоронил он мальчика; а потом сел на могильный бугорок и горько заплакал.

Неведомо, сколько времени он так сидел. А когда, успокоившись, огляделся по сторонам, то узрел, что сидит у себя в юрте, а напротив него — шаман.

— Ну как, нагледелся на людское горе, хан? — спросил старый чудодей — Теперь будешь знать, до чего тяжко живётся людям, которых обируют жадные и злые ханы.

...Вспоминая эту материнскую сказку, Чингис спрашивал себя: способен ли он править так, чтобы в его улусе не было обездоленных? Возможно ли подобное вообще? О, он всей душой стремился к справедливому правлению! Однако что-то подсказывало свежее испечённому хану: каждого сермягу-харачу⁴⁶ не убоготишь, всех подряд не облагодетельствуешь. При любом положении дел останутся недовольные — пусть их окажется совсем невеликое число, но они непременно будут. А ещё — нет правителей без врагов и недоброжелателей, коим уж точно нельзя давать спуска, ибо такие поблажки могут стоить ему не только власти, но и самой жизни.

Тяжёлые времена взросления научили его многому после того, как миновала пора детских сказок.

Узнав об избрании Чингис-хана от его посланцев, хан Тогорил сказал:

— Это справедливо, что люди посадили на ханство сына моего Тэмуджина. Пусть же монголы отныне никогда не разрушают своего согласия, не развязывают узла единоплебия, не обрезают собственного ворота!

Христианин, как и все кераиты, Тогорил желал мира и спокойствия в степи. Самому ему уже почти ничего не требовалось от жизни. Годы хана клонились к закату, он был умудрён потерями и обретениями, хитёр, как битая лисица, и умел скрывать свои истинные мысли за стадами благоприятных фраз. Но разве кто-нибудь возьмётся утверждать, что человеку — даже самому искушённому — не свойственно хотя бы иногда верить собственным словам?

⁴⁶ Харачу — монгольская беднота, рядовые пастухи.

Во всяком случае, Тогорил определённо верил тому, что говорил в ближнем кругу о названном сыне.

Совсем по-иному откликнулся на внезапную новость Джамуха.

— Так вот почему анда отложился от меня, — процедил он, потемнев лицом от негодования. — Пожелал стать ханом, значит. Мало было гордецу того, что имел — не удовольствовался достигнутым, решил возвыситься до небес надо всеми. Что ж, посмотрим, как станут блюсти ему верность нукеры, бросившие родные нутуги ради жирного куска.

Он был уязвлён тем, что улус анды продолжал разрастаться за счёт съезжавшихся отовсюду искателей нового счастья под рукой молодого правителя. Особенно обидным казалось то, что всё большим числом уходили джаджираты от Джамухи: выдавались дни, когда сразу несколько семей разбирали юрты, грузили их на кибитки вместе с нажитым скарбом и покидали соплеменников, уводя к Чингис-хану своих лошадей и прочий скот.

Не только Джамуха, но и его младший брат Тайчар был на не шутку встревожен этим нараставшим исходом.

— У нас становится всё меньше людей, — сокрушался он. — Так дальше не может продолжаться. Ты должен что-нибудь сделать, чтобы остановить их.

— Но они ведь не боголы, — возражал старший брат. — Вольным людям никто не вправе запретить кочевать с кем угодно и выбирать себе хана по душе.

— В таком случае, ты должен поговорить с андой.

— И что же я, по-твоему, могу ему сказать? Попросить, чтобы он не принимал под своё начало джаджиратов?

— Может, и так. Только не просить надо, а требовать. Иначе чего стоят его заверения в дружбе? У лжеца была одна правда, и ту собака утащила — вот как говорят о таких людях, как он!

— И всё же, Тайчар, думаю, ты неправ.

— Тогда поговори с ним!

— Ну как ты себе это представляешь? Неужели анда станет гнать прочь тех, кто явится к нему? Никто не поступает подобным образом, и он не станет. К тому же его улус пока не больше нашего и ничем нам не угрожает.

— Это до поры до времени, Джамуха. Даже огромная гора собирается из малых камешков. А уж потом и угроза не заставит себя ждать, да только уладить дело добром уже не получится. Хоть и говорят, что надо десять раз проверить, прежде чем усомниться в человеке, но с Тэмуджином-то давно всё ясно. Если сейчас не осадить его — дойдёт до усобицы, попомнишь мои слова.

— Всё равно разговаривать с андой не имеет смысла. Он не перестанет оставлять у себя перемётчиков, будь то джаджираты или кто иной. Мы ведь тоже никогда не отказывались принимать чужаков, явившихся к нам из других улусов.

— Да в том-то и дело, что к нам уже давно никто не приходит, и ты сам это прекрасно знаешь. Раньше приходили, а теперь — нет. Все только покидают наш стан, все отправляются к Тэмуджину. Да ещё уводят своих лошадей и коров, и овец, и коз, а как же! Ну подумай, к чему всё это приведёт? Этак от нашего войска и от наших стад и табунов скоро останется половина того, что было прежде. А потом вообще ничего не останется!

— Знаешь, мне и самому очень не нравится происходящее, но я пока не могу придумать, как поступить. Предоставим дело времени: иногда всё налаживается само собой — может, и сейчас наладится.

Так сказал Джамуха, желая успокоить Тайчара. Однако раздражение и злоба копились в сердцах братьев, разрастаясь, не давая покоя; и постепенно обоим становилось ясно, что ничем хорошим это не кончится.

Так оно и вышло.

Время торопилось, летело вскачь, стремясь к неизбежному и ожидаемому. И вскоре между Джамухой и Чингис-ханом разразилась война.

Большие напасти порой обрушиваются на людей по причинам несоразмерным и случайным. На сей раз неожиданное бедствие пришло в степь из-за того, что Тайчар под покровом ночи попытался угнать табун лошадей, пасшихся вблизи одного из куреней Чингис-хана. Табунщик, бросившийся в погоню за похитителем, пустил в него стрелу — и, угодив Тайчару в спину, поразил того насмерть.

После этого уже ничто не могло остановить Джамуху. Смертельная обида, желание мести и жгучая ненависть разгорелись в его сердце — так занимается пламенем сухой валежник под порывами ветра.

Не медля более ни дня, Джамуха наказал своим нукерам собираться в поход.

К джаджиратам присоединились тайджиуты Таргутая Кирилтуха, а также племена уруудов и мангудов — и Джамуха повёл объединённое войско навстречу Чингис-хану, который в это время уже искал удобное место для битвы.

Две конные орды — по три тумена с каждой стороны — сшиблись у подножия гор, в урочище Далан-бальджиут: там, откуда начинается своё течение река Онон.

Звенела сталь мечей, с треском ломались копья, глухо ударялись друг о друга обшитые кожей щиты. Раненые и убитые валились из сёдел, спотыкались и падали кони. Многоцветье мира поблекло и утонуло в красном.

Чингис-хана крутило и швыряло в кровавом водовороте. Перед ним мелькали ощеренные в крике лица врагов и взмыленные конские морды. Он уклонялся от ударов и отбивал их щитом; снова уклонялся и отбивал удары — и рубил, рубил, рубил направо и налево, не зная устали; а груды бездыханных тел вокруг него громоздились всё выше.

Жажда убийства заслонила собой всё на свете, даже страх смерти утонул в багровой пелене остервенения. О, эта сладкая, неповторимая, безумная музыка боя! Она завораживала и вела людей за собой, устремляя их к гибельным пределам — и очень многим в этот день было суждено перешагнуть черту, за которой навсегда исчезает солнечный свет.

Наконец наступил перелом в сражении: войско Чингис-хана дрогнуло и покатилося вспять. Казалось, ещё немного — и поражение неминуемо. Но отступающие, прижатые к горному массиву, вдруг развернули коней — и лавина всадников шумным серым потоком стала втягиваться в узкое Дзереново ущелье. А преследователей, которые в опьянении боевого азарта и казавшегося близким успеха попытались было сунуться следом за ними, встретил шквал стрел — и вскоре перед входом в ущелье образовался барьер из человеческих и лошадиных трупов.

Джаджираты и их союзники, не в силах преодолеть этот страшный — стонущий и хрипящий, и кровоточащий, и не перестающий шевелиться — барьер, споткнулись, осыпались и откатились от него, теряя на скаку сражённых стрелами воинов.

Но Джамуха был не готов принять реальность и смириться с утерянной возможностью расправы над андой-соперником. Он продолжал жаждать крови, потому вновь собрал своё изрядно потрепанное войско и объявил:

— Негоже пятиться на пути к победе, когда она уже так близко. Если не разбить голову змее, будет мало пользы от того, что пришибёшь ей хвост. Ещё одно усилие — и вы прорвётесь! Вперёд! Убейте их всех!

И джаджираты, обнажив клинки, бросились в повторную атаку. К ним присоединились тайджиуты, урууды и мангуды, подбадривая себя боевым кличем:

— Ур-р-ра-а-агша-а-а⁴⁷!

⁴⁷ Урагша — монгольский боевой клич, в дословном переводе означало: «вперёд». От него произошло и русское «ура».

И новые тучи стрел взвились им навстречу

Когда воинство Джамухи возобновило штурм узкой каменной горловины между скалами, Чингис-хан едва не утратил надежду на спасение. Его мучило сознание того, что он, возможно, совершил чудовищную ошибку и завёл своих людей в западню, из которой им не выбраться.

Боевой клич атакующих, не смолкая, разносился по урочищу Далан-бальчжит, врвался в Дзереново ущелье и оглашал выси над головами оборонявшихся. Стрелы летели навстречу всадникам, впивались в их тела, вышибали из сёдел джаджиратов, тайджиутов, уруудов и мангуудов.

Джамуха едва не сорвал голос, стараясь одновременно подбодрить и утратить своих нукеров, дабы те продолжали атаку и не смели даже помыслить об отступлении. Однако его усилия оказались тщетны: конная лавина разбилась о каменную твердыню с узким проходом, оцетинившимся смертью. Штурм захлебнулся, и войско нападавших отхлынуло от скал.

Более Джамуха не пытался побудить джаджиратов к возобновлению сражения, ибо теперь даже он осознал, что это оказалось бы самоубийством. Тем более что нойоны из союзных племён наверняка не пожелали бы ему подчиниться, сочтя безумцем или глупцом.

В сопровождении десятка турхаутов к нему подъехал Таргутай Кирилтух. Тучный, обливающийся потом, с просвечивающим сквозь кожу узором багровых жилок на отвислых щеках, он выглядел настолько усталым, что казалось, вот-вот вывалится из седла.

— Место гиблое, ничего у нас не получится, — голос Таргутая звучал одышливо, как после быстрого бега. — Порою там, где умный нашёл бы погибель, глупцу удаётся одержать победу.

— Победу одержали не они, а мы! — вскричал Джамуха запальчиво и сжал рукоять меча так, что побелели пальцы. — Ведь это они забились в щель между скалами и сидят там, страшась высунуться наружу! И не выберутся из своего укрытия до тех пор, пока мы не покинем урочище!

Таргутай Кирилтух наморщил лоб, пытаясь оценить соотношение сил и свои возможности. Слишком много тайджиутов полегло в битве. Более высокую цену платить за победу он был не готов; и вообще — как бы в этом гибельном месте самому не сложить голову ненароком. Нет, ничего уже не хотелось Таргутая, только поскорее убраться восвояси.

— Ну да, это верно, они забились в щель и не высунутся, пока мы не уйдём, — сказал он после непродолжительной паузы. — Однако и нам до них вряд ли удастся добраться: хитрецов укрыли объятия несокрушимого камня. Как говорится, узел невелик, да больно крепко затянут. Может, в другой раз больше повезёт не им, а нам с тобой, но сегодня благосклонность Вечного Неба иссякла.

— Плохой шаман всегда оправдывается, пеняя на бубен, — пренебрежительно скривив губы, бросил ему в ответ Джамуха.

Таргутай Кирилтух насутился, но промолчал, не решившись ответить на оскорбление: совсем неподходящее было время, да и силы слишком неравны, чтобы ссориться с обозлённым ханом джаджиратов. А тот, казалось, позабыл о его присутствии — отвернулся и, приложив ладонь козырьком к выбившимся из-под шлема волосам, долго вглядывался в тёмный провал Дзеренова ущелья, над которым вездесущие стервятники уже кружили, прицеливались к обильной добыче. Затем процедил едва слышно, обращаясь к самому себе:

— В смекалке анде не откажешь. Будь у меня и десять туменов — всё равно положил бы их у входа в эту дыру. Может, он от меня того и ждал? Ну нет, я не настолько прост, чтобы снова и снова посылать своих нукеров на верную смерть.

После этого по его распоряжению перед входом в Дзереново ущелье — так, чтобы осаждённым всё было видно, но стрелы оттуда не долетали — установили семьдесят больших котлов. Наносив воды из Онона, под ними развели огонь. И всех пленных сварили в этих котлах.

Один лишь Чахаан-Ува — бывший соратник Джамухи, переметнувшийся к Чингис-хану — избежал этой участи.

— Отрубите ему голову, — приказал Джамуха. — Говорят, предатель умирает ещё при жизни — ну что ж, сейчас мы посмотрим, как Чахаан-Ува умрёт второй раз... И привяжите его голову к хвосту моего коня, там ей самое место.

...Когда всё было кончено, он велел своим нукерам собираться в обратный путь:

— За брата я отомстил. Если же анде этого мало, пусть сам придёт ко мне искать свою смерть. Но теперь-то он, конечно, побоится. Ничего, я никуда не тороплюсь, всё равно мы с ним ещё встретимся. Сколько лиса ни убегает, конец её — на шапке охотника.

Джаджираты ушли к родным нутугам. А урууды и мангуды, потрясённые жестокостью Джамухи, ночью отстали от его войска — и явились к Чингис-хану.

...Наблюдая, как усталые нукеры — осторожно, чтобы не развалилась сваренная человеческая плоть — сносят трупы своих товарищей к общей могиле, Хасар попинал носком гутула примятый куст багульника и, вздохнув, проговорил с мрачной уверенностью на лице:

— Теперь не станет нам покоя, где бы мы ни кочевали, в какие бы норы ни прятались. Доколе жив Джамуха, мы всегда будем находиться под угрозой.

— Ты прав, — согласился Чингис-хан. — Ядовитая трава никогда не вянет. Отныне Джамуха наш смертельный враг: или мы его, или он нас.

Его поразила и обескуражила сцена расправы, свидетелем которой он только что стал. Тем не менее произошедшее не заставило его пасть духом. Всё, что он успел пережить и почувствовать за прошедшие годы, давно убило бы слабого человека; однако Чингис-хан, выстояв под натиском невзгод, только закалил характер, и теперь его волю не могли сломить ни сегодняшнее поражение в бою, ни внезапная жестокость обозлённого анды.

— Дадим покой нашим мертвецам, — распорядился он, когда последний покойник лёг поверх груди своих бездыханных собратьев.

И нукеры в скорбном молчании принялись засыпать землёй обширную братскую могилу.

Нет, Чингис-хан не пал духом. Напротив, теперь он более, чем прежде, был готов к схватке не на жизнь, а на смерть — не только с Джамухой и враждебным джаджиратским улусом, но и с целым миром, в котором место под солнцем никому не достаётся без боя.

— Надо улучшить момент, когда Джамуха не будет ждать нашего нападения, — предложил Хасар. — Если застигнем его врасплох, дело может сладиться куда лучше, чем сегодня. А стоит нам спасовать, так он нас самих сживёт со свету и наш улус не замедлит присоединить к своему.

— Нет, пока наших сил недостаточно, чтобы справиться с андой, — возразил Чингис-хан. — Джаджиратов слишком много, и они хорошие воины. С такой силой хочешь не хочешь придётся считаться.

— А если ты позовёшь на подмогу Тогорила? Он ведь обещал всегда помогать тебе как названному сыну.

— Ван-хан не захочет, чтобы я воевал с Джамухой. Попытается примирить нас. Будет уговаривать, станет напоминать о побратимстве. А я мира с этим вероломным мангусом больше не желаю. Сделав зло, пусть не ждёт добра.

— Да уж он-то, верно, и не ждёт. И тоже мира с нами не пожелает. Будет скалиться издалека и выбирать сторону, с которой ловчее укусить.

— Вот видишь, Хасар, нам обоим это ясно. Значит, нет смысла обращаться к Тогорилу. Ничего, у всякого дела свой черёд. Повременим, пока в наших сердцах уляжется гнев, потому что в гневе и прямое становится кривым. А с Джамухой встретимся не раньше, чем настанет подходящая пора для мести. Если он до того сам не иссохнет от снедающей его ненависти, обязательно встретимся. Как ты сказал, улучим момент, когда он не будет нас ждать. И когда у джаджиратов расстроится союз с теми, кто его пока ещё поддерживает. Наши недруги станут

намного слабее, если окажутся разобщены, а мы посмотрим, с кого из них спрашивать сначала, а с кого — после.

Чингис-хан сказал это и в сердцах сплюнул на истоптанную траву. Кто после нескольких шагов начнёт жалеть, что пошёл в гору, тот не поднимется и на маленький холм; в деле мести нельзя останавливаться на полпути, он понимал это. И уж если вражда выросла из родства или побратимства, то нет на свете мести более лютой.

Впрочем, вскоре ему пришлось обратиться к Тогорику по совсем другому, не менее важному поводу. Он узнал, что алтан-хан⁴⁸, правитель империи Цзинь⁴⁹, направил большое войско против татар — и те, спасаясь, отступают всем улусом вверх по реке Улдже вместе со своим скотом и домашним скарбом.

— Сам Великий Тэнгри посылает нам случай отомстить татарам за смерть отца, — сказал Чингис-хан братьям. — Встретим их, как зверей на облавной охоте. Всё складывается благоприятно для нашего нападения, нельзя упускать такую возможность. А чтобы вернее разбить татар, позовём Тогорику. Надеюсь, он ещё не забыл, кто отравил его анду Есугея.

...Выслушав гонца, кeraitский хан не колебался ни минуты:

— Передай сыну моему Чингис-хану, что я выступаю немедленно.

Так сказал он и тотчас вышел из юрты, чтобы распорядиться о сборах в поход.

Чингис-хан и Тогорик повели своих нукеров навстречу татарам вниз по долине реки Улджи. Устроив засаду, они разбили передовой отряд неприятеля, а затем, не давая татарам опомниться, взяли с налёта наскоро сооружённые ими укрепления в урочищах Хусуту-шитуен и Нарату-шитуен. Захваченных татарских нойонов казнили на месте. Многих пленённых нукеров тоже предали смерти, а тех, кого эта участь миновала, вместе с женщинами, детьми и домашними пожитками поделили между собой.

Тронулись в обратный путь, сопровождаемые отобранными у врагов лошадиными табунами, стадами коз и отарами овец. Все остались довольны изрядной добычей: перемётные сумы, болтавшиеся на боках у приземистых монгольских коней, были битком набиты награбленным добром.

— Если у одних людей накопилось много скарба и разных ценностей, но недостаточно сил, чтобы всё это удержать, а у других, наоборот, в избытке сил, однако никакими другими излишками они не обладают, то не стоит сомневаться, что рано или поздно первые всё потеряют, а вторые — обретут, — говорил Чингис-хану Тогорик, успевший изрядно набраться архи, пока нойоны производили делёж татарского имущества и скота. Он мерно покачивался в седле, периодически смахивая со лба капли пота; затем, спохватившись, снял с головы боевой шлем с султаном из посечённых конских волос и, приторочив его к луке седла, продолжил:

— Удача подобна женщине, она любит сильных и отвергает слабых. Хоть и говорят, что богатство начинается с мелочи, но нам-то известен и более короткий путь к достатку. Большие птицы не кормятся зёрнышками, хе-хе-хе.

Приблизительно так же думали и воины Чингис-хана, возвращаясь к родным кочевьям.

— На этот раз Вечное Синее Небо милостиво к нашему хану, — говорили одни. — А вместе с ним благосклонность небесного отца распространилась и на всех нас.

— До хана Чингиса мы жили скудно, — вторили другие. — Если ходишь в дырявых гутулах, какой прок в том, что свет обширен и богат разными благами? Но теперь-то и нам

⁴⁸ Алтан-хан — так монголы называли китайского императора.

⁴⁹ Цзинь — государство в северной половине Китая, которым в описываемый период правила чужеземная династия завоевателей — чжурчжэней.

от этих благ перепало. Хорошо, что наш хан добычлив и не жаден: себе взял совсем немного олджи⁵⁰, почти всё нам оставил.

— Он из тех, кто медлит обещать, но спешит выполнить, — соглашались третьи. — У большого дерева большая тень — хорошо, если так будет всегда.

В одном из разгромленных татарских укреплений Чингис-хан снова подобрал ребёнка, оставленного родителями. Это был мальчик, одетый в подбитую соболем телогрейку штофной парчи, с золотыми кистями на шнурах. Когда Чингис вернулся домой и отдал его матери, Оэлун радостно всплеснула ладошами:

— Какой милый ребёнок! Сразу видно, что он, как и наш Кучу, сын благородных родителей.

Оэлун-эке приняла в свою семью и этого малыша, дав ему имя Шикикан-Хутуху. Ему предстояло вырасти и, выучившись письму, стать первым грамотеем среди приближённых Чингис-хана. Ибо до него монголы письменности не знали.

К слову, Шикикан-Хутуху был не последним приёмным Оэлун: вскоре ей привезли ещё одного сироту, чжуркинца Бороула. Она и его с радостью взяла к себе в юрту.

Окружив заботой и лаской всех — теперь уже четверых — своих приёмных сыновей, стареющая Оэлун-эке воспитывала мальчуганов как родных. И все они, когда выросли, стали преданными нойонами Чингис-хана.

⁵⁰ Олджа — добыча, награбленная в походе.

Глава пятая. На крыльях мести

*Победило ль зло в борьбе с добром,
Или впрямь порождены мы злом?
Абу-ль-Аля Аль-Маарри
Жить в мире не могли они совместно,
Под небесами им казалось тесно.
Саади Ширази*

Разгромив татар, Чингис-хан торжествовал: он поквитался с проклятым племенем за убийство отца. Хотя доводилось ему слышать от стариков, что жажду мести, эту зудящую язву, невозможно утолить в полной мере, ибо сколь ни жестока окажется расправа над врагами, а время вспять не повернёшь и мёртвого не воскресишь. Однако сведя счёты за Есугея-багатура, молодой хан ощутил ни с чем не сравнимое пьянящее, будоражаще-злое удовлетворение: он к этому стремился — и добился своего, никто не сумел ему помешать! Пусть пока не все татарские роды удалось извести: слишком обширны земли, на которых раскинулись их улусы; ничего, придёт срок, и он доберётся до каждого, уничтожит вражью поросль до последнего зелёного побега.

Доволен был и Тогорил, поскольку кераитским воинам в этом походе досталась очень богатая олджа.

Да и Вангин-чинсян, предводитель цзиньского войска, чрезвычайно обрадовался тому, что случай помог ему разбить врагов империи чужими руками. Встретившись с неожиданно объявившимися союзниками, он принял участие в праздничном пиршестве, устроенном по случаю одержанной победы. А на следующий день, с важным видом раскачиваясь на коротких кривых ногах и склонив голову набок, зачитал грамоту, согласно которой Чингис-хану был пожалован титул джаутхури, а Тогорилу — титул вана. Легко расточать дары от имени императора.

После этого Вангин-чинсян увёл цзиньское войско восвояси.

Чингис-хан, уяснив, что «джаутхури» означает примерно то же, что нойон, поставленный во главе сотни воинов, отнёсся к дарованному ему титулу с пренебрежением. Зато ставший к старости тщеславным Тогорил с этого дня велел кераитам величать себя исключительно ван-ханом. Титул вана означал княжеское достоинство и давался властителям, дружественным цзиньскому императору.

— Будто двум верным собакам, бросили нам по косточке, — язвительно заметил Чингис по этому поводу сразу после отбытия Вангин-чинсяна. — Невелики милости, а главное, они ничего не стоят алтан-хану. Похоже, он не видит дальше собственного носа.

— Что ж, говорят ведь: кто не желает давать костей собакам, тот когда-нибудь отдаст своих овец волкам, — заметил Тогорил. — Алтан-хан считает нас ручными, и пусть его.

— Думает, наверное, что для нас его титулы — большой почёт.

— Для его подданных оно, может, так и есть. Да и для нас это всё же лучше, чем ничего.

— Ничего в руки не возмёшь и на зуб не попробуешь. Собачьи почести волку без надобности.

Глаза новоиспечённого ван-хана сузились в благодушной усмешке:

— Не в почестях дело.

— А в чём тогда?

— В том, что мир переменчив, и со временем враг в нём может превратиться в друга, а друг — во врага. Пока в степи усобицы, нам с тобой отныне хотя бы с юга не придётся ждать удара.

— Это верно, — согласился Чингис-хан. — Пусть алтан-хан из тех, кто норовит и айрага напиться, и усов не замочить, но мы тоже не простаки.

— Вот именно. Как бы там ни было, мы добились чего хотели, задав татарам хорошую трёпку. Да и поживились неплохо. Что нам алтан-хан? Ждать от него настоящей благодарности — всё равно что копать яму в воде. Зато в степи мы хозяева. Цзиньское войско ушло за Великую стену, а мы остались, и теперь никто здесь не оспорит нашу силу. Есугей-багатур тобой бы гордился, узнав о твоих славных делах. Кто присваивает заслуги предков, не умея подкрепить их собственными достоинствами, тот рискует утратить всё, что имеет, включая и свою жизнь. Но ты не таков — тебя, по всему, ждёт ещё немало побед.

— Ну, один-то я вряд ли сумел бы одолеть татар.

— Верно говоришь, в одиночку тебе было бы труднее. Но когда мы вместе, нам всегда сопутствует удача.

После этих слов Тогорил приложился к походной баклаге-бортохо: задрал голову и сделал несколько основательных глотков, пролив немного архи себе на грудь и подбородок. Затем, тряхнув головой, смачно крикнул и утёрся рукавом. После чего передал кожаную баклагу Чингис-хану.

После победы над татарами молва о славе и могуществе Чингис-хана ещё более выросла, распространяясь повсюду, словно степной пожар. Из разных племён стекались к нему отважные лихие багатуры, жаждавшие ратных подвигов и грабежа. Его улус неуклонно разрастался. Но всё чаще вспоминал Чингис слова Хасара, сказанные после битвы в ущелье Дзеренов, — о том, что не будет ему покоя, пока жив Джамуха. Сердце и рассудок подсказывали, что брат прав. Ибо так уж водится в мире, что не бывает более злых и непримиримых врагов, нежели рассорившиеся друзья и родичи.

И в самом деле, завистливый анда не желал смириться с возвышением того, с кем он прежде делил опасности и невзгоды, ходил в совместные набеги и коротал время привалов у одного костра. Возненавидев бывшего побратима лютой ненавистью и желая его гибели, Джамуха плёл интриги и собирал вокруг себя недовольных нойонов. Наконец в год Курицы (1201) ему удалось собрать враждебных Чингис-хану вождей на курултай. В урочище Алхуй-булах, расположенное у слияния рек Эргуне и Кан-мурен, съехались ханы и знатные нойоны от хонкиратов, икиресов, куруласов, дорбенов, сальджиутов, хадагинцев, ойратов. Были и представители многих влиятельных татарских родов. От тайджиутов явился Таргутай Кирилтух, от меркитов — Хуту, сын Тохтоа-беки, а от найманов — сам хан Буирух. На курултае уговорились выступить в поход против Чингис-хана и ван-хана Тогорила, вверив Джамухе командование объединёнными силами племён. А для того чтобы возвысить Джамуху над Чингис-ханом и Тогорилом, его провозгласили гурханом⁵¹.

Получив известие о войне, Чингис понял, что наступил решающий момент, и судьба всех его устремлений не терпит отсрочки. Следовало действовать быстро и решительно.

Он послал гонца к ван-хану. Соединив свои войска, Тогорил и Чингис-хан двинулись вниз по течению Керулена навстречу противнику.

Мечь стареет, но не забывается.

В урочище Койтен — между озёрами Буир-нур и Кулун-нур — враги встретились. Завязалась битва, затянувшаяся надолго. Чингис-хан всё время был в гуще сражения. Крепко сжимая конский повод одной рукой, другой он размахивал с неукротимой энергией, разя мечом неприятелей, и толчки крови в его ушах сливались с лязгом металла, лошадиным храпом, воинственными криками всадников и стонами поверженных наземь, раненых и умирающих.

⁵¹ Гурхан — хан ханов, верховный хан.

Казалось, битва продолжалась целую вечность. С наступлением сумерек противники разошлись, огородившись телегами, а с первыми лучами солнца вновь сшиблись в смертельном противоборстве. Хмель отваги и ярости туманил головы воинам, но от этого их руки не лишились твёрдости, удары мечей были точны и беспощадны. Теснили друг друга то одни, то другие, сражение достигло наивысшего накала, однако перелома в нём всё не наступало. Вдобавок внезапно разразилось ненастье: задул ураганный ветер, в небе загромыхали гулкие раскаты грома, и хлынул холодный проливной дождь.

— Видно, мы прогневили небеса! — подняв лицо навстречу низвергавшимся струям злой воды, воскликнул найманский хан Буирух. — Я уже потерял здесь половину своих нукеров. Если завтра враг явится в мой улус — с кем буду защищать его? Откуда возьму силы?

И с приходом ночи он увёл найманов с поля боя — бежал по южному Алтаю к родным нутугам.

Узнав о предательстве хана Буируха, ушли под покровом темноты меркиты и ойраты.

Однако на следующий день сражение продолжилось — и вновь не затихало до глубоких сумерек. С устремлённым на противника безжалостным волчьим взглядом, Чингис-хан не думал о смерти, но сам был смертью; он одержимо размахивал коротким мечом в гуще сражавшихся, метался туда и сюда среди клокочущего человеческого варева; а в мгновения высочайшего напряжения над смертоносным грохотом боя возносился его крик:

— С нами Великий Тэнгри! Убьём их всех! Пусть захлебнутся своей поганой кровью! В степи хватит места для могил!

И нукеры чувствовали в голосе хана такую несокрушимую энергию, такую силу ярости, что казалось: ещё немного — и само небо обрушится на головы его врагов.

Шлем с Чингиса сбили, длинные рыжие косички намокли и при каждом резком движении хлестали его по лицу; а под рассечённым во многих местах защитным панцирем хлюпала кровь, смешанная с дождевой водой... Меткой стрелой, пущенной из неприятельского лука, перешибло шейный позвонок его саврасому коню — и он кубарем покатился наземь, больно ударившись коленом и плечом. Верные нукеры тотчас обступили хана и, отбиваясь от наседавших врагов, вывели его из боя.

— Коня! — крикнул Чингис-хан, нетерпеливо вглядываясь сквозь дождевую пелену в бурлящий водоворот человеческих тел. — Скорее, подайте мне нового коня!

К нему подвели свежего скакуна. И он, вскочив в седло, снова без промедления ринулся в многоголосое человеческое и конское месиво, в грохочущий ад смертельной схватки. Мышцы рук и ног, спины и поясницы, казалось, были готовы развалиться на куски от усталости; лёгкие надсадными рывками втягивали в себя воздух, чтобы тотчас вытолкнуть его обратно. Чингис-хан на пределе сил продолжал размахивать мечом, отбивая и нанося удары, разя клинком налево и направо. А длинные ветвистые молнии то и дело рассекали на части небесные выси, и лавины воды низвергались из покрывала туч на лица и одежду сражавшихся, стекали по их телам на сёдла, на конские крупы, на чавкавшую под копытами землю.

...Под вечер, пребывая от изнеможения в полуобморочном состоянии, Чингис-хан вдруг ощутил удар в шею. И, ничего не успев сообразить, вывалился из седла — навстречу звону и ослепительной темноте.

Когда сознание вернулось к нему, над его головой ярко сияли звёзды. О недавнем ливне напоминала сырая прохлада, разлитая вокруг. А ещё в воздухе висел тяжёлый запах крови.

В ушах шумело так, будто духи всех четырёх ветров одновременно пели ему свои студёные песни, стараясь перекрычать друг друга.

Рядом возвышалось знамя, воткнутое древком в разбухшую землю: на тяжело обвисшем белом полотнище был вышит расправивший крылья кречет, считавшийся духом-хранителем рода Борджигинов.

Чингис лежал на грязном мокром войлоке, а к его шее, точно большая прожорливая пиявка, присосался верный нойон Джелме. Увидев, что к хану вернулось сознание, тот оторвался от его шеи и, сплюнув наземь бурую слюну, сказал:

— Тебя ранило стрелой. Я всю ночь высасывал кровь, чтоб она не пошла внутрь.

— Ты спас мне жизнь, — сказал Чингис-хан, с трудом разлепив пересохшие губы.

— Войско без хана всё равно что тигр без головы, — глухо проговорил нойон, утирая ладонью окровавленный рот; по его щекам тоже была размазана ханская кровь, которая уже запеклась и потемнела.

— Это ты верно сказал, Джелме. Что ж, видно, умереть мне в этот раз не доведётся... Чем закончился бой? Где наши враги? Опять огородились телегами?

— Нет, их отвага иссякла, и они уже не помышляют о продолжении битвы. Джамуха с джаджиратами бежал, Ван-хан преследует его.

— Значит, они нас не одолели.

Чингис-хан сел, потёр лицо ладонями. На мгновение мир у него перед глазами поплыл, пританцовывая, и стал раскручиваться в медленном хороводе. «Видно, духи земли зовут меня, не хотят отпускать, — подумал он и болезненно помотал головой. — Нет, я им не поддамся, нельзя, нельзя!»

Холод заползал под сырую одежду и разливался по телу, сковывая члены. Каждый толчок пульса гулко отдавался в мозгу, словно туда каким-то колдовским способом умудрился пробраться подосланный врагами шаман — и, стараясь извести, с неумолимой настойчивостью ударял в бубен. Очень хотелось снова лечь на мокрую землю и не двигаться, уплыть обратно в темноту, из которой он только что вернулся. Однако Чингис-хан пересилил слабость, не позволив себе провалиться в беспамятство. Вскоре мир перед его глазами перестал кружиться, и всё вернулось на свои места: Джелме, участливо склонившийся над своим ханом, нукеры, тесно обступившие их обоих, зная с расправившим крылья кречетом...

— Негоже разлёживаться, когда до полной победы осталось лишь копьё протянуть, — сказал Чингис и, опершись о плечо Джелме, медленно поднялся на ноги. — Приведите моего коня. Надо загнать раненого зверя и добить его, пока тот не опомнился от страха.

Однако преследовать Джамуху он не стал. Решил свести счёты с Таргутаем Кирилтухом и направил своё войско вслед за тайджиутами, убежавшими к Онону. Вскоре, переправившись через реку, нукеры Чингис-хана настигли беглецов. Под кровавыми лучами выкатившегося на небо рассветного солнца они гнали по голой равнине своих соплеменников. Безжалостно расстреливали и рубили всех, кто пытался оказать сопротивление. И, щёлкая бичами, сгоняли в кучки тех, кто сдавался на милость победителей.

Таргутая среди пленных не оказалось. Разосланные в разные стороны отряды старательно разыскивали его повсюду, но он как сквозь землю провалился.

К Чингис-хану подскакал Бельгутей и, натянув поводья, остановил взмыленного скакуна.

— Если б этот жирный боров был жив — обязательно нашли бы его, — сказал он, учащённо дыша и облизывая пересохшие губы. — Наверняка лежит где-нибудь, изрубленный так, что не узнать.

— По одежде узнали бы! — воскликнул Хачиун.

— Э, брат, разве ты не знаешь, что знатные нойоны обычно при бегстве норовят напялить на себя какие-нибудь обноски, чтобы их приняли за никому не нужных харачу, — возразил Бельгутей.

Чингис-хан был огорчён.

— Жаль, что не удалось его изловить, — сказал, не отрывая тяжёлого взгляда от дымчато смыкавшегося с небесами далёкого степного окоёма. — Хотелось надеть берёзовую кангу ему на шею — да, похоже, не судьба. Ну, как бы то ни было, а я исполнил что обещал: отобрал у него отцовский улус.

— Отобрал, да! — радостно повторил вслед за ним Хачиун и погрозил кулаком степным далям.

— Пускай же теперь бежит туда, где ждёт его могила, — продолжил Чингис-хан. — Всё равно родившийся ослом не умрёт тигром. Никто здесь не вспомнит его добрым словом, и само имя Таргутая сгинет со света и истлеет в земле вместе с его костями.

Поверив, что Таргутай Кирилтух затерялся среди тысяч безвестных беглецов, оставшихся бездыханными на поле битвы, хан ошибся. На самом деле тому удалось спастись. Это в скором времени стало известно от трёх новых пленников: они бежали вместе с Таргутаем, но затем, решив сдаться на милость хана-победителя, связали своего вождя, бросили его в телегу и поехали в стан Чингиса. По дороге же, укоряемые совестью, они вняли мольбам человека, которому прежде верно служили, — и отпустили Таргутая Кирилтуха. «Вы поступили достойно, — сказал им Чингис-хан. — Мне следовало казнить его, это так же верно, как и то, что вы не имели права посягать ни на жизнь, ни на свободу своего законного хана. Теперь же я охотно приму вас под свою руку, поскольку у меня нет причин сомневаться в вашей доблести».

...Когда стали отовсюду окрест собирать пленных, к хану приволокли на аркане юношу в изорванной одежде — и бросили к его ногам:

— Вот этот стрелял в тебя, люди видели.

— Убил твоего беломордого Джебельгу!

— Прикажи казнить! Пусть все ужаснутся тому, что он хотел совершить!

— Одно твоё слово, каган, — и мы изрубим его на куски, а мясо бросим на съедение ночным падалыщикам.

— Освободите этого человека от петли, — распорядился Чингис-хан. — Я хочу с ним поговорить.

Спешившись, он отдал конский повод подоспевшему Джелме и неторопливым шагом приблизился к понурившемуся пленнику. Посмотрел на него оценивающе:

— Так это твоя стрела перешибла позвоночник моему беломордому любимцу?

— Моя.

— А целился ведь в меня?

— Конечно, — юноша внезапно поднял голову. — А что ещё должен делать воин в бою, как не стрелять во врага? Я не из тех трусов, что улепётывают без оглядки при первых звуках битвы.

— Достойный ответ, — Чингис-хан, пряча усмешку в уголках рта, пригладил рыжие усы, провёл ладонью по бороде. — За одну правду казнят, а за другую осыпают милостями. Потому коварный враг обычно запирается в своём душегубстве, а душа настоящего воина всегда открыта. Ты вёл себя отважно, и теперь не запираешься, это хорошо. Даже не знаю, как с тобой поступить...

В глазах молодого пленника затеплилась надежда.

— Если велишь меня казнить, великий хан, то останется от меня только мокрое место размером в ладонь, — сказал он, облизнув пересохшие губы. — Но если посчитаешь возможным взять меня в своё войско, то клянусь преданно служить и не спасовать в любом сражении.

— Что ж, такие смельчаки мне нужны. Ведь говорят же, что не стоит торопить звёзды: они сами взойдут на небосклоне в положенный час, дабы осветить мир и указать путнику верную дорогу. Сегодня звёзды зажглись над твоей счастливой дорогой — иди с моим войском и будь верен слову, которое дал только что... А теперь назови своё имя, тайджиут.

— Джиргоадай.

— Мы назовём тебя по-другому. За то, что прострелил моего Джебельгу, даю тебе имя Джебэ⁵². Надеюсь, отныне станешь моим верным боевым товарищем, подобным острой стреле, которая полетит впереди войска.

— Да подарит тебе Тэнгри вечную жизнь за такое великодушие, — склонил голову Джиргоадай-Джебэ. — Я с радостью принимаю новое имя.

После этого Чингис-хан велел казнить не только всех захваченных в плен именитых нойонов, но и их детей. Остальных же отпустил — им предстояло влиться в Чингисов улус.

А затем к нему привели двух молодых вражеских воинов:

— Вот эти пленники говорят, что знают тебя, и ты будешь рад их видеть.

То были Чимбай и Чилаун, сыновья Сорган-Ширы.

Поочерёдно заключив их в объятия, Чингис-хан велел вернуть им оружие и коней.

— Пали наши кони, — вздохнул Чимбай, — а луки и мечи в степи валяются, втоптанные в грязь — разве теперь найдёшь.

— Это ничего, я дам каждому по табуну отборных скакунов, — хан положил руку ему на плечо. — И оружие получите любое, какое только пожелаете. Когда ваш отец укрыл меня, беглого колодника, от Таргутая Кирилтуха, я пообещал ему, что стану ханом и отблагодарю за помощь. Мне кажется, он тогда не очень-то поверил словам мальчишки. Но теперь вы видите, кем я стал. Пришло время моей благодарности... Как ваш отец, жив?

— Жив, только постарел сильно, — кивнул Чимбай. — Ездить на лошади уже не может. Но пахтать айраг сил пока хватает, у нас ведь нет боголов, всё в хозяйстве приходится делать самим.

— Теперь у вас будет много боголов, да и хозяйство увеличится... А Хадаган, сестра ваша, наверное, уже вышла замуж?

— Вышла недавно, только... — Чимбай опустил взгляд, не решаясь продолжить.

— Только сегодня в сражении убили её мужа, — договорил за брата Чилаун. — Теперь она вдова.

Чингис-хан сдвинул брови. Помолчал немного, покусывая губы; посмотрел в глаза сначала Чимбаю, затем — Чилауну; и наконец сказал твёрдо:

— Ничто не случается зря. Видно, Вечное Небо отобрало мужа у вашей сестры, чтобы я получил возможность отблагодарить вас найдостойнейшим образом. Так слушайте же и передайте Хадаган: после того как она отторгует по покойнику, я возьму её в жёны. Ваша сестра станет ханшей, а вы — моими родичами.

Так он решил.

И это свершилось. Миновал непродолжительный срок, и в ханском стане — невдалеке от юрты, в которой жила Бортэ — появилась ещё одна юрта. В ней поселилась Хадаган, вторая жена Чингиса.

А Чимбай и Чилаун вошли в ближний круг ханских нойонов. Кроме того, им была дана привилегия полностью оставлять себе всё добытое на войне и охоте, не отделяя долю хану.

После разгрома в урочище Койтен Джамухе с его джаджиратами удалось оторваться от преследования и уйти в родные кочевья.

Он проиграл, но за него расплатились другие.

Впрочем, даже после этого Джамуха не помышлял о том, чтобы обуздать свой злопамятливый нрав. Если б ведал, сколько сокрушительных неожиданностей ждёт его впереди — и то вряд ли нашёл бы в себе силы остановить безжалостный ветер событий. Таков уж он был, и ничто не могло его сделать другим.

⁵² Джебэ — мощная стрела, способная пробивать металлические доспехи.

А Чингис-хану и Тогорику вскоре стало не до Джамухи. Им пришлось совместными усилиями отражать нападение меркитов. Затем, с наступлением года Собаки (1202), возникла новая угроза: Чингису донесли, что татары готовят мщение — выжидают удобного момента, собираясь выступить в набег на его улус. Он уговаривал ван-хана действовать без промедления — ударить по заклятым врагам первыми. Но Тогорил неожиданно отказался:

— Стар я стал, чтобы дни и ночи проводить в седле, все мои кости ноют, просят покоя. Да и не стоит верить слухам, мало ли что люди наболтают. Не горячись, как молодой жеребец, впереди у тебя ещё много славных дел. А насчёт татар — пусть время покажет, где правда, а где ложь, и тогда уж мы решим, как поступить.

Лукавил ван-хан. Хотя и чувствовал он порой тяжёлую поступь времени, а всё же не считал, что приближается возраст покоя, и воинственные помыслы не были чужды старику. Однако не по душе стало Тогорику стремительное возвышение Чингис-хана, потому он и не торопился с поддержкой. К тому же за спиной своего молодого союзника ван-хан уже тайно сносился с Джамухой, который приезжал в его стан и настойчиво убеждал:

— День ото дня растёт сила выскочки. Мои люди уходят к нему со своими семьями, уводят стада и боголов. В степи становится тесно, он взбаламутил народ и не желает покоя. Если так дальше пойдёт, то недолго нам осталось владеть родовыми улусами. Анда ни в чём не видит пределов, такие, как он, и в улыбающееся лицо готовы пустить стрелу. О да, он не остановится, пока не отберёт власть у каждого, до кого сумеет дотянуться. В душе у него совсем не то, что он говорит, нельзя ему доверять. Уж я-то его знаю: уничтожит нас с тобой и многих других, как только ему представится удобный случай. Прислушайся к голосу разума: мы должны затоптать искры, прежде чем разгорится пожар.

Эти речи подогревали властную ревность и опасения ван-хана. Однако Тогорил колебался, взвешивая и соизмеряя возможности сторон:

— Да-а-а, такой пожар, о котором ты говоришь, можно залить только очень большой кровью. И всё же — кто первым заносит руку, тот нередко получает воздаяние за это. Говорят: где страх, там и спешка. Осторожность — другое дело, о ней нам не следует забывать, но для страха я пока не вижу причин. Сейчас все поддерживают молодого удачливого хана, но едва наступит сколько-нибудь продолжительная передышка между набегам и сражениями, как найдётся немало желающих отвергнуть его власть и откочевать в степь, чтобы самолично править своими улусами. Потому не надо суетиться и устраивать новую междоусобицу без весомого повода. Один разумный, совершив ошибку, может многих глупых соблазнить идти следом за собой, да только расплата потом горька. Я не привык проявлять горячность в делах подобного рода. Если Вечному Небу будет угодно, мы всегда успеем обнажить мечи и достать луки из саадаков.

Так говорил ван-хан, ибо его обурежали сомнения, и он никак не мог решить, к кому из двух соперников примкнуть... С юных лет отличавшийся чрезмерным честолюбием, Тогорил в борьбе за власть не остановился перед убийством трёх своих братьев, нескольких племянников и множества родичей и соплеменников. О прочих врагах и говорить не приходится, с ними кераитский хан сражался почти непрестанно. Благодаря своей изворотливости и одержанным победам он с возрастом лишь укрепился во мнении, что если кому и суждено верховодить в степи, то именно ему и никому другому. После всех испытаний, встреченных на жизненном пути, Тогорил добился немалых благ и прочного положения среди окрестных правителей. Однако его время миновало, ибо нет в мире ничего вечного. Беда ван-хана заключалась в том, что он этого не понял и продолжал чувствовать себя неуязвимым, когда пришла пора уже совсем иных людей и новых, недоступных ему свершений.

...Вскоре Чингис-хан прознал о переговорах Тогорила и Джамухи.

— Давно подозревал я ван-хана в двуличии, да всё надеялся, что ошибаюсь, — сказал он братьям. — Видать, этот хитрец из тех людей, о которых говорят: встретит человека —

говорит как человек, встретит чотгора — говорит как чотгор. И всё же трудно мне будет без его поддержки. Ладно, подожду: может, образумится старый выворотень.

Однако Тогорил так и не проявил желания воевать с татарами.

И Чингис-хан, дотянув до осени, решил: дальше медлить нельзя, это может погубить его. И самостоятельно выступил на тех, кого уязвлённая память Борджигинов не могла оставить в покое. Тревогу и сомнения он спрятал глубоко в сердце. А его нукеры верили в своего хана и в его удачу. Все были возбуждены и обменивались радостными репликами, предвкушая очередную победу в татарских землях. Женщины вышли далеко за пределы курения и махали руками, провожая на опасное дело мужей, сыновей и братьев. Нукеры степенно раскачивались в сёдлах: в большинстве своём молодые и крепкие, закалённые суровой походной жизнью и уверенные в себе. Солнце бросало отблески на их металлические шлемы и золотило лица воинов.

Следом за вереницей всадников долго бежали мальчишки, весело гомоня и глотая пыль, поднятую множеством копыт.

А по осеннему небу над всем этим шумным скопищем скользили стаи озябших гусей: птицы летели в тёплые края, завершая годовой природный круговорот, и им не было дела до человеческой суеты.

На сей раз застигнуть врага врасплох не удалось. Собрав большие силы, татары встретили Чингис-хана в урочище Далан-нэмургес. Перед битвой он объявил:

— Если мы потесним неприятеля, не задерживайтесь подле добычи. Ведь после окончательной победы она от нас не уйдёт — сумеем поделить! В случае же отступления все обязаны немедленно вернуться в строй и занять свои прежние места — запомните это. Голову с плеч долой тому, кто не выполнит моего повеления!

А затем он взмахнул рукой. И дожидавшиеся этого сигнала дунгчи⁵³ поднесли к губам трубы из морских раковин, призывая войско на битву. И с хриплым рёвом труб слился рокот боевых барабанов, стронув с места ошестинившуюся копьями лавину всадников. Степь задрожала от конского топота. И монгольские мергены⁵⁴, на скаку выхватывая из колчанов стрелы, принялись осыпать татар непрекращающимся смертоносным дождём, от которого нигде не укрыться. Тумен за туменом сшибались и перемешивались, кромсая и топча друг друга с яростными криками и лязгом стали.

И татарское войско дрогнуло, попятилось. Сначала медленно, не прекращая прилагать отчаянных усилий, чтобы остановить неприятеля. Но отступление продолжалось: татары пятились всё дальше, огрызались всё слабее — и наконец, утратив остатки боевого духа, они стали один за другим разворачивать коней и пускаться прочь с поля боя.

Монголы не отставали, мчались следом: кололи, рубили, посылали стрелы в спины татарских всадников. Грохочущая масса преследуемых и преследователей, словно буйная река в половодье, катилась вперёд, не зная остановки.

На землю набросил призрачный полог недолгий осенний вечер. Словно кровь зловещих духов смерти, расплескался по небу багровый закат. Но и в сгущавшихся сумерках, и потом — в сером лунном свете — продолжали мчаться тени, и взлетали торжествующие победные возгласы и крики боли, и топот копыт, и удары клинков, сшибавшихся с другими клинками и рассекавших живую плоть. Смерть подхватывала и уносила людей, подобно тому как ураган уносит былинки, и звуки битвы заполняли беспредельность ночи.

Следуя строгому приказу, никто из монголов не останавливался для грабежа. Лишь родичи Чингис-хана — Даритай-отчигин, Алтан и Хучар, настигнув татарский обоз, не удержались от искушения и закружились между скучившимися повозками, торопливо растаскивая

⁵³ Дунгчи — трубач.

⁵⁴ Мерген — меткий стрелок.

самое ценное. Однако вскоре им пришлось поплатиться за свою жадность: узнав об ослушании, хан приказал отнять у них награбленное, опозорив знатных нойонов перед всем войском.

Лишь к исходу ночи завершилось побоище.

Наутро Чингис-хан собрал в своей походной юрте большой семейный совет.

— Никому уйти не удалось, — удовлетворённо сказал Хасар, усаживаясь на войлок рядом с братьями. — Кого не уложили за смертью, тех взяли в полон.

— Теперь у нас будет много боголов, — добавил Бельгутей. — Да и без татарских кумай⁵⁵ ни один наш воин не останется.

Чингис-хан обвёл всех присутствующих тяжёлым взглядом. Белки его глаз покраснели из-за многодневного недосыпания, а веки припухли от пыли, набившейся в них за время битвы.

— Татары — кровные враги Борджигинов, — медленно проговорил он. — Или вы забыли, кто отравил Есугея-багатура? Или вы не Борджигины, Хасар, Бельгутей?

— Но мы ведь отомстили за отца, — неуверенно подал голос Тэмуге. — Сегодня куда сильнее отомстили, чем в прошлый раз. Сровняли с землёй татарские курени, забрали себе их женщин и детей! Мужчины татарские станут нашими богами — чего ещё ты хочешь?

— Я хочу... чтобы их души отправились туда, где сейчас живёт душа нашего отца. Пусть он с них спрашивает за все их подлые поступки.

— Но ведь пленных так много! — воскликнул Бельгутей. — И ты хочешь их всех убить? Это совсем не в наших обычаях, брат.

— Мои нукеры не должны довольствоваться ветхими обычаями, им пора научиться жить по-новому, — твёрдо сказал Чингис-хан, поднимаясь на ноги.

Он вынул из ножен короткий меч, повелительно устремил его остриё в толпу пленников и, возвысив голос, проговорил решительно:

— Заставьте их захлебнуться в собственной крови. Хотя нет: дети, которые ростом не достигли тележной оси, пускай живут. Их мы обратим в рабов и раздадим по разным местам. Остальных же повелеваю предать смерти.

Затем разыгралась драма, память о которой донесла до нас «Тайная история монголов»⁵⁶:

«Когда, по окончании совета, выходили из юрты, татарин Еке-Церен спросил у Бельгутея: «На чём же порешил совет?» А Бельгутей говорит: «Решено всех вас предать мечу, равняя по концу тележной оси». Оказалось потом, что Еке-Церен оповестил об этих словах Бельгутея всех своих татар, и те собрались в возведённом ими укреплении. При взятии этих укреплений наши войска понесли очень большие потери. Перед тем же, как наши войска, с трудом взяв татарские укрепления, приступили к уничтожению татар, примеривая их по росту к концу тележной оси, — перед тем татары уговорились между собою так: «Пусть каждый спрячет в рукаве нож. Умирать, так умрём, по крайней мере, на подушках из вражеских тел». Вследствие этого наши опять понесли очень много потерь. Тогда, по окончании расправы с татарами, которых примерили-таки к тележной оси и перерезали, Чингис-хан распорядился так: «Вследствие того, что Бельгутей разгласил постановление Великого семейного совета, наши войска понесли очень большие потери. А потому в дальнейшем он лишается права участия в Великом совете...»

Таким образом татары перестали существовать как самостоятельный народ; а те немногие, кому посчастливилось выжить, влились в стремительно разраставшуюся орду Чингис-хана.

⁵⁵ Кумай — наложница.

⁵⁶ Рукопись, много веков остававшаяся спрятанной в Тайном архиве императорской библиотеки в Пекине. Текст этот был открыт для европейцев в XIX веке русским иеромонахом Палладием (в миру Кафаровым) и стал одним из основных источников сведений о Чингис-хане. Многие ученые склоняются к тому, что «Тайную историю» написал в 1228 году сводный брат Чингис-хана Шикикан-Хутуху, первый среди монголов освоивший письменность.

По иронии судьбы среди полонянок хану приглянулись две сестры — Есуй и Есуган, которые оказались дочерьми непокорного Еке-Церена. Он велел привести обеих к себе в юрту и провёл с ними ночь (юные пленницы понимали, что решается их судьба, потому очень старались угодить — и это им удалось). Наутро хан-победитель, невыспавшийся, но убажанный сверх всякой меры, с довольной улыбкой на губах оделся и сказал дочерям Еке-Церена:

— Никогда прежде не скакал я на двух кобылках одновременно, а теперь вот довелось. Видит Вечное Небо, до чего мне это понравилось!

Он огладил ладонями лицо Есуган, затем — её тонкую шею, покатые плечи и упругие груди. Внимательно всмотрелся ей в глаза, точно пытаясь угадать, не притворялась ли татарка ночью, когда извивалась под ним со страстными стонами. Затем перевёл взгляд на Есуй — румяную, налитую молодыми жизненными соками — и ласково потрепал её за щеку.

— Вы столь похожи друг на дружку, что несколько раз мне причудилось, будто меня обнимает с двух сторон одна и та же красotka.

После этих слов он направился прочь из юрты. Лишь на выходе, уже откинув полог, задержался на несколько мгновений: подставил лицо опахнувшему его порыву осеннего ветра, ощутив, как колкая остуда потекла по коже — затем обернулся и объявил:

— Возьму вас в жёны. Хочу, чтобы наши скачки повторялись всегда, когда мне этого захочется.

Есуй и Есуган никак не ожидали подобного оборота событий. Их единственным желанием было остаться в живых. Но выйти замуж за убийцу своего отца, безжалостного истребителя всего татарского племени! При одной мысли об этом обе содрогнулись. Впрочем, выхода у них не имелось. Сёстрам повезло, что Чингис-хан удалился, не успев заметить выражение ужаса, застывшее на их лицах.

Страсть к Есуй и Есуган обрушилась на хана внезапно, точно выскочивший из засады барс. Он чувствовал себя помолодевшим и не переставал удивляться, сколь широко его сердце открылось радостям жизни. А сёстры погоревали немного, однако вскоре смирились. Ведь что ни говори, положение ханш намного привлекательнее, чем участь бесправных невольниц в убогой юрте какого-нибудь простолюдина-харачу. Птица крыльями гордится, а женщина — мужем. Да и постельные утехи (властительный супруг взял за правило призывать их на ложе вдвоём) доставляли обеим столь большое удовольствие, что вскоре не стало нужды притворяться перед ханом. Так порой случается в жизни: ненависть превращается в любовь. Это и вышло с Есуй и Есуган: они полюбили мужа, охотно деля супружеское ложе на троих, и постарались забыть о бедствии, постигшем их народ. Боль минувшего утихла, тяжёлые мысли о грядущем не бередили их сердца, а настоящее вполне устраивало сестёр, окружённых достатком, всемерными удовольствиями и таким благополучием, о каком прежде им не приходилось и мечтать.

Бортэ поначалу сильно ревновала Чингис-хана к его новым жёнам. «Хорошие всходы — на чужом поле; красивые женщины — чужие женщины, — шипела она на ухо мужу, кося неприветливым взглядом на Есуй и Есуган. — Всех резвых кобылиц не сделаешь своими, только зря силы растратишь: вытянут они из тебя соки, сведут в могилу». Но хан в ответ только понимающе усмехался и гладил её по голове, точно ребёнка: «Ничего, меня и врагито в могилу свести не сумели. Я многое могу выдержать, кому это знать, как не тебе». Да, она знала. И не имела возможности воспротивиться тому, что случилось, не могла восстать против исстари заведённых обычаев: мужчина всему голова в семье и волен взять столько жён, сколько в состоянии содержать. А ещё Бортэ была по-женски мудра и понимала: зов страсти — это самое неодолимое и сиюмоментное из всего, что существует в мире. Потому у неё достало сил набраться терпения и выждать, пока муж насытится свежими прелестями юных тел, — и тогда

она с удовлетворением отметила, что всё реже он призывает к себе на ложе «этих татарок» и всё ласковее становится с нею, с Бортэ... Старая любовь не ржавеет.

И она сменила гнев на милость.

Прошло ещё немного времени — и хан вновь, как прежде, стал принимать подданных в своей юрте, лёжа в постели с Бортэ. Укрытые овчинным покрывалом, они прижимались горячими телами друг к другу. Чингис-хан выслушивал нойонов и просителей; кому-то давал распоряжения, кого-то распекал за провинности, а сам мягко поглаживал рукой её груди и живот, её колени и бёдра. А иногда не мог сдержаться: оборвав посетителя на полуслове, велел ему убраться прочь — и, отбросив в сторону покрывало, переваливался на Бортэ, раздвигал ей ноги и с блаженным стоном входил в её зовущее лоно. И языки пламени в очаге принимались плясать веселее, точно стараясь подладиться под ритм движений двоих — стремившихся склеиться воедино — людей... И два сердца, трепеща, изливались друг в друга.

О, ни одну из своих жён Чингис-хан не любил так, как её, она это знала!

И в следующем году, когда он женился на Ясунсоен-беки, дочери ван-хана Тогорила, Бортэ восприняла это уже более спокойно. К слову, Ясунсоен-беки, как и все кераиты, была христианкой-несторианкой, и сыновья Чингис-хана от этого брака также приняли христианскую веру.

...Год от года разрастался гарем великого хана. На закате жизни у него было двадцать шесть жён и несколько тысяч наложниц, из коих далеко не каждой выпадало счастье провести ночь со своим хозяином и повелителем.

Всё же до конца своих дней он более всех прочих любил Бортэ.

Впрочем, о Есуган и Есуй хан тоже не забывал, продолжая время от времени делить с ними ложе. Он даже порой брал их с собой в походы, дабы по ночам, в часы, когда смолкали звуки сражений, находить отдохновение в объятиях сестёр. Поистине — сколько былинки в степи и листья в лесу, столько тропинок находят чувства к сердцу человека.

С годами Есуй и Есуган родили Чингис-хану детей и пользовались всеми благами и почётом, какие подобают ханским жёнам.

Глава шестая. Заклятые друзья и кровные враги

*Чтоб мщение стать справедливым могло,
Лишь злом воздавать подобает за зло.
Абулькасим Фирдоуси*

Интриги Джамухи достигли цели: ему удалось-таки привлечь на свою сторону ван-хана Тогорила. Случилось это летом в год Свиньи (1203). Совсем недавно в Чингисовом улусе отметили праздник первого айрага. День, когда Небо позволяет начать доение кобылиц и пахтать айраг, по заведённому обычаю определил шаман Кокочу по прозвищу Тэб-Тэнгри, а затем Чингис под его камлания окропил молоком землю и воздух. Айраг являлся одним из основных продуктов питания у степных кочевников, и теперь люди могли восстановить силы после довольно голодной зимы и скудной весны. Поэтому настроение у всех было приподнятое. И тут как гром среди ясного неба грянула весть о новой войне. Джамуха и Тогорил, объединившись, выступили в поход на Чингис-хана, намереваясь захватить его врасплох. Это им удалось бы, если б не вмешался случай: двое пастухов предупредили Чингиса о приближающейся опасности — и тот, успев собрать несколько тысяч верных нукеров, бросил их против трёх туменов неприятельского войска.

Неравная битва началась в полдень и продолжалась до поздних сумерек. Когда противники разошлись, у Чингис-хана оставалось немногим более двух с половиной тысяч воинов. Понимая, что с такими силами он на следующий день неминуемо потерпит поражение, хан решил не искушать судьбу. И под покровом ночной темноты увёл своё потрёпанное войско прочь.

Отступали труднопроходимыми горными тропами. А когда противник потерял их след, спустились на равнину и стали собирать подкрепления.

А Джамуха с Тогорилом решили, что бежавшему от них Чингис-хану никогда более не удастся вернуть себе прежнее могущество, и разъехались по своим улусам.

Они ошиблись.

Чингисово войско, плавной дугой двигаясь по степи, отдохнуло и откормило коней. День за днём усиливалось оно подходившими со всех сторон подкреплениями.

Тяжело уязвлённый предательством Тогорила, Чингис-хан срывал зло на Ясунсоен-беки:

— Молись своему богу креста, чтобы я сохранил жизнь этому старому кулану! Да вряд ли вымолишь. Уж как попадёт он мне в руки — не дождётся пощады! Я верил, что наша дружба непоколебима, но горько ошибся! Долго же он не показывал своё гнилое нутро! Одних людей годы умудряют, а у других отнимают остатки разума, как у твоего отца! Зато мне пока далеко до старости: могу не беспокоиться, что не успею отомстить всем недругам и предателям, а Тогорилу — первому из них! Думаю, недолго осталось держаться на плечах его пустой голове!

...Не сказать, чтобы ван-хан не чуял за собой греха. Но всё же скоро успокоился, ибо с возрастом чувство опасности у многих людей притупляется.

И настал день, когда Чингис-хану удалось вывести, что Тогорил распустил кераитских воинов по родным куреням, а сам пребывает в полной безопасности, проводя время в весёлых пирах.

Он не мог упустить такую возможность. И бросил своих нукеров в стремительный набег на кераитов.

Ночью они окружили ставку Тогорила. Дозорных удалось убить, прежде чем те успели поднять тревогу. Как снег на голову свалились монголы на неприятельский стан, издавая воинственный клич:

— Ур-ра-а-агша!

Теперь для кераитов путей к отступлению не существовало. Они не ожидали нападения и оказались в западне. Не оставалось ничего, кроме как принять удар и драться, чтобы выстоять или полечь как один в бою.

Подобные призракам ночи, в зловещем свете ущербной луны налетали со всех сторон монгольские багатуры на врагов. Застигнутые врасплох кераиты едва успели похватать оружие и отвязать своих скакунов от коновязей. Теперь среди них очень немногие сражались в доспехах из дублёной бычьей кожи; большинство же было полуодето, а иные — и вовсе раздеты. Женщины и дети в смятении металась по стану, ища путь к спасению и не находя его. Впрочем, не все кераитские жёны поддались панике, некоторые помогали мужьям обороняться: укрываясь за юртами и кибитками, они стреляли из луков, и выпущенные ими стрелы с орлиным оперением разили нападавших.

— Ур-р-ра-а-агша-а-а! — вылетало из пугающих окрестных пространств и трепетало, разносилось, несмолкаемо кружило над головами. — Ур-р-ра-а-агша-а-а!

Выпадали из сёдел сражённые воины. Изрубленные мечами, пронзённые стрелами и копьями, они валились на истоптанную землю, щедро окроплённую кровью. Те, кому не посчастливилось испустить дух мгновенно, встречали смерть под копытами разгорячённых скакунов. Повсюду носились всадники, ожесточённо сшибаясь и разя друг друга острой сталью, разбивая щиты и головы врагов, двигаясь по месиву человеческих тел и едва не увязая в нём; боль и гибель без усталости слетали с их клинков, не зная пощады.

Блеяли испуганные овцы и надсадно ревели ослы. Собаки заходились лаем, который то тут, то там сменялся предсмертным визгом. Над ханским шатром, над широким кольцом юрт, над разбросанными и дымно затухавшими кострами, над клокочущим человеческим столпотворением не смолкали конское ржание и топот копыт, звуки ударов и хруст костей, крики раненых и стоны умирающих. А над всем этим невообразимым смешением звуков распускался и ширился, перекатываясь волнами, боевой клич монголов:

— Ур-р-ра-а-агша-а-а!

Кераиты защищались с ожесточением и упорством обречённых, стараясь подороже продать свои жизни, однако выстоять они не могли. Это понимали и нападавшие, и оборонявшиеся.

Участь Тогорила была предрешена.

Этой ночью Чингис-хан доказал, что своевременное бегство может обернуться победой.

Схватка продолжалась недолго. К утру смертные звуки рассыпались над степью, стали быстро сходиться на нет — и наконец растворились в багровом рассветном зареве.

Кераиты потерпели сокрушительное поражение.

Место побоища было устлано телами убитых. Человеческая и конская кровь впиталась в землю, удобнив травы грядущих времён. Впрочем, мёртвым это было всё равно, а у живых имелось множество насущных забот, чтобы не забивать себе головы сколько-нибудь продолжительными мыслями о подобных вещах. Вблизи и вдали, там и сям — до самого горизонта, куда ни кинь взор — среди мертвецов бродили усталые кераитские лошади: большинство из них были без седоков, но иные волочили по смятой траве своих изрубленных, пронзённых копьями и стрелами хозяев, чьи ноги запутались в кожаных стремях... Для победителей настала пора сбора трофеев и дележа добычи.

...Ван-хан получил ранение; однако (это Чингис-хан и его воины могли объяснить лишь вмешательством высших сил) ему и его сыну Нилха-Сангуну удалось в сумятице боя скрыться

и бежать в страну найманов. Там Тогорила обезглавили, и Таян-хан найманский, оправив в серебро череп ван-хана, сделал из него чашу. А сын Тогорила Нилха-Сангун, брошенный всеми, бесследно сгинул в пустыне. Правда, позже возникли слухи, что ему с горсткой нукеров удалось добраться до земли тангутов, где они приступили к грабёжам — и против них послали тангутские войска, вытеснившие их на запад, во владения уйгуров. Там Нилху-Сангуна оставили последние спутники, и он скитался в одиночестве от колодца к колодцу, жалкий и оборванный, пока в оазисе Куча его не убили местные крестьяне. Впрочем, скорее всего, это были только слухи, ибо никто из монголов более не видел Нилху-Сангуна, и следы его канули в пучине истории. Но Чингис-хана мало заботила судьба этого ничтожного человека.

— Ван-хан был воином, хоть и пошёл против меня, — сказал он. — А Нилха-Сангун — даже если когда-нибудь и вернётся сюда — никому здесь не нужен. Что бы с ним ни случилось, его участь не может оказаться благополучной. Потому что он рождён бесчестным и малодушным по воле Вечного Неба и другим стать не способен. Нет ему больше места в степи.

Многих кераитов Чингис-хан раздал в рабство, а их улус присоединил к своим владениям. Взял он себе здесь и новую жену, девушку по имени Ибаха-беки. Была она старшей дочерью Чжаха-Гамбу, брата Тогорила. Младшую же дочь Чжаха-Гамбу — Сорхатхани-беки — хан отдал в жёны своему тринадцатилетнему сыну Тулюю.

Минует три года, и Чингис — в качестве награды за ратные подвиги — подарит наскучившую ему Ибаху-беки нойону Джурчедаю.

— Она будет тебе хорошей женой, уж я-то знаю, — скажет ему хан. — Ибаха молода, и красота её ещё не скоро поблекнет, как стёршаяся от долгого хождения монета. С ней отдаю в приданое всё её имущество и стада, и боголов, которые ей прислуживали. А детей, которых Ибаха станет рожать для тебя, я возвышу и велю народу почитать их, как если бы они произросли от моего семени.

Злые языки за спиной Джурчеда — не без оглядки, а всё же примутся судачить:

— Когда чья-нибудь старая вещь переходит в другие руки, она становится новой. Что уж говорить о ханских жёнах.

— Упаси небеса от таких подарков.

— Куда денешься: коли до тебя очередь дойдёт, и ты примешь траченный товар с поклонами. Ведь отказаться невозможно.

— И не передаришь никому.

— Какой там! Ни передаривать, ни обижать не станешь. Будешь холить и лелеять, если хочешь сохранить голову на плечах.

— Принять к себе бывшую ханскую жену — всё равно что пустить соглядатая в свою юрту.

— И то сказать: как только Ибахе станет что-нибудь не по нраву, она вольна пожаловаться на нового мужа.

— Ну, это вряд ли. Не побежит Ибаха с жалобами.

— Побежит или нет, а всё же Джурчедаю, должно быть, боязно укладывать её на свои войлоки.

— Может, боязно, а может, и любопытно.

— Чтобы утолить любопытство, достаточно одной ночи, от силы — двух-трёх. А им жить столько трав вместе.

— Не знаю кому как, а во мне бы боязнь пересилила...

Впрочем, Джурчедаю будет и горя мало: жён-то у него имелось предостаточно, куда дороже ханская милость!

Более завидной доля окажется у Сорхатхани-беки. Став старшей женой Тулюя и матерью будущих ханов Хубилая, Мункэ, ильхана Хулагу и претендента на престол Ариг-Буги, она

после смерти мужа сосредоточит в своих руках большую власть и будет пользоваться почётом и уважением у монголов.

Джамуха... Память о нём болела в душе Чингис-хана. Но так уж водится среди людей: только любовь и дружба уходят навсегда, а ненависть возвращается снова и снова. Разрыв между андами стал глубок, словно вековая трещина в горной породе. Примирение было невозможно: велика степь, а места для двоих в ней оказалось мало.

— Убью его, — говорил себе Чингис, перебирая в уме всё то зло, которое ему довелось претерпеть от побратима-предателя. — Недолго осталось нам ходить под одним небом. Обязательно убью!

И вместе с тем он понимал, что нетерпение сродни опрометчивости. Да и не чувствовал в себе полной уверенности, что поступит с Джамухой именно так, как говорил. Оттого не торопил события. Надеялся: случай сам управит его поступками, когда дойдёт до дела.

Впрочем, анда — точнее, память о нём — это единственное, что омрачало настроение хана в последнее время. Остальное складывалось как нельзя лучше.

Всё легче распоряжался Чингис-хан чужими жизнями, всё выше возносился над простыми смертными, почти не задумываясь об этом. Лишь изредка — когда выдавался спокойный тихий вечер в своей юрте, у очага, в кругу домочадцев — посещала хана отрадная мысль: вот оно, пришло долгожданное время, когда начинает сбываться то, о чём давно мечталось. Год от года ширится и крепнет его власть. Больше ему некого бояться в степи, не от кого стеречься. Никто не посмеет нарушить его покой, никто не оскорбит и не причинит ему боли, как это не раз случалось в далёком детстве. Наоборот, теперь именем грозного Чингис-хана враги пугают своих детей. Зато его соплеменники, крепко спаянные общими желаниями и надеждами, готовы в любой день, не задаваясь лишними вопросами, седлать лошадей, чтобы отправиться вслед за своим ханом в очередной набег, сулящий каждому славу и несомненную выгоду. Вот какая хорошая жизнь настала! Ради неё стоило терпеть лишения и невзгоды; а что она омыта реками чужой крови — ну так не могут же все быть победителями. В степи испокон веков жили по принципу: пусть молнии несчастий испепелят юрты соседей, а наш курень обойдут стороной. Наверное в том и заключается высшая справедливость, что небо благосклонно к сильнейшим и достойнейшим.

Когда Чингис-хан думал об этом, необычайно тепло становилось у него на душе.

Правда, всё меньше выдавалось спокойных тихих вечеров в кругу домочадцев. Потому что с каждым днём прибавлялись неотложные заботы. Время тихих событий давно осталось позади — теперь они летели вскачь: всё быстрее, всё головокружительнее.

Джамуха после поражения ван-хана нашёл убежище у найманов и принялся подстрекать Таян-хана найманского против Чингиса. И поддался Таян-хан, стал искать союзников для войны с монголами. Весной в год Мыши (1204) он сговорился о совместных действиях с меркитами, а затем отправил к Алакушу-тегину, хану племени онгутов, посланника с письмом:

«Сказывают, что в северных пределах появился новый государь по имени Чингис-хан. Мы знаем только точно, что на небе есть двое: солнце и луна, но каким образом будут два государя царствовать на этой земле? Будь ты правою рукою моею и помоги мне войском, чтобы мы могли взять его колчан⁵⁷».

Осторожный Алакуш-тегин, не пожелав воевать с монголами, известил Чингис-хана о нависшей над ним угрозе. И тот, немедленно собрав курултай, заявил своим нойонам:

— Думал я, что мы добились мира, победив одних врагов и устранив других. Но это было ошибкой, снова зложелатели не дают нам покоя. Таян-хан найманский и предатель Джамуха

⁵⁷ Взять его колчан — т.е. отобрать власть.

собирают племена, чтобы прийти с войной в наш улус. Видно, прав Таян-хан: один правитель должен быть у людей — только тогда они смогут жить в мире и согласии. Что ж, достоинство каждого дела заключается в том, чтобы оно было доведено до конца!

Видя, как Чингис-хан идёт от победы к победе, даже самые маловерные уже не сомневались в том, что самим Менкэ-Кеке-Тэнгри⁵⁸ ему предопределено править народами. Поэтому на курултае именитые посланцы от разных племён единодушно поддержали его решение: упреждая врага, идти на Алтай, в страну найманов, и там разбить Таян-хана.

Не ожидавшие нападения найманы были застигнуты врасплох, когда монголы вторглись в их земли. Орда Таян-хана превосходила по численности монгольское войско, но у страха глаза велики, и Таян-хан отступал, не решаясь дать сражение; а по пути от него откалывались, сворачивали в сторону и бежали прочь многие родичи и знатные нойоны со своими семьями. Это отступление продолжалось до тех пор, пока Таян-хан со значительно поредевшим войском не попал в окружение на возвышенности Наху-гун.

Решающая битва началась вечером. С устрашающими криками помчались на врага монгольские багатуры, пуская в ход сперва стрелы, затем копыя; и наконец, сойдясь в ближнем бою, стаскивали врагов с сёдел при помощи волосяных арканов и острых крючьев, прикреплённых к древкам пик. И добивали их короткими мечами и кривыми саблями. Кони в исступлении кусали неприятельских всадников и друг друга. Некоторое время найманы пытались оказать сопротивление: с яростью отчаяния наскakивали они на врагов, обменивались с ними ударами, но очень скоро валились наземь, изрубленные, обливающиеся кровью. Ни выстоять, ни спасти свои жизни они не имели шансов.

К утру всё стихло. Найманы были разбиты, Таян-хан погиб в сражении, а его сын Кучлук бежал с остатками найманского войска.

Вновь удалось ускользнуть и неуловимому Джамухе.

— Ничего, мы его столько раз били, что теперь за ним никто не пойдёт, — холодно щурясь и покручивая пальцами правый ус, сказал Чингис-хан. — Кому он нужен? Пусть анда скитается по краям мира, как старый хромоy дзерен⁵⁹, пока не издохнет от усталости. А может, ко мне приползёт просить милости. Только прежде чем он её получит, уж я припомню ему, как он варил в котлах моих нукеров.

Да, он победил. В очередной раз доказал всем, что с недавних пор ему не стало равных в степи, и впредь будет только так, и никак иначе... Однако Джамуха снова ускользнул у него из рук. И досада осталась.

«Ладно уж, — осадил он себя. — Даже самый счастливый человек не получает всё и сразу».

Зато с описанного дня не стало на Алтае найманской страны: вся она, с её народом, вошла в Чингисов улус. Здесь же сдались хану и племена, шедшие прежде за гурханом Джамухой: джадаранцы, хатагинцы, сальджиуты, дорбены и многие другие.

Привели к нему Гурбесу, жену Таян-хана. Когда та была молода, по всей степи разносилась молва о её редкостной красоте. И сейчас ещё Гурбесу сохранила следы былой привлекательности: стройный стан, как у юной девушки, гладкое лицо без единого намёка на морщины, большие, слегка раскосые глаза с бархатистым взглядом... Воистину в юности она должна была сражать мужчин наповал!

Горделиво, не склоняя головы, стояла Гурбесу перед ханом-победителем. И это его рассердило:

— Обычно пленные молят о пощаде, целуя мои гутулы. Что же ты молчишь-то, словно Великий Тэнгри подарил тебе вечную жизнь?

⁵⁸ Менкэ-Кеке-Тэнгри — Вечное Синее Небо.

⁵⁹ Дзерен — азиатская степная антилопа.

— Вечную жизнь мне подарить может только наш бог Иисус⁶⁰, — ответила женщина, и её взгляд светился прозрачным льдом. — А от твоего идола мне ничего не надо. И у тебя просить пощады не собираюсь, ведь ты способен только втаптывать жизни в прах. Убей меня, я готова к смерти.

— Э-э-э нет, не будет у тебя лёгкого конца. Мне ведь рассказали пленные нойоны, что это ты вместе с Джамухой подбивала Таян-хана идти на меня войной. Мало тебе было найманского улуса, ещё и моего захотелось? Могла бы жить спокойно — так нет же! Добилась того, что Таян сделался вороньей поживой... Чего не хватало тебе? Почестей? Богатств? Славы? Так получишь от меня славу — такую, что сохранится и через много трав после твоей смерти.

— Ты убил моего мужа, — сказала Гурбесу. — И ничего худшего уже сделать мне не сможешь.

— А вот сейчас увидишь, — недобро усмехнулся в усы Чингис-хан. — Доложили мне, будто ты говорила, что от монголов дурно пахнет. Что ж, хоть ты уже и немолода, но сегодня я брошу тебя на своё ложе, и пусть монгольский запах войдёт в твою плоть навсегда. Посмотрим, сумеет ли помочь тебе твой голый бог на кресте.

Сказав это, он развернулся к ней спиной и направился к своей юрте. Задержался у входа, сделал знак нукерам и, откинув полог, шагнул внутрь.

Гурбесу тотчас подхватили под руки. Она зарычала раненой тигрицей и стала отчаянно отбиваться. Но все её усилия были тщетны: женщину проволокли следом за ханом и бросили на войлочное ложе. Затем невозмутимые нукеры вышли наружу и встали по обе стороны от входа в юрту, уперев в землю короткие копыя.

...Из юрты долго доносились отчаянные крики и звуки борьбы. Но крики становились всё тише и вскоре сменились редкими стонами. А затем наступила тишина.

Прошло время, достаточное для того чтобы неторопливому всаднику несколько раз появиться с одной стороны горизонта и скрыться с другой, прежде чем хан вышел наружу.

— Хоть и не из молоденьких эта кобыла, а ведь и не очень стара ещё, норовиста и вынослива, — лениво выговорил он, обратив лицо к группе собравшихся поблизости нойонов. И, щурясь от ярких лучей неторопливо поднимавшегося в зенит солнца, добавил:

— Оставляю её себе. Медленная месть намного слаше, чем быстрая. Чтобы распробовать мясо, надо его как следует разжевать. Поханствовала вдоволь Гурбесу — теперь же может только шипеть, как кобра, вставшая на хвост. Да и зубы у этой кобры я вырвал... Ничего, пусть поживёт и поучится покорности у моих молодых жён.

Нойоны почтительно молчали. Им не было дела до судьбы знатной пленницы.

Хан ещё недолгое время постоял подле входа в юрту, обратив рассеянный взор в испещрённую цветущими маками степь и слушая раздававшуюся поблизости жизнерадостную песню жаворонка. А потом зашагал прочь.

В последующие дни, когда у Чингис-хана возникала такая прихоть, он призывал Гурбесу к себе в юрту и употреблял её — иногда быстро, не раздеваясь, но чаще оставлял на всю ночь. Она уже не сопротивлялась, она сделалась покорной и ласковой. Такой, что со временем хан, дивясь женской природе, стал забывать о прежней вражде. А потом женился на Гурбесу. С тех пор она сидела на пирах вместе с другими ханскими жёнами, а когда он желал — делила с ним ложе... Прошлое миновало, а в настоящем человеку требуется не так уж много. На войлоке, подле уютно потрескивавшего огня в очаге, чувствуя в себе горячую плоть Чингис-хана и смешивая свой пот с его потом, Гурбесу уже не удивлялась тому, что ей бывает хорошо с некогда внушавшим омерзение человеком, убийцей её прежнего мужа и безжалостным гонителем всего найманского племени. Не зря говорят, что даже одна маленькая радость может разогнать

⁶⁰ Найманы, как и кераиты, были христианами.

тысячу больших горестей, а судьба подобна колесу движущейся кибитки: крутится, не зная остановки, и в свой черёд меняет верх с низом, а низ — с верхом.

Всё меньше оставалось тех, кто не желал склонить голову перед новым владыкой степи и решался ему противодействовать. До недавнего времени не было редкостью, когда на обширных степных просторах возникали, крепили и разрастались новые улусы, а старые усыхали под ударами соседних племён, теряя людей и пастбищные угодья, или вообще переставали существовать, откочёвывали, погибали. Теперь же всё вокруг рассыпалось и разбегалось, таяло и умирало — рос, как на дрожжах, только улус Чингиса, его молодое ханство.

Крепко врезались Чингис-хану в память слова найманского Таян-хана о том, что у людей должен быть один правитель. Чем дольше он об этом размышлял, тем более утверждался в мысли: всё верно, именно так и следует устроить мир ко всеобщему спокойствию и безбедному существованию. Лишь объединившись под одной сильной рукой, перестанут ханы и нойоны враждовать между собой, ведя бесконечные войны за лучшие пастбища, за скот, за влияние на соседей. Уж тогда никто не станет зариться на чужое добро!

Да, у людей должен быть один правитель, один на всех владыка и господин, вождь и повелитель, и таким повелителем станет он, Чингис-хан. Он уже объединил под своей рукой половину степных народов — и теперь должен довести дело до конца.

И он не допускал промедления. Вскоре после победы над найманами, осенью того же года Мыши, собрав большое войско, Чингис-хан вторгся в улус кровных своих врагов — меркитов. Тех самых, что некогда украли его жену и осквернили её.

Без труда разбил он хана Тохтоа-беки при урочище Харадал-хучжаур и захватил весь его улус. Правда, самому Тохтоа-беки удалось спастись бегством, уводя остатки разгромленного войска далеко на запад.

Меркитский народ был покорён, а его земли заплотнили орды Чингис-хана, разоряя курени, угоняя в рабство женщин и детей, а мужчин — небольшими группами, чтобы не могли взбунтоваться — распределяя по своим сотням и тысячам. Теперь уже никто и не помышлял о сопротивлении.

Усталость и страх овладели главой хаас-меркитского рода Даир-Усуном. Он оказался в западне: бежать было некуда, ибо со всех сторон рыскали отряды вражеских нукеров, а сдача в плен и изъявление покорности с его стороны не помогли бы Даир-Усуну сохранить голову на плечах, поскольку он участвовал в давнем похищении Бортэ, и Чингис-хан наверняка пожелал бы жестоко расправиться с одним из своих обидчиков. Тогда хитрый нойон решил на последнее средство: взяв свою дочь, юную красавицу Хулан, Даир-Усун отправился с ней напрямик в стан Чингиса.

— Тысячу благ тебе, каган, тучных трав твоим стадам и преуспевания всему улусу, — сказал он, потев от страха. — Вот, привёз показать тебе своё дитя, прекраснейший из цветков, когда-либо распускавшихся на просторах степи под луной и солнцем.

— Чего ты хочешь? — холодно спросил Чингис-хан.

Лицо Даир-Усуна, точно старая квашня, расплылось в подобострастной улыбке:

— Хулан — это самое дорогое, что у меня есть, и если великий хан согласится принять мой дар, я буду счастлив.

— Привёз мне лакомую ягоду, от сердца оторвал, — с медлительной неопределённостью промолвил Чингис-хан, испытующе уставившись на заклятого врага. — Каждый дар хорош, если он преподнесён вовремя.

— Я совершил ошибку, поддержав тех, кто выступил против тебя, — в голосе главы хаас-меркитского рода всё явственнее звучали заискивающие нотки. — Но говорят же: большой человек не считает ошибок маленьких людей. Надеюсь, моя дочь послужит хорошим залогом нашей будущей дружбы и поможет тебе забыть старые обиды.

Воцарилось продолжительное молчание.

Избегая встречаться взглядом с ханом-победителем, Даир-Усун неловко переминался перед ним и не знал, куда девать руки, точно провинившийся богол в ожидании наказания. «Бойтся смерти, — выдерживая паузу, удовлетворённо подумал Чингис. — Нойон явно не из тех людей, что готовы без колебаний идти до конца. Дочь ему дорога, но жизнь ещё дороже. Забыл, наверное, поговорку старый дурак: в огне нет прохлады, во мраке нет покоя».

Однако девушка не оставила Чингис-хана равнодушным. Длинноногая, крутобёдрая, с резкими выразительными чертами и большими миндалевидными глазами — такая способна внушить желание любому мужчине.

Впрочем, он был не столь прост, чтобы поверить этому искательно вилявшему хвостом облезлому меркитскому псу.

— Что-то долго ты решался расстаться со своим сокровищем, — наконец едко заметил он. И, усмехнувшись в усы, скрестил руки на груди:

— Понимаю, ничего другого не осталось у тебя, Даир-Усун, да и бежать уже некуда... Снаружи ягодка красива, но, может, внутри кисла? Мои нукеры без спроса берут в покорённых улусах всё, что им понравится. И неужто никто из них не пожелал отведать твоей красотки-дочери? Наверное, ею уже успели вдосталь попользоваться — вот ты и приехал сюда, чтобы сбыть с рук подпорченный товар.

— Это не так! — оскорблённо вскричал нойон. Затем осёкся, вспомнив о своём безвыходном положении. И согнулся в низком поклоне.

— Я всем говорил, что везу Хулан к тебе, и на любого, кто к ней прикоснётся, падёт суровая кара, — признался он, вернув своему голосу более подобавшие моменту смиренные интонации. — Потому нас никто не посмел тронуть.

Тут вмешалась дочь Даир-Усуна.

— Зачем обвиняешь меня, хан? — запальчиво воскликнула она. — Не надо пытаться мутить чистую воду! Разве трудно тебе проверить, девушка я или нет?

Хулан хоть и выглядела поначалу изрядно напуганной, однако теперь в ней говорила уязвлённая гордость — и прежней скованности как не бывало. Словно налетевшим из степи порывом весеннего ветра сдуло с девушки робость. Это понравилось Чингис-хану.

— Можно и проверить, — охотно согласился он. А сам подумал: «Кобылица — ни дать ни взять, статная племенная кобылица. И характер чувствуется. Такая если захочет, проникнет не только во вражеский стан, но и сквозь скалу ухитрится пройти».

По его распоряжению женщины увели Хулан в юрту. Отсутствовали довольно долго — Чингис и Даир-Усун истомились ожиданием. Зато после осмотра почтенные монгольские матроны подтвердили, что дочь нойона ещё не успела изведать близости с мужчиной.

— Это хорошо, — пуще прежнего повеселел хан. — Потому что ты мне приглянулась, Хулан: крепкая, бойкая, и ноги — как у резвой кабарги. Да ещё и благоразумная, как я вижу.

Немного помедлив, он ещё раз уверенно, по-хозяйски оглядел раскрасневшуюся от волнения девушку. От неё исходило обаяние цветущей молодости. Густо смазанные маслом волосы Хулан блестели на солнце. Они были заплетены в тугую длинную косу. И Чингис-хан, зажмурившись, представил, как дочь Даир-Усуна станет расплетать эту косу, вынимая из неё пёстрые ленты... а затем его шею обовьют эти тонкие смуглые руки, униженные звенящими при каждом движении затейливыми золотыми браслетами... и тело Хулан, зовущее, упругое, с кожей цвета солнечных лучей, прильнёт к нему, и подарит ему наслаждение, и с блаженными стонами примет в себя его семя... Он хотел этого, да!

И Чингис-хан объявил своё решение:

— Ладно, Хулан, так и быть, возьму тебя в жёны... А ты, Даир-Усун, оказывается, изворотлив. Такого вокруг пальца не обведёшь и в молоке чёрного козла не вываришь! Что ж, протянув мне руку дружбы и преданности, ты сделал правильный выбор. Оставайся в моём улусе.

Стремительно разнеслась по степным просторам весть: Чингис-хан объявил своей невестой знатную девушку из хаас-меркитского рода. Из уст в уста передавали друг другу имя счастливой избранницы: Хулан.

А вскоре сыграли свадьбу, на которую съехались родичи и знатные нойоны со всего улуса. Много даров преподнесли сочетающимся под Вечным Синим Небом, бесщётно высказали благопожеланий, веселились и пировали три дня. Так появилась ещё одна жена у великого хана, и стала юная меркитка большой госпожой — ханшей Хулан-хатун.

А через некоторое время Чингис-хан приказал без лишнего шума зарезать трусливого и хитрого Даир-Усуна. Он не забыл, что глава хаас-меркитского рода был в числе тех, кто отнял у него Бортэ и предал её бесчестью. Среди тех, благодаря кому в его семье проросло презренное меркитское семя. Всем вокруг следовало забыть о его позоре, а Даир-Усун являлся живой частицей этой непоправимой беды, одним из немногих носителей постыдной горькой памяти. Оттого хан не мог позволить старику спокойно ходить по земле, дышать вольным степным воздухом и продолжать влачить существование под солнцем.

Зато к весёлой, порывистой, страстной Хулан быстро привязался душой Чингис-хан — и оставался в её юрте на ночь, пожалуй, чаще, чем в юртах других своих жён. И столь нежны были его большие сильные руки, более привычные к мечу, нежели к ласкам, столь пылки были объятия хана, что гибкое упругое тело Хулан трепетало и млело от желания... Так само собой вышло, что недолго она горевала об отце — загнала в тёмные тайники души память о старом Даир-Усуне, который хотел купить себе жизнь, выдав дочь за своего заклятого врага. Ничего не поделаешь, испокон веков степные багатуры забирали силой самых красивых девушек из чужих улусов, безжалостно расправляясь с мужчинами из их рода. Не во власти Хулан было изменить мир, который дышит противоречиями: из розы вырастают колючки, а из колючек — розы; так вершится круговорот добра и зла, и никто не в силах его разомкнуть.

А плодом любви Чингис-хана и Хулан станет сын Кулкан, которому не доведётся дожить до седых волос: он сложит голову в бою во время похода на Русь...

Глава седьмая. На земле должен быть один правитель

*Главное для правителя если не закон, то искусство управления.
Хань Фэй-Цзы
Большие и средние реки не брезгают принимать ручейки и горные
потоки, чтобы наполнить себя и тем самым быть великими.
Мо-Цзы*

После победы над меркитами сердце Чингис-хана не успокоилось. Ведь ушёл Тохтоа-беки со своими сыновьями Худу, Галом и Чилауном, ушла с ними и часть меркитского войска — а значит, его месть была неполной.

И он бросил своих нукеров следом за беглецами, лично возглавив преследование.

В конце концов, такова участь любого настоящего воина: жить в обнимку со смертью, не страшась лишений, не заглядывая далеко в будущее и проводя каждый новый день, как если бы он вмещал в себя целую жизнь. Чингис-хан и его нукеры были привычны к тревожному и полному опасностей походному быту. Всегда в пути, всегда настороже, всегда в предвкушении кровавой жатвы.

Долгой оказалась эта дорога мести. Зазимовать пришлось на южном склоне Алтая. Весной, в год Коровы (1205), бесчисленные полчища монголов перевалили через Алтайский хребет и двинулись далее на запад.

Тем временем меркиты Тохтоа-беки и найманы Кучлука, встретившись, решили дать бой Чингису объединёнными силами. Место сражения они выбрали на берегу реки Эрдыш⁶¹ — с тем, чтобы их воины, видя за своими спинами водный рубеж, понимали: отступать некуда. Однако это им не помогло. Решимость Чингис-хана обрела несокрушимую твёрдость, ничто не смогло бы его утратить и заставить отступить от намеченной цели. Теперь он был готов во всеоружии встретить любое сопротивление.

Чингисовы орды с ходу опрокинули неприятельское войско и, громя его, погнали к реке. Меркиты и найманы стремительно откатывались под этим бешеным натиском — и вскоре многие из них уже не помышляли ни о чём, кроме спасения собственных жизней. Лишь самые отчаянные смельчаки продолжали обмениваться ударами сседавшими монголами, а остальные бежали к реке. Конский топот и крики опьянённых радостью битвы преследователей оглашали окрестности, вились над степью, уносились к небесам. Море звуков бурлило, клочкотало и захлёстывало людей. Тяжёлый запах крови висел над полем битвы, и груды изрубленных тел валялись на земле.

Меркиты и найманы бросались в воду, пытаясь переплыть широкий Эрдыш, а им вослед летели копьё и стрелы — так что мало кому удалось достичь противоположного берега.

...Впоследствии Чингис-хану рассказали, что ещё в начале боя монгольская стрела пронзила сердце Тохтоа-беки. Сыновья, не имея возможности переправить его тело через реку, отрезали голову отца и забрали её с собой.

Те из побеждённых, кому посчастливилось спастись, переплыв Эрдыш, разделились на две группы. Кучлук увёл найманов на реку Чуй, в страну кара-киданей⁶². Меркиты же двинулись на запад и достигли озера Зайсан. Однако и там они не остановились: ужас гнал их прочь от родных кочевий, всё дальше и дальше; они бежали без оглядки от проклятого, непо-

⁶¹ Эрдыш — Иртыш.

⁶² Кидани (китай) — племена монгольской группы, завоевали Северный Китай и образовали на его территории государство Ляо (Железное). Просуществовало Ляо до 1125 г., а затем оно было, в свою очередь, завоевано чжурчжэнями, образовавшими на его территории государство Цзинь (Золотое). От названия киданей происходит современное название Китая.

бедимого, не знавшего пощады рыжего мангуса Чингис-хана. И только в степи, расположенной севернее Аральского моря, встретили меркиты половцев — и те приняли беглецов к себе.

А победители погребли своих мертвецов. Затем развели большой костёр и устроили тризну. Они пили архи, делились друг с другом подробностями битвы, вспоминали бывшие сражения и пели печальные песни:

Прощальные хуры и бубны звучат
И плачут для нас с тобой
О тех, кто уже не вернётся назад,
Кто принял последний бой.
Отважно сражаться, не дрогнуть в бою, —
Для этого воин рождён.
Когда-нибудь все ляжем в землю свою,
Оставив ей тьму имён.
Грохочет железо, сверкают мечи,
И стрелы певуче звучат.
Под солнцем слепящим и в тёмной ночи
Вперёд багатуры летят.
Под каждым — могучий стремительный конь,
Копыта стучат, словно гром.
В глазах багатуров — нездешний огонь,
Мечтанье о мире ином.
Пусть больше не светит им солнце живых —
Дорога ушедших легка.
Великое Небо приветствует их,
Уносят их вдаль облака...

На следующее утро Чингисово воинство тронулось в обратный путь, направляясь к родным нутугам. Бескрайние травяные просторы шли волнами под лёгкими порывами ветерка, а по воздуху плыли тягучие ароматы весенних трав. Мир был исполнен покоя, и ничто не напоминало о том, какой богатый урожай собрала смерть совсем недавно на берегу Эрдыша.

Всё когда-нибудь приходит к предначертанному концу. Никто из живущих под солнцем и луной не в силах убежать от судьбы — ни люди, ни твари бессловесные. Не зная дня своего исхода в ничтожество и прах, каждый тем не менее неумолимо приближается к нему. Настало время расплаты и для Джамухи. Скрепя сердце он был вынужден признать, что находится не в ладах с окружающим миром, хотя не мог понять почему. Все прежние друзья и союзники от него отвернулись, и ему было не к кому бежать, не у кого просить помощи. Покинутый большинством нукеров, он скитался по степи с горсткой джаджиратов, очень быстро превратившейся в обычную ватагу разбойников. Да и те разбежались один за другим — так что к зиме с Джамухой остались всего пятеро спутников. Он казался себе подобным соколу-подранку, не желающему падать в густые травы и продолжающему предсмертный полёт из последних сил.

В редкие часы досуга его мысли утрачивали прежнюю целеустремлённую чёткость; всё чаще они путались, переплетались в трепещущие клубки, и ему было очень непросто, преодолевая усталость и разочарование, снова и снова брать верх над собой, дабы не поддаться искушению сойти с намеченного пути.

«Хорош гурхан, с таким-то войском! — горько сетовал он, сидя у скудного огня, слушая злобные завывания ветра за стенами походной юрты и ощущая в душе что-то тёмное, нескончаемо-тягучее. — Кто не побоится сказать, тот и сделать спороворится, а я обещал народу победу

над андой — и, выходит, обманул, не сумел сдержать своего слова. Но я ведь никогда его не боялся, о нет, никогда! И смерть был готов принять без страха, если б она меня настигла в честном бою. Да, я совершал всё, что от меня требовалось, не жалея сил, просто мне изменила удача... Вечное Небо разделило живущих в этом мире на охотников и добычу. Охотник должен быть беспощаднее и быстрее, чем добыча, иначе ему не выжить... Я всегда считал себя охотником, перед которым любой враг рано или поздно склонит голову — так неужели это было ошибкой, и мне предстоит закончить свои дни, обернувшись добычей? Великий Тэнгри, что же я делаю не так? Отчего анда выпутывается из любых передраг, и ему во всех начинаниях сопутствует успех, а меня преследуют жестокие удары, предательство и злосчастье? Никто не может считать себя неуязвимым — отчего же его никакое лихо не берёт?»

Джамуха задавал себе множество разных вопросов, перебирая в уме былое. Лучше жалеть о том, что совершил, чем сокрушаться о несовершенном — так он всегда считал. И долго упорствовал, защищая установленные от века порядки в степи и старые, оплаченные жизнями пращуров границы между улусами. Ему было предопределено непрестанно сталкиваться с андой Тэмуджином, противоборствовать с новоявленным ханом — и Джамуха сражался, отстаивая для джаджиратов достойное место под солнцем, и мстил за убийства родичей, проливая потоки чужой крови. Добрые дела помнятся долго, а лихие поступки — вдвое. И он помнил. И день за днём — много трав кряду — пытался сдержать напор судьбы, не желая менять своих убеждений. В чём же он просчитался и когда предпринял неверные действия? Отчего со временем смерть становится всё более частым гостем в степи, и он, Джамуха, идёт от поражения к поражению? Ведь поначалу они с андой находились примерно в одинаковом положении, их кони мчались по жизни ноздря в ноздю. А теперь всё это в прошлом, Джамуха безнадежно отстал, и ему не дотянуться до счастливого соперника.

Ему претила мысль о том, что он может бесславно затеряться среди множества мелких ханов, слиться с неисчислимой массой людей, не способных возвыситься над посредственностью. Чёрная зависть к удачливому анде лежала на сердце Джамухи тяжёлым бременем. Жажда мести отравляла ему кровь день ото дня, не давая спокойно ни есть, ни спать, ни думать о чём-либо ином, кроме утраченных возможностей. Однако все усилия упрямого гурхана шли вразрез с ходом событий, и мельницы невзгод с медленной неуклонностью перемалывали его волю. Тому, кто спотыкается на каждом шагу, не суждено достигнуть цели; и постепенно жажда мести в нём угасала, уступая место усталости, надломленности духа, недоумению. Где он совершил неправильный шаг, свернув с победной тропы в зыбкую круговерть заблуждений и утрат? Почему успех раз за разом ускользает из его рук? Неужели он недооценил анду, и тот сильнее, хитрее, ловчее него?

Джамуха не переставал задавать себе вопросы, которые выстраивались в печальные вереницы, тянулись один за другим призрачными караванами и проваливались в пустоту, оставаясь бесплодными. Потому что он не знал ответов. Или просто не хотел знать, ибо в его положении было трудно не страшиться истины.

Уставившись сумрачным взглядом в готовый вот-вот погаснуть костёр, он разговаривал с трепетавшими во тьме жёлто-оранжевыми языками пламени. И кочевал по нескончаемым равнинам прошлого, ощущая себя подобным заблудившемуся путнику. Там, в стародавних днях, он был молод и силен и не ведал ни страха, ни преград. Но эта благословенная пора миновала, уплыла в стылую даль и растворилась в безвозвратном мраке — так, будто она ничего не значила и была лишь игрой воображения, коротким помрачением разума. И теперь дыхание памяти леденило и сковывало Джамуху, грозя лишить его остатков воли. А человек без воли — что нож без клинка.

В прежние времена он говорил о быстро набиравшем силу Чингис-хане: «Сколь бы высоко ни вознёсся выскочка, я его всё равно достану». Но то было прежде, а ныне всё изме-

нилось, и ничего подобного выговорить у Джамухи язык бы не повернулся. А если б и повернулся — никто такие слова не принял бы всерьёз.

Неприметным тихим зверем подкралась пора, когда свет надежды покинул его сердце. Джамуха более не стремился к противоборству с Чингис-ханом, позабыв о том, что прежде предпочитал бросаться навстречу опасности, а не ждать, пока она захватит врасплох. Нет, он уже не помышлял о нападении — только о бегстве. Его добытая в сражениях грозная слава тихо и неприметно пролилась в никуда, подобно тому как айраг проливается из опрокинутой чаши, чтобы впитаться без остатка в сухую землю.

Где та граница, пересекать которую воин не должен, поскольку за ней заканчивается осторожность и начинается трусость? Раз за разом возвращаясь к этой мысли, Джамуха пытался отыскать в себе страх — и не находил его. И раз за разом ловил себя на том, что утратил интерес ко всему, кроме прошлого. Да ещё того невозможного будущего, которое могло бы произрасти из призрачного минувшего, но, к сожалению, не сбылось, не дало щедрых плодов, поманило ярким блеском кратковременной славы и растворилось в тумане.

Порой Чингис-хан являлся к нему в сновидениях: широколицый, самодовольный, молча взирал на него, словно торжествуя победу над униженным противником. «Удача повсюду следует за тобой, как верная собака, — досадливо говорил Джамуха анде. — Куда ты — туда и удача: наверное, даже если захочешь — не отвяжешься. Отчего так?» Однако ничего не отвечал Чингис-хан. Только щерился в улыбке, топорща усы и показывая большие лошадиные зубы...

Верно говорят: тот, кто ныне слаб и незначителен, завтра может возвыситься, а тот, кто ныне высок — завтра окажется низвергнутым в прах. Увы, Джамуха всё яснее осознавал, что дотянуть до лучших дней и вновь подняться, вернув себе прежнее уважение соплеменников, ему не удастся. От былой силы ничего не осталось. Черта, отделявшая его от ничтожества, с каждым днём становилась всё тоньше.

...Зимой Джамуха и пятеро его спутников стали жить впроголодь: мелкого грабежа в такую пору года не сыскать, все сидят по своим аилам и далеко в степь не высовываются, а нападать на чужие курени вшестером — чистое самоубийство. Кое-как перебивались охотой, но и тут им не всегда сопутствовала удача, так что время от времени случалось ходить с пустыми животами по два, а то и по три дня кряду. Лошади у всех вконец отошали. Под толстым слоем снега они искали остатки сухой травы, но этого было недостаточно для пропитания.

Спутники Джамухи роптали у него за спиной:

— Обещал нам гурхан победу над врагами и довольную жизнь, а вон как неладно всё обернулось.

— Да-а-а, впереди волчья пасть, а позади — пропасть. Не привела нас к добру вражда с Чингисом: столько крови из-за неё пролилось в степи, да и мы, ничего не добившись, пребываем в ничтожестве.

— Сколько бы крови ни пролилось, Джамухе всё мало. На высокое дерево взлетел, точно птица, однако же недолго сумел удержаться.

— Как молодой коняга, резво одолел начало пути, но скоро выдохся: вот-вот запалится, споткнётся, да и захрипит, издыхая... Верно говорят: сначала сvari свои обещания и лишь потом вытаци их изо рта.

— О том и речь. Подать надежду легко, но исполнить обещанное бывает непросто.

— А начиналось-то всё хорошо.

— Что с того? Разве имеет значение, как всё начиналось? Главное — Чингис взял верх и скоро всех в степи подчинит своей воле, каждого поставит под пяту. Не будет от него людям добра, одно только зло. Много он несёт за собой напастей и раздаёт щедрой рукой, никому не жалеет.

— Да уж, на зло не скупится окаянный. Прибирает к рукам улус за улусом, а погибели сколько ни раздаст, у него в запасе ещё безмерно останется.

- И на нашу долю небось припас.
- Это уж само собой, можешь не сомневаться.
- Вон как жизнь обернулась. Обидно.
- Обидно, когда за тобой гонится свора собак, и вокруг не сыскать ни одного камня, чтобы отпугнуть, зато когда окрест не видать ни одной собаки, под ногами валяется много камней. А у нас-то было чем защищаться и с чем нападать. Оплошали мы, и не раз оплошали.
- То-то и оно. А ведь всё могло быть иначе.
- Как же это — иначе?
- Могли бы пойти на мировую, нам ведь предлагали.
- Верно, если бы Джамуха не упорствовал в своей вражде и мести — могли бы давно забыть о невзгодах. А он всё скрипит зубами, не может уговориться. Да теперь уж поздно идти на мировую, наше время ушло.
- В дневную пору сова слепа, в ночную — заяц, но тот, кого ослепила жажда мести, не видит света белого ни ночью, ни днём.
- И чего он добился? Столкнулось яйцо с камнем... Джамухе-то, наверное, мнится, что даже если небеса рухнут, для него найдётся отверстие, через которое он сумеет вылезти из-под руин.
- Кто живёт с надеждой, встречает смерть легко.
- А нам-то как быть? Из-за него сидим с подведёнными животами — кабы не кожа, то кости бы развалились. Нынче возле скудного огня стучим зубами от стужи, а завтра неизвестно, сумеем ли собрать достаточно сушняка для костра.
- Для скитальца в морозную погоду и огонь холоден, а благое настроение не водит компанию с пустым желудком.
- И просвета впереди не видать... Уж как ни крути, люди больше не пойдут за нами.
- Они идут туда, куда их ведут. Но если Джамуха мечется по степи, как ошалевший дзерен, и сегодня не знает, что предпринять завтра, тогда кому он нужен, кроме подобных нам простаков? Кто пожелает следовать за таким гурханом? Да и нас куда он может завести?
- И впрямь, чего нам ждать от него? Идущие следом за хромцом тоже скоро научатся хромать...
- По всему, дальше станет только хуже. Как бы нам не оплошать окончательно.
- Да где уж тут оплошаешь: сиди, грози пальцем небесам и дожидайся своей судьбины.
- Всяко случается. Иной раз думаешь, будто упустил удачу из рук и терять уже нечего, а потом видишь: самое главное-то ещё при тебе осталось, не успели отобрать.
- Жизнь, что ли?
- Её самую.
- Ну да, жизни наши пока при нас.
- Хоть это и верно, однако при таком положении скоро и жить не захочется.
- Не знаю кому как, а мне моя жизнь всегда будет дорога, даже в голоде и холоде, и расставаться с ней я не желаю.
- И я пожил бы ещё.
- Да кто вас станет спрашивать? Если встретимся с Чингисом — все наши жизни вместе взятые не будут стоить и одного лошадиного волоса.
- Вот уж с этим спорить не стану. У него просить пощады — всё равно что отбирать мясо у тигра.
- Истинную правду говорите. Потому нельзя нам ждать своей участи, ничего не принимая. Обмозговать всё надо как следует.
- Я каждый день только и делаю, что мозгую, впору голову сломать.
- Напрасное занятие измышлять выход, когда за нами нет и малой силы. Пока топор опустится, пенёк отдыхает — вот вся наша радость нынче.

— То-то и оно. А ведь голова на плечах у каждого одна: если что — запасной из глины не вылепишь да на место прежней не приставишь...

Джамуха не слышал этих разговоров, но чуял: смерть подкарауливает где-то неподалёку, затаившись в трепещущей темноте — чутко стережёт, выжидая момента, чтобы подкрасться внезапно, как подкрадывается хитрая лиса к сидящему подле своей норы тарбагану.

Когда Джамуха и пятеро его спутников собирались у костра, он, как правило, хранил угрюмое молчание. Да и что ему было сказать? Планов он не строил, и никаким его обещаниям отчаявшиеся скитальцы не поверили бы. Над пляшущими языками пламени порхали снежинки: замедленно, словно замороженные светом мотыльки, они снижались и таяли, растворяясь в тёмном воздухе. Небо словно специально посылало их на гибель, дабы напомнить о бренности всего сущего, в том числе и человеческих жизней, коих неисчислимо растаяло в жарком полыхании страстей и самолюбивых устремлений — без имён, без памяти, без следа... Нукеры в присутствии гурхана порой обменивались односложными фразами, но чаще всего тоже сидели тесным кружком в бессловесном оцепенении, хмуро уставившись в огонь скудного костра или выше, в не знающее пределов пустынное пространство перед собой. Не о чем было им говорить; каждого теперь своя собственная судьба заботила куда больше, чем будущность сотоварищей. Тяжёлая, гнетущая тишина висела над выстуженной зимними ветрами степной ширью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.